

Жан
МАРКАЛЬ

Карнак
и
загадка
Атлантиды

Историческая
библиотека

Жан МАРКАЛЬ

Карнак и загадка Атлантиды

*Может быть, памятники Карнака — последние следы
цивилизации Атлантиды?..*

**ЖАН
МАРКАЛЬ**

ЖАН
МАРКАЛЬ

КАРНАК
И ЗАГАДКА АТЛАНТИДЫ

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург

УДК (э)86.4
ББК 141.339
М27

Jean Markale
CARNAC ET L'ÉNIGME DE L'ATLANTIDE

Перевод с французского М.Ю. Некрасова

Компьютерный дизайн М.Р. Хафизова

Маркаль, Ж.

М27 Карнак и загадка Атлантиды / Жан Маркаль; пер. с фр.
М.Ю. Некрасова. — СПб.: Евразия, 2008. — 282, [6] с.

ISBN 978-5-8071-0266-9 (С.: Ист.библ.(84))

Серийное оформление С.Е. Власова

ISBN 978-5-8071-0222-5 (С.: ПКДВ(84))

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

С незапамятных времен загадочные аллеи менгиров Карнака разжигают воображение людей. Такое скопление каменных глыб, возведенных в одном и том же месте с помощью совершенно таинственных гехнических приемов, действительно способно удивить и озадачить. И многочисленные легенды о них отвечали на различные вопросы: что такое дольмены, менгиры, кромлехи, крытые аллеи — творение богов, осязаемое выражение могущества чудес, всесильной магии, забытых значений? Кто их возвел — незримые силы, великаны, гномы, наделенные неведомыми способностями?

Эта книга подытоживает все верования, все предположения по поводу Карнака и окружающих земель, самых богатых мегалитическими памятниками разного рода во всей Франции. Но автор идет дальше. Он предлагает новую гипотезу, смелую, но основанную на текстах и тщательных исследованиях: может быть, памятники Карнака — последние следы цивилизации Атлантиды, утонувшей на заре Истории при необъяснимых обстоятельствах, цивилизации, о существовании и исчезновении которой упоминает только Платон, доверившись египетским документам?

Эта новая гипотеза Жана Маркаля опирается на самые научные основы современной археологии и на сравнительное и систематическое изучение данных истории, антропологии, мифов и легенд. Возможно, загадка Атлантиды обрела свои корни и свое решение в Карнаке, в огромных мегалитических святилищах вдоль берегов океана? Такая перспектива, изложенная темпераментно и страстно, многих, вне всякого сомнения, заденет, по меньшей мере поколеблет какие-то убеждения, веками укоренившиеся в умах людей.

УДК (э)86.4

ББК 141.339

© Pygmalion. Gérard Watelet, 1987

© Перевод. М.Ю. Некрасов, 2006

© ООО «Издательство Евразия», 2006

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2007

Часть первая

МЕСТА

Глава I

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ОДНОГО ИСКАТЕЛЯ

Карнак — одно из мест, которые мне были знакомы еще до того, как я реально в них попал. Такого не объяснить, такое бормочешь, никогда не умея найти внятных причин подобного сродства. Может быть, все дело в том, что по вечерам в детстве, когда медлительная тяжесть города поднималась от земли и я ждал, что вот-вот гроза разорвет небо, мне в лицо всегда хлестал западный ветер, приносящий водяную пыль с неведомого океана?

Карнак — это прежде всего имя. И это имя связано у меня с разрывом, с яростью, всплывающей из тьмы веков. Без сомнения, в первую очередь это слово, два его твердых слога и слышатся мне в тумане, сквозь который едва проглядывает солнце. Но это еще и неспешное напоминание о мире, погруженном в варварство, о мире, который из-за отсутствия точных сведений делается еще более скрытым, еще более загадочным и который захватывает воображение настолько, что становится главной точкой разрыва между тем, что есть, и тем, чего нет. В этом отношении Карнак особенно богат разными образами и видениями, которые могут пробудить в подсознании человека изумительные воспоминания об эпохе, когда люди были достаточно сильны, чтобы воздвигать среди ландшафтов камни, символизирующие, что небо и земля — два полюса одной реальности.

Но для меня название «Карнак» связано еще и с землей моих предков. Я родом из семьи переселенцев и все детство

искал родники, пробивающиеся в людской памяти, попавшей в западню бесконечной пошлости, какая присуща повседневной жизни города. Я знал, что Карнак находится в центре края, где бились за выживание мои предки. Я знал, что один из моих прадедов родился в Каморе, на ландах Ланво, и занимался кузнечным ремеслом. Я знал, что бабушка, вырастившая меня, родилась в Плювинье, на тех же ландах Ланво — которые тогда представлялись мне пустыней, населенной странными камнями, — и когда-то жила в Оре, в соломенном доме — буквальный перевод бретонского *ti-plouz*, «хижина»: давнее воспоминание, которого бабушка не любила, потому оно было связано с долгой историей бедности и страданий. Волей судеб семью разметало по всему свету, и от родового очага остался лишь едва брезжащий образ простого гранитного дома под соломенной крышей, окруженного садиком, где растут кусты клубники, а на заднем плане встают великие тени Сент-Анн-д’Оре и Карнака. Бабушка, как все бретонки, особо почитала мать Святой Девы и, конечно, прошла через поля менгиров Карнака, о чем у нее остались странные воспоминания, хотя она была убеждена, что в иные вечера где-то между Ле-Менеком и Кермарио бродит тень Дьявола. «Понимаешь, — говорила она мне, — было время, когда люди еще не были христианами; они поклонялись идолам, но винить их за это нельзя, потому что они не знали, каков истинный Бог». Конечно, бабушка знала, каков истинный Бог, ни на единое мгновение в жизни не усомнившись, что этот Бог справедлив и благ и что он воздает каждому по заслугам. Она не задавалась вопросами вроде того, носит этот Бог бороду или нет: Бог есть — и все тут, остальное не более чем пустословие. Несомненно, поэтому я и разыскиваю Бога повсюду, даже в местах, где его нет.

Но при таком представлении Карнак разросся до исключительных размеров. Я мог видеть много открыток, изображающих аллеи менгиров и некоторые так называемые мегалитические памятники, в том числе знаменитый Стол Торговцев в Локмариакере, который в начале века выглядел именно как «стол», потому что камни и землю, составлявшие холм, в который

он был первоначально зарыт, скинули. Я видел классические — и совершенно идиотские — картинки, изображающие менгир и бретонца в шляпе с завязками, который рядом со стоячим камнем выглядел карликом, но вызывал слезу умиления у тогдашнего любителя живописных видов, очень уютно устроившегося в своей парижской квартире, греющегося около годемовской печи и мечтающего о чудесах, которые таит в себе мир, никогда при этом не выходя за порог дома. Серии открыток меня всегда восхищали: их занимательность можно сравнить только с их наивностью, чтобы не сказать — тупостью.

Таким образом, в детстве Карнак для меня был, с одной стороны, отдельными воспоминаниями бабушки, связанными с ее семьей, с другой — дурацкими открытками. И я не мог удержаться, чтобы не сравнить некоторые открытки, изображавшие группу девушек в костюмах и чепцах местности Оре у подножия менгиров, с фотографией моей бабушки в молодости, в таком же костюме и таком же чепце, который назывался «ласточка», хоть снимок слегка и пожелтел. Я говорил себе, что, *когда стану большим*, конечно, поброжу по этим полям, утыканным камнями, и сам увижу, какой они величины по-настоящему. Ведь я отчасти подозревал, что изображения, которые я вижу, — подделка. Увы... о том, чтобы отправиться туда немедленно, не было и речи. Родовой дом был уже продан. Семья рассеялась. Лето мы неизменно проводили в Броселиандском лесу, все в том же Морбиане, но в местах, называемых Страной Галло, где уже не говорили на бретонском языке наших предков. На это мне сетовать не приходится, потому что жизнь в Броселиандском лесу подтолкнула меня к тому непрерывному Поиску Грааля, который терзает меня и теперь. Но надо признать, что путь этого Поиска обязательно идет через поля менгиров Карнака. Любой из тех, кто выходит на поиски священного предмета; должен сначала узнать нечто, чего не выразить словами; прежде чем отправиться в рискованное плаванье к чудесным островам.

Познакомился я с Карнаком довольно поздно. А решилось все и началось в Броселианде, словно зачарованный лес Мерлина

был центром некоего замкнутого мира, вокруг которого мне предстояло кружить, прежде чем я смогу объявить, что более не считаю видимую реальность единственной формой знания, которую должно признавать благонамеренным людям. Наконец во время путешествия, предпринятого вместе с отцом, я открыл Карнак. Притом, говоря «Карнак», под этим волшебным названием я подразумеваю всю местность, окружающую его, край той таинственной мегалитической цивилизации, о которой, надо признать, мы ничего не знаем, кроме того, что она была блистательной и существовала за несколько тысячелетий до прихода кельтов на крайний Запад Европы.

Ведь в соответствии с очень распространенным клише мегалитические памятники считают «друидическими» либо следами кельтской или галльской культуры. Но мегалиты воздвигнуты самое меньшее за две тысячи лет до прихода кельтов, нравится это или нет тем, кто по-прежнему верит, что дольмены были «жертвенными алтарями», на которых друиды перерезали горло своим жертвам. Впрочем, чтобы иметь практическую возможность совершать такие ритуалы, друидам следовало быть великанами. К тому же не стоит забывать, что все дольмены когда-то были скрыты искусственными холмами из камней, гальки и земли, то есть совершенно невидимы. Правда, образ Обеликса, галла — резчика менгиров, лишь воспроизводит гораздо более давнее клише: в самом деле, еще на заре XX века верили, что мегалитические памятники были делом рук галлов, об этом свидетельствуют старинные карты и старые туристические путеводители. Кто посмел бы усомниться в их авторитете?

Бесспорно, в народном сознании любые следы прошлого, если они не имеют точной исторической привязки, каким бы их значение ни было, превращаются в фантастические объекты: многие дольмены — если не «столы Цезаря», то «столы Гаргантюа», а «кольцами великанов» или «скалами фей» оказалось бесчисленное множество памятников. Нехватку информации восполняют сверхъестественные объяснения, надо учесть и то, что народ восхищают подобные перемещения камней неиз-

вестными способами ради все еще загадочных целей, которые многие с удовольствием считают религиозными или магическими. В прошлом всегда есть что-то завораживающее, и из-за этого люди и события прошлого безмерно вырастают.

Таким был и мой первый контакт с Карнаком. Среди ланд, поросших хвойными деревьями, я внезапно увидел огромное поле стоячих камней, за которые еще цеплялись ветки утесников. Это было в Ле-Менеке, на самой, как я думаю, фантастической из аллей менгиров, потому что она на глазах медленно разворачивалась по складкам местности, напоминая морские волны. А потом последовало целое нашествие оборванных детей — что было, конечно, неслучайно и в те времена добавляло пейзажу живописности. Они накинулись на нас в надежде получить несколько мелких монеток в награду за объяснения. И какие объяснения... Один из двоих взял слово и отбарабанил урок, которому его научили родители или дед с бабкой. Впрочем, этот текст был не лишен обаяния: «Когда-то давно за святым Корнелием гнались римские солдаты. Он убежал на телеге, запряженной быками, но враги, которых было очень много, уже настигали его. Тогда святой Корнелий попросил Бога о чуде. Он прочел молитву и, оборотившись, сделал крестное знамение. Сразу же все вражеские солдаты застыли и превратились в камни. Вот почему сегодня вы видите на полях Карнака так много камней, и в память об этом чуде эти камни называются *soudarded sant Korneli*, то есть „солдаты святого Корнелия“. И они останутся такими навечно».

Дети получили манну, которую выпрашивали, и поспешили к другой группе, как раз приближавшейся. Тень гипотетического святого Корнелия парила над менгирами как большая птица, которая, прилетев с моря, натолкнулась на холодную скалу. В тот августовский день 1948 года я не мог себе представить, что произойдет на том же месте тридцать три года спустя, в январе 1981 года. Орды маленьких оборванцев к тому времени исчезли: это было уже невыгодно. Но я задумал короткий телевизионный фильм о Карнаке с двумя основными персонажами — хранительницей музея и двенадцатилетним мальчиком,

которого мы разыскали в соответствии со всеми административными уставами, чтобы отразить поэзию этих мест в ее существе и наивности. Мальчик говорил на местном наречии, шмыгал среди камней и воспроизводил то, что ему рассказывали с самого раннего детства. Анна, хранительница музея, по-матерински добрая, но притом старавшаяся подправлять вымысел и добавлять к нему какие-то здравые рассуждения научного характера, возникала в кадре из-за менгира в тот самый момент, когда ребенок нес свою бездумную чушь. Собственно говоря, это были прекрасные эпизоды. И вот однажды январским днем 1981 года в Ле-Менеке, когда мальчик только что рассказал легенду о святом Корнелии и его телеге с быками, в поле нашего зрения появился крестьянин на телеге, которую тащили две черно-белые коровы. Это было скорее неожиданностью и редкостью во времена, когда с наших полей, увитых лентами тумана, трактор уже изгнал последних быков и волов. Мой старый соратник, постановщик Робер Морис успел среагировать: он велел *cadreur*'у (такое официальное и *французское* название дано теперь *cameraman*'у¹) ловить момент — перед нами же был святой Корнелий, его не следовало упускать. Тот остался запечатленным на пленке, как запечатлен на ней и вклад Робера Мориса, моего старого соратника и искреннего друга, уже отбывшего к берегам Иного Мира, но которого я не могу вспоминать без грусти. Это было, видите ли, во время, когда еще верили в *зудеса*...

Но тем летом 1948 года я еще не мог бы вообразить себе столь отдаленного будущего. Я не имел ни малейшего понятия, что на самом деле представляют собой менгиры аллея Карнака. Я смутно знал, что они появились раньше галлов, вот и все, и был неспособен датировать их или включить в какой-то культурный контекст. Прежде всего это был край моих предков. Мне там было хорошо, но я был совершенно поражен массивностью камней и загадками, которые возникали в связи с ними. Еще юношей войдя в зрелый возраст, я прежде всего

¹ *Cadreur* (фр.), *cameraman* (англ.) — оператор. — *Примеч. пер.*

старался найти себя самого. Я писал стихи и печатал их в дешевом журнале, который основал и, кстати, полсотни номеров которого увидело свет при участии как неизвестных авторов, так и знаменитостей того времени: Шарля Ле Кентрека, Эрве Базена, Робера Сабатье и других, которых пыль пространства разметала по всему свету. Я любил Бретань. Карнак составлял часть Бретани. Я больше не задавался о ней вопросами и старался воспеть ее в лирике, иногда столь же неистовой, как гроза на Сене в виду острова. Благословенные годы, когда я иногда жертвовал своими — так называемыми серьезными — исследованиями ради страстной любви к поэзии и к Бретани, средоточию кельтского духа, который начинал неотвязно преследовать меня, дни будничных дел, ночи красновато-коричневых грез с золотистым отливом, проникавших под усталые веки...

Можно догадаться, что образ Карнака, пусть чисто эмоциональный, пусть пропитанный всеми предрассудками и клише, стал для меня эмоциональным шоком, последствий которого для эволюции моих собственных исканий я, конечно, не мог предвидеть. Мне тогда не было смысла задаваться вопросами о происхождении мегалитов, о их значении, о их религиозной или метафизической компоненте. Нужно было только смотреть, накапливать впечатления, осмыслять их, использовать их, двигаясь в направлении, которого я еще даже не мог найти. В те безумные годы Бретань казалась мне огромным полуостровом с хорошо знакомым лесом в центре — Броселиандой моего детства в окружении скалистых берегов, ведущих непрерывную борьбу с туманным океаном, ярость которого разжигала воображение. Между лесом и берегами, на которые обрушивались волны, был гранит. И этот гранит на продуваемых ландах выступал кристаллами менгиров и дольменов, словно свидетельствуя о древности этой земли и ее упорном желании вопрошать небо и вызывать бури. Почти карикатурная картина с менгиром и человеком в бретонском костюме, глуповатая, старомодная, как призрак, случайно попавший на фотопластинку, оставленную нерадивым фотографом. Были еще открытки,

знаменитые старые открытки, которые я, разумеется, коллекционировал, с марками, штемпелями и аннотациями — настоящие святилища страны, которая уже умерла, но в исчезновение которой с карты мира я не хотел верить. Я был бретонцем и гордился этим, и если несущей конструкцией моего края оказались идиотские клише, тем хуже. В моем распоряжении других не было. И я ни о чем не жалею, пусть это сегодня и вызывает у меня улыбку. С тех пор я создал для себя идеальную Бретань, которой не существует, но которая совершенно реальна, взяв для нее элементы из всего, что мог найти в Ирландии, Уэльсе, Корнуолле, по ту сторону Ла-Манша и из той армориканской земли, которую я всегда узнаю, потому что она липнет к моей коже, как медицинская банка, готовая меня обескровить, высосав из моего существа невероятную энергию, доставшуюся мне от предков с гранитными головами, будь они с этого берега Ла-Манша или с того. Для меня это все едино, и океанские ворота во мне открыты для кельтского мира, где бы он ни находился, лишь бы я слышал в кустах яростный и хриплый клекот хищных птиц.

Традиция армориканской Бретани всегда описывает *ifern uêl*, то есть «холодный ад», ледяной мир, где неуютно жить и где Дьявол посмеивается при мысли, как проповедники обманули верующих, обрисовав им жилища проклятых душ в виде серных и огненных пещер. Грешники, поджариваемые на вертелах или кипящие в добрых медных котлах? Шутка. Последняя шутка Дьявола, который всегда старается уверить в обратном по сравнению с тем, что есть на самом деле. В Плуинеке, недалеко от Карнака, в одном месте, где тоже есть аллеи менгиров, рассказывают, что под одним из менгиров Дьявол хранит сокровище. А ведь иными ночами менгиры снимаются с места и идут пить воду к реке; тогда-то и надо откапывать это сокровище. Но берегись: там бродит Дьявол. Горе тому, кто недостаточно проворен: он ощутит на затылке холод камня, и тот его придавит, втиснет в абсолютный холод, где противоречия стерты, потому что все сковано льдом, вечной неподвижностью. Холодный ад... Карнак и его внушительная масса

непостижимых аллей менгиров — это тоже *ifern uên*. И красное проклятие тому, кто мне не верит...

Все это показывает, что первое знакомство с аллеями менгиров Карнака едва ли стало определяющим в исканиях самого себя, которые тогда я вел. Лишь намного позже, когда я погрузился в размышления, лишённые абсолютных опор, оказалось, что образ мегалита необходим, как наконечник копья, чтобы понять кельтскую цивилизацию и все ее составляющие. Сначала была совокупность понятий «менгир — дольмен — кромлех» и друидические церемонии. В то время я не мог представить себе друида иначе чем в тени огромного менгира или взгромоздившимся на стол дольмена, чтобы умертвить более или менее покорную жертву. Я прочел «Мучеников» Шатобриана, и эпизод с Велледой в туманной Арморики отпечатался у меня в памяти. Пусть даже я знаю, что весь этот текст — лишь порождение горячечного воображения виконта из Комбура, все равно меня волнует и захватывает — в магическом смысле слова — чтение этих *романтигеских* страниц за пределами времени и пространства, какие вскармливают и вспаивают искателей приключений. Коннотация была очевидной. Все, что было до римлян — кельтское. И я со страстью принялся за розыски *друидигеских памятников*. Моим проводником был г-н виконт де Шатобриан. Я чуть не заплутал на тропах, которые не вели никуда, кроме как в призрачный мир всех Люсиль, Атала, Веллед и прочих Полин де Бомон, в мир, который в конечном счете не был бы отталкивающим, но окончательно скрыл бы от меня самую суть того, что я смутно провидел, не умея выразить, в первый день своей встречи с аллеями менгиров Карнака. В то время я говорил о поэзии, и все было поэзией мгновения. Я мог бредить образом.

К счастью, вскоре я обрел другого проводника, человека, которого лично я никогда не знал, но работы и сочинения которого оказали невероятное влияние на мою жизнь: это был Захари Ле Рузик, бедный крестьянин из Карнака, начавший с должности «боя» при шотландском археологе Милне, неведомо как забредшем на поля менгиров Карнака. Ле Рузик втянулся в

это дело. Он продолжил изыскания Милна. Он знал этот край, знал то, что иногда рассказывают о мегалитах по вечерам, во время посиделок. Он вышел на поприще совсем юным. Но из него вырос замечательный человек, который, хоть наука того времени еще не располагала удовлетворительными средствами, умел отличить правду от лжи, воображаемое от реального. После чтения его работ пейзаж Карнака выглядит совсем иным.

Это совершенно преобразило мой открыточный образ той немислимой груды вожделеющих камней, тянущихся к небу в ожидании огненной руки, которая увенчает их туманами. В сентябре 1951 года я предпринял второй штурм, направленный, может быть, на изучение столь же придуманных реалий, но более глубокий, во время которого мир понемногу смещался.

В тот период я бродил по Бретани во всех направлениях, пешком, чтобы познакомиться с выдолбленными дорогами, которые, казалось мне, таят в себе нечто от старого времени, от открыток моего детства. Некоторые сохранились в моей памяти: гигант Эрдеван, огромный менгир, сфотографированный отдельно от всех остальных, но рядом с человеком в бретонской одежде, чтобы были видны масштабы; целительница из Пульдю, где на берегу источника, явно выбранного из-за живописности, старуха в чепце массирует запястье пациента, которому, похоже, нравится позировать. И главное, чудо из чудес, «бард Стерден Брейз-Изель (Звезда Нижней Бретани), набирающийся вдохновения на морском берегу». Изображался человек в самом расцвете лет; с усами, в шляпе с завязками, в жилете, от которого, наверное, отдавало нафталином, преклонивший колени и поставивший ногу на скалу, а на заднем плане — волны бушующего моря. К несчастью, внизу снимка явственно различалась линия, показывающая, что декорацией служил холст и что «бард» всего-навсего принял позу — а какой горделивый был у него вид... — в ателье фотографа. Было над чем усмехнуться и даже расхохотаться. Может быть, традиционная Бретань и вышла прямо из ателье фотографов и измышлений интеллектуалов XIX века, вроде Эрсара де Ла Виллемарке или Эмиля Сувестра? А папье-маше и расписной холст оказались прочнее

и сильней, чем гранитные скалы, о которые в течение веков разбилось столько кораблей, благодаря чему процветал и промысел тех, кто искал обломки кораблекрушений, особенно в Стране Паган, то есть на берегах Северного Финистера, где ветер и море воистину объединились, чтобы лишить землю последних мысов? Боюсь, иногда и я верил этим фольклорным образам Бретани. Но теперь я знаю, что Бретань другая, что она, конечно, разочарует любителей живописности, но покажется намного прекрасней тому, кто примет ее в самое сердце — такой, какова она есть.

Итак, в то время я бродил по ландам и побережьям Бретани в обществе Клер, которая, не будучи бретонкой, не имела тех причин для поиска сути вещей, какие были у меня, но восхищенно смотрела во все глаза на то, что мы встречали. Посохом пилигрима служила нам молодость. Наш энтузиазм выражался в безумных, изнурительных переходах. Но мы были счастливы. Запах сидра, еще подававшегося в чашке, вкус соленого сливочного масла из маслобойки фермеров, едкий дым от сучьев утесника, горящих в очаге, узкоколейки, еще бороздившие этот край во всех направлениях, с осыпанными угольной пылью насыпями, вдоль которых мчались поезда, тряские автобусы на избитых дорогах, стойкий запах морских водорослей, высыхающих на песчаном берегу, — все это будило в нас желание погрузиться во тьму забытого прошлого. А наши сны берегла тень святой Анны.

Ведь святая Анна активно присутствовала при наших паломничествах по дорогам Бретани. Моя бабушка так рассказывала мне о той, что держала на руках Святую Деву, так описывала храм Керанна, то есть Сент-Анн-д'Оре, что этот таинственный персонаж обрел во мне плоть, став как бы мистическим двойником моей собственной бабушки. С тех пор я узнал, что под именем святой Анны скрывается образ Богини Начал, божества, порой бывающего грозным. С тех пор я узнал, что островное кельтское предание производит бретонцев от загадочной Аны, которую в валлийских текстах называют Дон, а в ирландских повествованиях — Дану, матерью богов древней

Кельтии, Девой Дев, *Virgo paritura* старинных легенд, пере-
нятых христианством. Я также узнал, что статуя, найденная в
Керанне благочестивым Николазиком в XVII веке, в которой
признали святую Анну, бабушку Иисуса, на самом деле была
языческой статуей богини-матери и что по такому случаю ее
тщательно переделали капуцины Оре, чтобы она стала при-
личной и достойной поклонения верующих. Я также узнал, что
в те же времена на берегах реки Блаве, на склонах Кастеннека,
в Бьези-лез-О, кельтском оппидуме, впоследствии романизо-
ванном, но не принявшем христианства, местное население
отправляло любопытные сексуальные обряды под статуей, изо-
бражающей «Венеру» или «Исиду», в общем, языческую боги-
ню, унаследовавшую странные литургии оплодотворения. Ну
и что — святая Анна, которую бретонская агиография пред-
ставляет уроженкой Арморики, вышедшей замуж за злого па-
лестинского сеньора, составляла часть привычного мне мира,
а оттого, что бабушка окружала ее совершенно особым куль-
том, мой интерес к этой святой только возрастал. У меня было
чувство, что я принадлежу к роду священников, продолжаю
ритуал, который происходит из тьмы веков и делает меня хра-
нителем тайн древнего кельтского христианства, не имеющего,
кстати, абсолютно ничего общего с Римской церковью, Апо-
столической и Католической. Ересь держала меня в клещах уже
в те времена страстного поиска моих корней, и я ощущал себя
скорее учеником Пелагия, чем святого Августина, не умея,
однако, сформулировать, что побуждает меня к такому выбору.

Итак, начав с Сент-Анн-д'Оре, мы добрались до полей мен-
гиров Карнака, опять-таки до Ле-Менека. Мне тогда были не-
ведомы ни Кермарио, ни Керлескан, которые не менее фан-
тастичны и не менее интересны. Было очень жарко, очень
душно. Солнце, сиявшее в начале дня, заволочла золотистая
дымка, отчего тени сосен с соседних ланд вокруг нас расплыва-
лись. Из-за этого же кусты утесника сверкали всеми оттенками
красного золота. От земли тяжелыми лентами поднимались ис-
парения, словно солнце внезапно приоткрывалось и от этого
вспыхивало пламя. Уже давно собиралась гроза. Она шла из

глубины веков и пробудилась с нашим приходом, словно это широкое поле менгиров, в котором я уже видел святилище, ждало только нас, чтобы снова завибрировать — перед лицом неба, перед лицом земли, перед лицом моря, которое ощущалось невдалеке отсюда, за ширмой из деревьев и домов.

Вдоль аллей громыхнул долгий гром, и эхо его прокатилось от камня к камню, не спеша просочилось меж кустами утесника, проползло по дорожкам, раскалываясь, отдыхая, стихая, редая в тисках бесконечных туч. Гроза была не над нами. На самом деле, должно быть, она шла довольно далеко к югу, вероятно, на Кибероне, но она присутствовала здесь, как зверь, притаившийся в ожидании добычи. Кто был добычей, которую она подстерегала, — мы? Глухие раскаты, доносившиеся до нас, усиливали мою тревогу: в данных мне ощущениях я уже не мог отличать реалии повседневного мира от реалий Иного Мира, ворота которого разверзались под ногами.

Я не часто испытывал впечатления такого рода. В моей жизни они были редкими и краткими и всегда требовали присутствия женщины — посредницы между здешними и тамошними силами. Не могу удержаться и не вспомнить другую мегалитическую зону, очень небольшую, в Броселиандском лесу, которая называется «Сад Монахов» и находится вблизи обширных унылых ланд, выше Треорентека. В те времена, уже далекие от меня, я знал только, где она находится, и лишь отдельные куски камня поднимались в ней над землей, покрытой зарослями ежевики, дрока, вереска и утесника. Клер никогда ее не видела, не открывала, не скребла, не долбила, не углубляла. Лишь тридцать семь лет спустя я открыл эту зону в ее наготе, и тогда со мной была Мон. Каменные глыбы, странным образом выложенные тремя кольцами, загадывали нам загадки. Когда мы, Мон и я, впервые увидели это место, мы слышали глухой звук, который как будто предупреждал нас о чем-то. «Стучащие духи, — сказала Мон, — всегда приносят вести». Мы вернулись туда вечером 31 октября, то есть на великую ночь каждого года, ночь великого кельтского праздника *Самайн*, в час, когда холмы, укрывающие Богов и Мертвых, открываются и

пропускают живых. Мы пробыли там долгий миг, словно навечно впад в прострацию. Я чувствовал себя растворенным в мире камней и пепла, чувствовал, что все мое существо размыто, уничтожено, опустошено, что я уже *на другом берегу*. Из оцепенения меня вывела Мон. Она испугалась. Она сказала мне, что мы погрузимся в землю и навсегда затеряемся в мире насилия и страха. «Это Атлантида, — сказала она мне, — это остатки цивилизации атлантов: вспомни, что они уничтожили себя своей гордыней и насилием». Я едва смог выйти из оцепенения. Влажный запах мертвых листьев парализовал меня. И я слышал в глубине ночи глухие раскаты — отзвуки былых катаклизмов.

Странный вечер. Мысль о насилии врезалась в мое сознание. Эти фаллические, агрессивные камни, дырявившие ночное небо, вибрировали как ужасные перфораторы. В какой бездне мы закончим головокружительный спуск в «преисподние», населенные чудовищами? Получается, в этих рядах менгиров следует видеть возвеличение силы, насилия? Или это просто капли энергии, зацепившиеся за поверхность земли и предоставленные в распоряжение людям, чтобы те могли пересечь сферу звезд?

Примерно такие чувства я испытывал в Карнаке, среди аллей менгиров Ле-Менека, в обществе Клер лет тридцать семь тому назад, в Бретани, пока едва показавшейся из туманов легенды. Эта отдаленная, но близкая гроза, эти удары грома, бесконечно отдающиеся среди огромных каменных глыб, — все это, разумеется, усиливало ощущение хаоса и первобытности, характерное для этого места. Откуда же поднялись эти каменные волны и, главное, какая весть, пришедшая извне, отзывалась в них раскатами? Я не мог ни разобрать звуков, доносившихся до меня, ни оценить их громкости. Все, что я могу утверждать: в тот день — ближе к вечеру, под серым небом, набухшим от испарений, — я понял, что под глыбами, презиравшими меня в своей шершавой ярости, притаилась загадка. Ле-Менек трясся, а вместе с ним и мир, готовый поколебаться в своих основах. Не сместится ли земная ось?

Вечер мы закончили на Кибероне. Мы долго бродили по тропам, по которым в то время только и можно было выйти на Дикий берег. Там тоже были менгиры, конечно, в гораздо меньшем количестве по сравнению с Карнаком, но, в конце концов, достаточно внушительные, чтобы их можно было считать вехами на дороге, ведущей в святилище. Главным было бы выяснить, для каких церемоний было предназначено это святилище. И кто отправлял в нем службы? Все эти вопросы остались бы без ответа. Напрашивалась только констатация, что тысячи лет тому назад люди, воодушевленные верой в неизвестное божество, сконцентрировали невероятную энергию, чтобы возвести этот гигантский храм на открытом воздухе, причем на *сакральной* земле, на границах населенного мира, напротив бурного океана, который мог быть только воротами в Иной Мир.

С тех пор я часто бывал в Карнаке и во всей этой области, в окрестностях Плуарнеля, Эрдевана, Локмариакера, а также на другом берегу реки Оре и в заливе Морбиан, в той удивительной зоне, где находятся прекраснейшие мегалитические памятники той самой Западной Европы, самая древняя традиция которой не давала мне покоя. Начав с помешательства на Бретани и артуровских легендах, я дошел до древних кельтов Галлии, Великобритании и Ирландии. Но за кельтами вырисовывались огромные тени мегалитов, и я почувствовал, что не смогу понять кельтов, не исследовав следы тех народов, которые предшествовали им на этой неблагодарной земле. Я прекрасно знал, что строители дольменов и менгиров принадлежали к совсем иной цивилизации, что они населяли Арморикку более чем за две тысячи лет до прихода первых кельтов. Но у меня не хватало решимости признать существование разрывов между разными культурными слоями, один из которых сменяет другой. Я уже больше не мог воображать друида в длинном белом одеянии, приносящего человеческую жертву на столе дольмена в окружении орды свирепых воинов. Но я полагал, что в религии друидов должно было остаться что-то от верований строителей мегалитов.

Вот почему в такой восторг привели меня петроглифы, то есть резные изображения, которые иногда находят на опорах некоторых мегалитических памятников, дольменов и крытых аллей, реже на менгирах. Это было настоящим озарением: доисторические люди, не оставившие ни одного письменного следа своих мыслей, все-таки высекли на камне знаки, и даже если этим знакам грозило не скоро получить объяснения, я считал себя обязанным исходить из них, внимательно их рассмотреть и вернуть в философский и метафизический контекст западной Традиции. Итак, я был буквально околдован: люди самого неведомого прошлого оставили мне послание, и даже если я покажусь — и буду — человеком с избыточным самомнением, мой долг — попытаться расшифровать это послание.

В то время я часто посещал группу сюрреалистов, и у меня хватило энтузиазма и аргументов, чтобы заинтересовать своими поисками цивилизаций и, в частности, искусства, которое предшествовало «римскому миру», Андре Бретона и его друзей. Архаические области, неизвестные или вызывавшие подозрения в ереси, всегда страстно занимали Андре Бретона, этого великого поэта, который к тому же был любознательным человеком и неутомимым искателем «Золота Времени». Он увлекся моими первыми транскрипциями древних валлийских бардов и написал предисловие к первому их изданию, подготовленному мной. Он изводил антикваров и нумизматов поисками любых галльских монет, считая, что именно в монетах последних времен независимости кельтское искусство выразилось в самом чистом виде. Он устроил вместе с Ланселотом Лангелем, заново открывшим галльское медальерное искусство, в парижском Педагогическом музее памятную выставку «Галльское искусство и его продолжения», куда, разумеется, входила сюрреалистическая живопись или та, которую так называют. Я не могу здесь равнодушно вспоминать свои встречи с тем, кого называли «папой сюрреализма» — на парижских улицах, перед витриной антиквара, музеем или Национальной библиотекой, а также долгие мгновения испуленного восторга, когда в своей мастерской на улице Бланш,

окна которой, однако, выходили на бульвар, он мне чуть ли не с религиозным пиететом показывал последние из приобретенных произведений галльского искусства. Беседы с Андре Бретоном, его пламенное воздействие, его изумительная культура, его обостренное ощущение искусства, его интуитивное знание людей и вещей — все это было для меня существенно в те годы, которые я с удовольствием определяю как *безумные* и которые в той же мере сформировали мои взгляды, в какой развили во мне интерес к поиску и глубокое чувство подлинности.

Я проводил дни в Национальной библиотеке, расшифровывая старинные валлийские тексты, которые извлекал из журналов, где страницы даже не были разрезаны. Экскурсы в бардовскую поэзию я перемежал вылазками в бесконечный мир, который обнаружил в холмах. Я уже знал, что несколько вечеров в году эти холмы открываются для взора тех, кто способен разглядеть необычайный и золотистый *зерный свет*, позволяющий смельчакам пройти через коридоры и лабиринты к чудесным и волшебным равнинам вечного Лета. Я поглощал книги. Я размышлял над начертанием знаков, зарытых в них и происходивших как из Ирландии и Великобритании, так и из Арморики моих предков. На острове Гавринис в заливе Морбиан, где внутри кургана, теперь восстановленного, находятся прекраснейшие из дольменических изображений, перекликающихся с рисунками таких памятников, как Нью-Грейндж, Сидна-Бруг из ирландских легенд, спирали которого не давали мне покоя, или Брин-Целли-Дду на острове Мэн (Môn), то есть Англиси, инициационный холм, внутри которого на камне вырезаны странные дороги. Тогда я не мог себе представить, что когда-нибудь у меня будет спутница по фамилии Мон (Môn). Мэн, *Ynys Môn*, остров друидов, очень далеко, у оконечности Гвинедда (точно так же называется край вокруг Ванна, *Gwened* — Gwened), почти у самого Уэльса, откуда происходили некоторые из моих предков. Определенно, даже если мегалиты не были построены друидами, они неоспоримо воздействовали на верования кельтов и на их странные обряды на побережьях

той неопределимой Бретани, у которой повсюду центр и нигде нет периферии.

Но я все еще обследовал глубинный Морбиан, порой даже места, которых невозможно найти. Помню, как спрашивал о дольменах, не существовавших уже самое меньшее лет сто, принимал за мегалиты обломки породы, восхищался круглыми углублениями в скалах, которые были всего лишь результатами эрозии. Однажды старушка, которая никак не могла взять в толк, что такое дольмен, наконец воскликнула: «А! Вы имее-те в виду камни, которые принесла в подоле фея!» И вправду милая история, свидетельствующая о живучести мифов в среде сельского населения. Но из этих терпеливых объяснений вырисовывался один и тот же образ — Мегалитической богини, той, которую археологи называют *идолом в форме щитка*, которая властвует в памятниках Локмариакера, но изображение которой можно встретить почти повсюду, включая область Парижа, а именно Шанже-Сен-Пиа близ Шартра, в долине реки Эр, где мегалитическая цивилизация бесспорно послужила основой для друидического культа, о котором свидетельствуют исторические тексты. Этот образ Богини Холмов не давал мне покоя. Сопоставляя с результатами своих наблюдений то, что находил в самых архаичных кельтских легендах, а именно в рассказах языческой Ирландии, я устанавливал соответствия, по меньшей мере аналогии. В погребальной камере на острове Гавринис я обнаруживал очертания Грааля. Крытые аллеи я населял призраками, пришедшими прямо из «битвы при Маг Туиред», странной эпopeи, которая описывает перипетии борьбы между богами Tuatha De Danann (Племенами богини Дану, все той же святой Анны...) и великанами-фоморами, воплощением потусторонних зловещих сил, от которых отдает серой. Правду сказать, я очень надеялся, что в один из вечеров *Самайна*, то есть в ночь с 31 октября на 1 ноября, сумею обнаружить «тайный ход в закрытый дворец короля», что мне позволит побродить в свое удовольствие по чудесным равнинам и благоухающим садам Тир-на-ног, той «земли обетованной», которая представляет собой «соседний мир», параллельный

видимому миру повседневности, где плоды круглый год спелые, где нет ни болезней, ни слабости, ни огорчений, ни смерти, а только вечное лето и в котором танцуют Моргана и ее сестры — последние явления Мегалитической богини.

Обо всем этом я написал статью, не такую уж плохую, и опубликовал ее в журнале «Сюрреализм — сам», которым тогда руководил Андре Бретон. Я озаглавил ее «Солнце холмов», пребывая в полном убеждении, что Свет, реальный свет духа, скрывается где-то внутри того, что англо-ирландцы называют *fairies-mounds*, а гэльские пуристы — *sidhs*, причем последнее слово означало «мир» [не война]. В конце концов, Прометей ради второго похищения огня, который он передал людям, отправился в подземный мир Гефеста, а не на туманный Олимп своего старого врага Зевса. И у меня уже возникло чувство, что так называемая «Богиня могильных курганов», будучи, конечно, покровительницей усопших, вместе с тем была также и прежде всего Богиней Света, Женщиной-Солнцем, которую я после этого увидел также в историзованных чертах Изольды Белокурой и ее ирландского прототипа — Граинне, чье имя происходит от слова *grian*, означающего просто-напросто «солнце». Да, в глубине холмов сияло солнце, настоящее солнце. И я страстно предавался поискам этого самого солнца. А в Локмариакаре, в крытой аллее, которую называют Мане Люд (что значит «Холм Пепла»), внутренние опоры которой усеяны изображениями стилизованных лодок, волн и солнца, я охотно усматривал образ бога Луга, носителя Длинного Копья, Ремесленника, Искусного Во Многих Ремеслах, лик которого сияет всеми цветами радуги. Все-таки мечтать надо: к открытию глубинных реальностей ведет мечта.

Было еще и открытие Гавриниса. Для меня аллеи менгиров Карнака могли составлять только часть некоего еще более грандиозного целого, для которого оставалось лишь определить четкие контуры. Значит, я должен был исследовать все, даже самые незначительные холмы окрестностей Карнака, в убеждении, что вместе с аллеями менгиров они составляют некое огромное святилище, раскинувшееся по земле, которая

с глубокой древности посвятила себя культу Иного Мира. Гавринис на островке в заливе Морбиан, дольмен, изображения великолепных резных опор которого я уже видел, казался мне важной точкой, чтобы не сказать — центром всей системы, созданной теологами третьего или четвертого тысячелетия до нашей эры, гениальными теологами, которые были также астрономами, астрологами и архитекторами и которым было точно известно, где расположены силовые линии, переполняющие землю, а также нервные узлы, где земля может сообщаться с небом. В конце концов *неметон*, «священная поляна» посреди леса, где отправляли свой культ друиды и название которой происходит от кельтского *net* — небо, была придумана не галлами: друиды только расположились на более древних святилищах, как позже места *неметонов* заняли многочисленные часовни. На нашей непостоянной земле Сакральное — это то, что прочнее всего остается в памяти.

И вот чуть ненастным сентябрьским днем 1956 года мы, Клер и я, причалили к берегу Гавриниса, отплыв из Лармор-Бадена в лодке обычного рыбака, при надобности возившего по заливу отважных туристов, которые любили красивые пейзажи, но еще не привыкли к комфортабельным катерам, нарушающим в наши дни спокойствие Морбиана, этого «Маленького моря», которое щадят сильные ветра открытого океана и часто ласкают лучи такого солнца, от какого бы не отказались и жители Средиземноморья. Нас высадили на Гавринисе, но с противоположной стороны от кургана. Чтобы добраться до памятника, нам пришлось пересечь весь остров.

Это был странный переход. Мы шли по тропе меж двух изгородей. Слева на лугу паслись белые бараны. Справа, на другом лугу, были черные бараны. На память упорно приходил кельтский миф, и я не мог не вспомнить двух главных эпизодов из преданий, один из которых принадлежал к ирландскому тексту «Плавание Мэлдуина», а другой — к валлийской повести «Передур», архаическому рассказу о поиске Грааля, герой которого, эквивалент Персевала, проводил время в поисках «Замка Чудес». Сюжет обоих эпизодов — один и тот же: когда

белый баран переходит на территорию черных, он становится черным, а когда черный баран переходит на территорию белых, он становится белым. Этот сюжет много раз комментировали и пришли к выводу, что имеется в виду знаменитый «брод душ» из друидических верований: это символ взаимопроницаемости обоих миров, возможности перехода из одного в другой, *но в обоих направлениях*. Для кельтов, как сказал латинский поэт Лукан, повторив слова одного друида, «смерть — только средство продления жизни».

Не могу утверждать, чтобы в тот сентябрьский день 1956 года черные бараны становились белыми или белые — черными. Но элементы мифа там присутствовали. Конечно, для нас Гавринис мог быть лишь одной из тех странных пограничных территорий, чем-то вроде переходной зоны, где мирно встречаются, сближаются и иногда проникают друг в друга оба мира. Тем большую ценность получало наше странствие по острову, по этой тропинке, по двум аллеям вдоль холма, идущим сначала под буками, а потом под дубами. И наконец возник холм, смотрящий на закат и в то же время на море, потому что ясно различалась узкая бухта, отделяющая мыс Керпенир в Локмариа-кере от Пор-Навало на оконечности полуострова Рюис.

Мы вошли внутрь, как входят в храм, с благоговением, достойным самых торжественных служб. Мы почувствовали влажный воздух, но при свете свечей, которые одни только позволяли осознать величие этого места, нас охватил *транс*, та разновидность внутренней радости, которая освещает и самые темные коридоры земли. Да, это, конечно, был мир *сида*: перед нами открывались равнины, в океане бушевали волны, фруктовые сады протягивали нам спелые плоды, клумбы роз открывали для нас красновато-коричневые чаши с золотистым отливом, а в глубине стояли строения, пышные и простые, может быть, возведенные из чистого хрусталя, где ждала нас королева ночи в окружении служанок, камеристок, приближенных, чтобы указать на тайный огонь, укрытый внутри сосуда где-то в неведомой комнате Крепости Теней. Это было Чудо. И это было восхитительно. Это было вознаграждением за долгие

переходы, за дождь, за грозу, за путь по тропинкам. Там были только роскошь, покой и наслаждение. Но все-таки это наслаждение было терпким. В конце концов крытая аллея Гавриниса с погребальной камерой в глубине не более чем могила. Там ощущался сырой запах смерти. Там ощущалось гниение, ощущалось, что камень медленно разрушается. Отовсюду сочилась вода. Гнилое место.

Но какое место! Я всегда был без ума от болот — мест, где смерть создает лучшее, что есть в жизни. Из разложения рождается победа деятельных сил; из мути и сырости высвобождается фантастическая энергия. Так и в Гавринисе. Эти резные изображения волн, хлебов, уж не знаю чего еще, а потом — топоры, змей, волос, контуры лиц, прячущиеся во тьме... Гробница? Но почему бы при этом и не святилище, в которое или на которое поколения жрецов, друидов или каких-то других приходили отправлять культ какой-то ночью при черной луне? Что мне в таком случае было за дело, в какой точно момент доисторической эпохи был возведен этот памятник. Я только смутно ощущал важность этого места в религиозной системе, некогда созданной людьми на земле этого края. Я представлял себе обряды, процессии. Я представлял себе голоса, доносившиеся с облаков и обращенные к толпе, речи, в которых звучали слова посвящения и обрывки пророчеств. Визит в холм Гавринис был моментом редкостным и, думаю, запечатлелся во мне на всю жизнь.

С тех пор мы непрестанно обшаривали холмы в поисках черного света, потому что я чувствовал, что он близко и готов пробиться совсем рядом. Все дольмены и крытые аллеи Локмариакера, берегов реки Оре, полуострова Рюис, Ла-Тринитесюр-Мер, Карнака, Плуарнеля и Эрдевана привлекли наше пристальное внимание. Но мы не ограничивались только этой зоной, особо богатой памятниками с резными изображениями: мы бродили по ландам Ланво, по горам Арре, по изрезанным берегам северной части полуострова. Мы получили возможность открыть для себя и восхитительный ансамбль Барненез в Плуэзохе, в устье реки Морле, — странный холм,

включающий в себя несколько крытых аллей, где попадаются резные опоры, сравнимые с опорами Гавриниса или Нью-Грейнджа. А поскольку Бретани нам было мало, мы расширили сферу своей деятельности, включив в нее и другие края. Для нас более не составляли тайну дольмены парижского региона. Крытая аллея Три-Шато в департаменте Уазы заинтриговала нас входом в виде камня с отверстием, которое иногда называют «дырой души». Мы легко разглядели ожерелье и грудь на рельефном изображении Богини Холмов в крытой аллее Дамениль в департаменте Эр, выше той долины реки Эпт, в которой я ощущал границу меж двумя мирами и которая всегда влекла меня спокойным и старомодным видом. Мы искали дольмены также в оврагах Ардеша, на унылых плоскогорьях Авейрона и Тарна — двух департаментов Франции, где больше всего памятников такого рода. Однажды туманным и свежим утром мы добрались до обширного пространства Бугона и Пампру в департаменте Две Севры в Пуату, местности, которая нелегко выдает свои тайны, но холмы которой, порой гигантские, представляют собой явные свидетельства существования того черного света, который переполняет дух. Идея мегалитизма, наскальное искусство мегалитов, грубая и неодолимая сила дольменов — все это было замечательным ферментом для моей деятельности и позволяло мне в те безумные годы задерживать взгляд именно на неведомых или малоизвестных корнях нашей цивилизации. Я мечтал об устройстве выставок, где резные изображения мегалитов соперничали бы с самыми дерзкими экспериментами современной живописи и скульптуры. Я мечтал писать книги о вести, которая послана людьми мегалитической эпохи.

Но если столь чарующее воздействие оказывало на меня искусство резьбы, я все-таки не забывал и о великих архитектурных ансамблях, порожденных этой таинственной традицией. Мы регулярно обследовали все аллеи менгиров Карнака, а уже не только Ле-Менек: я предпочитал те, что находятся на самом востоке, аллеи Керлескана, затерянные в зелени, может быть, более удаленные и, во всяком случае, менее посещаемые.

Но не забывали мы и об аллеях Керзеро в Эрдеване, отчасти срезанных дорогой, где можно найти отдельные прекрасные образцы гигантизма. И то, что находится неподалеку и носит глупейшее название Камня Жертвоприношения, — на самом деле это огромный расколотый менгир, лежащий среди россыпи камней, которые пострадали от времени или перемен погоды, но окруженный дубами, придающими всей картине обманчивый облик сакрального огороженного места друидов.

Однако если больше всего аллея менгиров сосредоточено в Морбиане, не надо думать, что их нет в других местах. Карнак — просто наиболее показательный и, конечно, лучше всего сохранившийся образец храмов на открытом воздухе такого рода. Поэтому мы бродили и по аллеям менгиров Лагатжара, выше Камаре, в Финистере, недалеко от трагической усадьбы поэта Сен-Поля Ру. Мы ходили извилистыми тропками Медреака на границе департаментов Иль-э-Вилен и Кот-дю-Нор, в краю бокажей и ланд. Мы углублялись в ланды Кожу, усеянные мегалитами, близ Сен-Жюста в департаменте Иль-э-Вилен, в долине реки Вилены. Неподалеку оттуда есть также маленькая аллея менгиров под названием «Лангонские Барышни». А в Лангоне, в маленькой часовне, посвященной святой Агафии, покровительнице кормилиц, причем это бывший галло-римский храм, освоенный первыми христианами, можно видеть примечательную фреску — обнаженную Венеру, выходящую из волн. Синтез религий? Преимственность культов? Конечно. Но ведь рядом с мегалитическими памятниками всегда возникает неотвязный образ Богини Начал. Разве название Локмариакера, прихода, на территории которого больше всего изображений мегалитической богини, не показательно? *Loc* — «место монахов», монастырь, *Maria* — Мария, *ker* — город: разве не получается «город монастыря Марии»? Не храм ли это, с незапамятных времен посвященный культу Девы-Матери, неважно, как ее называли — Анна, Дану, Дон или Мария? Кстати, недалеко от селения все в том же Локмариакере можно увидеть искусственный холм — не крытую аллею, а подземную погребальную камеру, — который носит название *Мане-эр-Розк*, что

на местном диалекте значит «Холм Колдуньи». Колдунья, или фея, очень часто была последним воплощением Богини Начал. И в этой погребальной камере Мане-эр-Роэк можно заметить столб — использованный повторно, потому что он древнее самого памятника, — со странной резьбой, изображающей знаменитого неолитического идола в форме щитка. Правда, все это осеняет святая Анна, бабушка Иисуса, которая находится чуть подальше, но со своей высокой статуи наблюдает за дорогами, ведущими в Карнак.

В последующие годы мегалиты вызывали у меня не более чем простое любопытство. Я считал, что, если никоим образом не могу претендовать на точное понимание их смысла и важности, я должен оставить их там, где они есть, то есть на месте их происхождения. В самом деле, у меня было чувство, что все прежнее совершалось исключительно ради прогулки. Впрочем, я не упускал случая показать аллеи менгиров Карнака своим друзьям. Я разработал свой кольцевой маршрут, особенно для тех, кто никогда их не видел или имел о них смутное представление. Начинать я с посещения Керлескана: тамошние менгиры достаточно массивны, и можно различить таинственный четырехугольник — вероятно, храм. Всякий раз раздавались восклицания с призывами на этом не заканчивать: это колоссально, невообразимо, замечательно, никогда не видано, вот это да. И мы шли в направлении с востока на запад, проходя через ланды, поросшие хвойными деревьями, которые скрывали все остальное. Ведь было и «остальное», и всякий раз слышались все более громкие крики: «А вот еще!» Так мы добирались до Ле-Манио, где на холме, который бесстыдно пересекают ряды стоячих камней, возвышается странный менгир, которому на две тысячи лет больше, чем всему ансамблю аллей. И шли дальше на запад. После разрушенной ветряной мельницы, явно построенной из камня менгиров, опять начиналось: «Но это не все!» И глазам изумленных посетителей являлся Кермарио с его огромными глыбами и его дольменом, который едва удалось обойти при строительстве дороги. «Это невероятно! Это чудесно!» И меня разбирал смех. Ведь после обязательной

остановки в аллеях Кермарио (о котором я с удовольствием говорил, что это название означает «Город мертвых») я заставлял своих туристов идти дальше. И наконец, возникал ансамбль Ле-Менек. Тут больше не было ни реакции, ни возгласов: надо было помолчать и поразмышлять при виде такого количества камней, явно воздвигнутых рукой человека. Это внушало почтение. Магический трюк мне удавался: теперь я знал, что для тех, кого я водил сюда, экскурсия не пройдет бесследно, что им придется о чем-то задуматься, тем более что я показывал, как в отдельных случаях одна аллея на расстоянии более десятка километров продолжает другую, однако значительную часть камней использовали для строительства деревень — Карнака, Плуарнеля, Эрдевана.

Бывая в церквах, соборах и музеях, я слышал бесчисленные глупости, лживые и абсурдные утверждения. Но, думаю, никогда не слышал их столько, как в те летние дни, когда сопровождал друзей по аллеям менгиров Карнака и крытым аллеям окружающей местности. Это был абсолютный рекорд. Я хорошо знаю, что мою позицию запросто можно воспринять как проявление высокомерия. Но если кто-то так подумал, пусть успокоится: я знаю не больше, чем те, кто рассказывает что угодно о великанах, о фантастических технических приемах, о несуществующих скульптурах, видных только в определенные часы дня, прежде всего вечером, о подлинном смысле этих каменных глыб. Поразительней всего, что у большинства этих болтунов, когда они позволяют себе давать исчерпывающие объяснения по поводу Карнака, имеется под рукой печатный путеводитель или номер журнала. Литературы на эту тему множество. И воображение ее авторов работает вовсю. Легенда о святом Корнелии, превращающем своих преследователей в каменные глыбы, — не более чем простая констатация, сделанная местными жителями на основе подлинного и искреннего культа святого Корнелия, покровителя рогатого скота; святой всегда изображался в виде папы (потому что его в большей или меньшей степени отождествляли с загадочным папой Корнелием), и его сопровождал бык, гордо щеголяющий парой

рогов. В самом деле, разве неизвестно, что когда-то в районе Карнака во времена кельтов почитали индоевропейское божество третьей функции по имени Кернунн — рогатого персонажа, в которого кельты, вероятно, превратили древнее автохтонное божество эпохи великих охотников на оленевых? И здесь налицо преемственность культов, преемственность верований и прежде всего преемственность духовной идеи изображения богов — или, скорее, Бога — в виде, соответствующем их социальной функции.

Но это ничуть не мешало мне бродить по аллеям менгиров Карнака, когда там не было никого, в основном осенью или зимой. Тогда я снова переживал впечатления, которые испытал в свое время, к концу того сентябрьского дня, когда мы с Клер слышали, как гром прокатывается по камням. Я искренне верил в магнетизм этого места. Теллурическую силу, выходящую на поверхность почвы, я вполне ощущал ладонями. Случалось мне и прижаться к гранитному обломку в попытке пропитаться невероятной энергией, которая, как я знал, бурлит под поверхностью земли и готова подняться к небу, как бесконечный призыв к вечности. В этих аллеях я проводил прекрасные часы — часы молчания. Ведь вместо того, чтобы громоздить теории, сколь угодно блестящие и убедительные, я довольствовался тем, что *ощущал*. Я не испытывал ни разочарования, ни чувства, что *оскверняю* место, которое люблю и считаю вполне достойным уважения. Красное солнце, умиравшее, растворяясь в вечернем тумане, вызывало во мне радость познания смерти, которая была не смертью, а, напротив, метаморфозой, по окончании которой мне предстояло причалить к иным берегам. Опять-таки Шатобриан: «Поднимитесь, желанные грозы, чтобы унести Рене к пространствам иной жизни!» Грозы были мне хорошо знакомы. Как и ветер с открытого моря: он доносил до меня крик чаек, парализованных светом. Только на ландах Керлескана, Кермарио или Ле-Менека я никогда не чувствовал разочарования: я всегда ощущал там, чтобы взять с собой, могучее дыхание некоей жизни, которая, конечно, мучила меня, но и безнаказанно уносила на крыльях

перелетных птиц. Кто это утверждал, что аквилон — ледяной ветер из далекой Гипербореи? По-моему, в аквилоне нет ничего агрессивного: он — мой друг и приносит мне глубинный и тайный огонь, от которого пробуждаются мертвые и солнце рассыпается на тысячи и тысячи золотых частичек, к великой радости существ и вещей.

Так постепенно по ходу моей жизни Карнак и все мегалитические памятники, окружающие его, исподволь преобразили мой взгляд на мир: из ошеломленного ребенка, каким я был, когда этот образ предстал передо мной впервые, я превратился в служителя некоего храма, пределов которого я не знал и ритуалы которого были мне абсолютно неизвестны. Это опасная должность, и она вовсе не обязательно помогает понять тот способ существования, какой, как можно предположить, вели строители мегалитов. Я никогда не намеревался быть друидом, очень хорошо зная, что в нашем современном обществе сама функция друида беспредметна. Я никогда не намеревался быть жрецом этой мегалитической религии, которая, как я подозреваю, была лишь великой попыткой человеческого духа постичь божественное начало. Итак, я бродил по аллеям менгиров Карнака, как паломник, который ищет пути света.

Я стал думать, что мегалитической цивилизации не существовало, что ее никогда не было, как, впрочем, и кельтской. Слишком большие расстояния как во времени, так и в пространстве отделяют менгиры друг от друга. Менгир Ле-Манио со змеями, вырезанными у его основания, на две тысячи лет старше аллей, проходящих по бокам от него. Сколько всего случилось за две тысячи лет! Кто мог бы утверждать, что цивилизация Галлии в эпоху Цезаря и Верцингеторига была той же, что и пять веков тому назад или когда она была идентична цивилизации дохристианской Ирландии: когда Галлия уже постепенно дозрела до социальной системы римского типа (чем объясняется легкость ее романизации), Ирландия — на чью землю никогда не ступал ни один римский легионер — оставалась архаическим пастушеским обществом («архаический» не означает «примитивный» в уничижительном смысле слова),

каким, впрочем, была и в первые века христианизации, чем объясняется специфический характер так называемого кельтского христианства. Поэтому приходится признать, что как во времени, так и в пространстве существовал ряд мегалитических культур, которые можно так назвать, коль скоро они строили эти знаменитые памятники, но, вероятно, различных в разных местах и в разные эпохи, укладывающиеся в период между четвертым тысячелетием и началом бронзового века, то есть 1600 годом до н. э., для крайнего Запада. Это не очевидно, уверенность в этом опирается не на исторические документы, которых совсем нет, а на средства исследования, которые создала и использовала современная археология. И еще не следовало бы забывать, что мегалитические монументы *повторно использовал* каждый новый завоеватель крайнего Запада, в частности кельты; тогда становится ясно, что проблема «цивилизации» строителей мегалитов далеко не проста и что ее можно объяснить лишь с точным учетом всех обстоятельств, времени и места, разновидности памятника, его размещения, различных влияний, которые могли на нем сказаться, *приемов* и техники, которые были основными при его возведении.

В таком вот состоянии духа я продолжал свои исследования мегалитического мира. В Ирландии я блуждал под холмом Нью-Грейндж, который так прославили многочисленные мифологические легенды, связанные с ним: это дворец Богов и Героев, это Иной Мир в самом тайном и волнующем своем проявлении. Тогда я заметил, что в центральной камере Нью-Грейнджа, столь странно отделанной колоннами, на которых блестят удивительные спирали, все соединено так, что ни капли воды, ни следа влаги не просачивается с нависающего свода — настолько совершенно пригнаны камни. Зато я мог обнаружить, что в день зимнего солнцестояния первый луч восходящего солнца проникает сквозь извилистый и узкий коридор и падает точно на камень в центре святилища, посреди так называемой погребальной камеры. Это не может быть случайным совпадением. Спирали Нью-Грейнджа, который я упорно называю *сидом Бруг-на-Бойн*, жилищем бога Энгуса, и где

произошло столько удивительных мифологических приключений, долго не давали мне покоя, так же как и изображения волос на опорах Гавриниса.

Ирландия особенно помогла мне шире взглянуть на «мегалитическую цивилизацию». Нигде, ни в какой другой стране, каждый новый захватчик *повторно не использовал* крытые аллеи и дольмены с такой непреложностью. Кельты превратили их в жилища своих богов, и первые христиане тоже не стали их разрушать: когда они не могли стереть в народе память о них, им приходилось христианизировать эти строения, возводя на их месте скиты или представляя их жилищами нечистой силы, входами в чистилище или даже в ад. Правда, древние языческие божества очень часто становились либо «святыми» кельтской агиографии, островной или континентальной, либо бесами, а то и просто стражами христианского Иного Мира, стерегущими Брод душ и больше не позволяющими людям *с того берега* возвращаться в человеческий мир. Только с началом поисков Грааля сообщение вновь восстановилось: тогда герои смогли безнаказанно проходить через врата Ада и возвращаться, унося немного света, который всегда столь ярко сияет там.

Я видел также вычурные резные изображения Ноута, Доута и Лох-Крю — других холмов, которые еще не открыли всех своих тайн. Я видел дольмены, которые трудно отличить от земли, из которой они появились, — это было в удивительном *Баррене*, обширной известковой пустыне с трещинами, богатыми экзотической растительностью, недалеко от порта Галуэй, где собираются сотни лебедей, которые, как в Ирландии знает каждый, — вестники Иного Мира, по меньшей мере женщины-феи, летящие от холма к холму, увлекая с собой по дороге смельчаков, влюбившихся в их незапятнанное оперение. Я видел отдельные менгиры в горах Керри, близ странных кельтских крестов — очевидно, позднейших форм стоячих камней — полуострова Дингл, недалеко от сложенных сухой кладкой скитов, которые традиция приписывает первым святым, таким, как «святой» Брендан, Бран мак Фебал языческого предания,

отправившийся в море в поисках Земли Женщин, *Эмайн Аблах* легенд, иначе говоря, Авалона, Острова Яблонь, или же в прозрачной Коннемаре, где за стены сухой кладки цепляется туман, или на торфяниках центральной области, где Шаннон лижет стены монастыря Клонмакнойз, башни которого напоминают Великий менгир Локмариакера. Я чувствовал себя там как в родной стране, где, может быть, далекий предок воздвиг столп в память о событии, о котором уже не осталось иных свидетельств, кроме этого камня, презирающего ветер и грозу, словно око Божье перед треволнениями мира.

Я побывал и среди мегалитов Великобритании, на том острове Британия, откуда моих пращуров изгнали *Saozhon Ruzh*, «красные саксы», проклятые захватчики, которых призвал король-изменник Вортигерн и которых некоторое время сумел сдерживать сказочный Артур. Я видел надгробный столп Тристана, «сына Куноморуса», то есть Марка-Кономора, стоящий неподалеку от Тинтагеля, хищный силуэт которого грезился мне с отроческих лет. Я проник в холмы острова Мэн, *Insula Mona*, который англичане упорно называют Англси, хотя это земля в высшей степени кельтская. Я размышлял в погребальной камере Брин-Целли-Дду, чье название означает «Холм Черного Леса», и искал там знаки, которые бы позволили мне понять, в чем состояла великая мечта этих мегалитических миссионеров, рассеявшихся по всему крайнему Западу, распространяя свое призывное послание, оставляя на каждом этапе памятник, который напоминал бы о существовании Богини Начал. И эта Богиня Начал, ирландская Маха, армориканская Моргана, носила имя Керидвен в Уэльсе, близ озера Бала, иначе говоря, Ллин Тегид, где стоял ее сказочный дворец и где бард Талиесин получил посвящение. Один дольмен недалеко отсюда как раз считается «могилой Талиесина», и отчаянный человек, который согласится провести там ночь, рискует проснуться либо безумцем, либо поэтом. А я знал, что в Броселиандском лесу, в моей Арморике, один разрушенный дольмен называется «могилой Мерлина». Мерлин, Талиесин — мои всегдашние спутники на дороге, ведущей через синеватые ночи

Иного Мира... И на ум мне пришло несколько обрывков из поэмы, приписываемой Талиесину: «Я был водой, я был пеной, я был деревом в таинственном лесу...» Когда погружаешься в мир мегалитических холмов, времени больше не существует.

Как раз в этом состоянии духа я в январе 1981 года начал снимать для телевидения документальный фильм о Карнаке в обществе моего верного постановщика Робера Мориса. Сколько часов мы провели в аллеях менгиров Карнака, во сколько холмов забрались, чтобы отыскать нужные места и решить, что можно снимать! Потом с нашей технической группой и мальчуганом из Карнака, которого выделили нам администрация и министерство национального образования, в течение недели съемок мы получили большое удовольствие и неизгладимые впечатления. Какой уж фильм получился, такой получился. Его не раз показывали. Но я не могу не воспринимать его как частицу своей души и души Робера Мориса. Это последний фильм, который я снимал вместе с ним. А на одном из великих менгиров Кермарио, «Города мертвых», красное солнце сверкает как молния, отразившись от камня, прежде чем исчезнуть в море тумана, который иглы сосен колют, но так и не могут разметать по сторонам. Карнак... название, которое в гуле ветра слышится словно удар грома, донесшийся из другого мира...

Я часто брожу по огромным полям Карнака. Иногда по вечерам, когда ветер приносит знак, понятный мне одному, я сажусь в машину и еду на юго-запад. От моего дома до Карнака недалеко. Мне должно бродить там в поисках тропинок, которые ведут к свету. Мон, которая тоже ищет свет и рисует поиски Грааля, никогда не заканчивающиеся, очень хорошо знает, что в аллеях менгиров что-то спрятано. Иногда она пугается этого и оставляет странствовать меня одного. Иногда она составляет мне компанию; и когда облака и скалы таинственно сливаются, из-под земли доносится глухой гул.

Карнак — это область камней. Но камни умеют говорить. Они сохранили память о былом, которого уже невозможно даже вообразить.

Глава II

КАМНИ, ПОДНЯВШИЕСЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Есть два Карнака. Один тянется вдоль побережья в глубине бухты Киберон, защищенный от ветров с моря и всех волн, идущих откуда-либо. Под солнцем, которое здесь светит чаще, чем в каком-либо другом районе Морбиана, простирается обширный, ласковый, приветливый песчаный пляж. Это то, что называется микроклиматом. С мая по сентябрь температура постоянна, и к полудню воздух обязательно не холоднее 18°. За ухоженными и закрепленными дюнами среди сосен рассыпались спокойные домики с белой облицовкой и голубовато-серыми шиферными крышами. Деревья высокие, густые, и пейзаж в целом выглядит средиземноморским, недостает лишь фиолетового цвета неподвижного неба. Ведь иногда в это пространство вторгается туман, словно над побережьем тяготеет память о былом, от которой ничто не может оградить эту местность. Улицы носят характерные названия. Здесь повсюду «проспект Друидов», «супермаркет Друидов», «агентство Друидов». Но за гранитными фасадами, не бросаясь в глаза, скрывается бетон. Любопытное место. Все здесь искусственное. Все здесь новое, кроме нескольких обломков довоенной постройки. Это Карнак-Пляж, курортное место, слегка снобистское, слегка чопорное, но наделенное скромным обаянием буржуазии. В конце концов, почему бы не использовать мягкость климата и милосердие океана, забывшего, что надо быть свирепым? Почему бы не использовать природу, умеющую проявлять щедрость и принимать в свое лоно медлительное дыхание погоды,

приносящей расслабление и удовольствие? Все тут гармонично, спокойно; даже забываешь, что во всех остальных местах море продолжает свою подрывную работу против европейского материка.

Но Карнак-Пляж — не Карнак-Город. Два этих пространства разделены нетронутыми зонами, на которые постепенно вторгаются второразрядные жилые дома. Бывшие соленые болота теперь пересохли, и эти места либо застроили, либо оставили полезными *no man's lands*¹. Некоторые из них даже стали пресноводными прудами. А за ними — старый городок Карнак с его приходской церковью, посвященной святому Корнелию, и его старым музеем доисторической эпохи имени Милна и Ле Рузика, теперь переведенным в бывший дом священника. Над порталом церкви возвышается святой Корнелий в обществе своего быка с роскошными рогами, а северный портал — курьезное барочное строение, увенчанное внушительным козырьком. Это придает окрестностям храма совершенно особую атмосферу. Если учесть, что этот портал датируется 1792 годом, можно задуматься, оставила ли в этом краю свой след Французская революция. Во всяком случае, это триумф того, что иногда называют стилем *рококо*. И однако культ святого Корнелия восходит, похоже, к очень отдаленным временам, когда в храмах изображали только главное, безо всяких финтифлюшек, которые загромождают иные из прекраснейших памятников Бретани. Может быть, дело дошло до этого из-за болезненного воображения кельтов? Есть сильное искушение сделать такой вывод: в век Просвещения кельтский дух, похоже, еще не умер. Впрочем, им бредила еще эпоха Шатобриана, когда валлийский эрудит Йоло Морганнук воссоздал — многое выдумав — неodruidский ритуал для новых язычников.

И однако в городке Карнак царит великий покой, словно бы его жители решили оградить себя от бесспорно возбужденной *ауры*, тяготеющей над его окрестностями: Карнак — столица Камня, но этот Камень вовсе не неподвижен, он живет, он

¹ Бесхозными землями (англ.).

выставляет себя напоказ, он движется по прихоти верований и ритуалов, он рассыпается и напоминает о себе адскими хоровами. Камень: Да, Карнак — воистину столица доисторического Камня.

Карнак — название не бретонское. Возможно, это разочарует любителей фольклора и мечтателей о вечной и вездущей Бретани. Карнак — и не европейская транскрипция названия местности Карнак в долине Нила, да не посетуют на это любители синкретизма и лжеученые, всегда готовые из малейшего созвучия слов сделать неколебимые выводы. Фактически название Карнак — галльское или, вернее, галло-римское: в нем легко различить хорошо известный суффикс *-aco*, столь распространенный в римской топонимии, на основе которого создано столько географических названий в форме на *-ac* в Окситании и бретонизованной Арморике или в формах на *-é* или *-u* в Лангдойле. Что касается первой части, *carn*, некоторые хотели в ней видеть индоевропейское слово, от которого произошло английское *cairn*, что значит «могильный холм»: в таком случае Карнак — «Место Холмов», что выглядит правдоподобно. Но предлагали также галльское слово *carn* или *kern*, означающее «рог», что ассоциировалось бы с древним богом Кернунном и, разумеется, с именем нынешнего покровителя Карнака, таинственного святого Корнелия. Утверждать что бы то ни было очень трудно, но по-бретонски Карнак называется «Керрег», то есть «город рядов камней» — название совершенно оправданное и не вызывающее никаких споров.

Ведь именно ансамбль аллей менгиров вызывает в Карнаке наибольший интерес. Впрочем, это уникальное место в мире: нигде больше нет скопления менгиров, расставленных по определенному — хотя загадочному и очень спорному — плану и бесспорно в религиозных целях. Пусть местные легенды ссылаются на чудесное превращение солдат в каменные глыбы, это ничуть не отменяет того факта, что в самом Карнаке и в ближайших окрестностях есть совершенно исключительные и не имеющие себе равных аллеи менгиров. Это принесло Карнаку титул «столицы доисторических времен». Будем сдержанней

и лучше скажем: «столица мегалитизма». Это уже признание своеобразия этого места и многочисленных загадок, которые оно ставит, сколько бы до сего дня ни было попыток дать ответ и сколько бы ни предлагалось объяснений.

Сразу же напрашивается констатация: аллеи как будто ориентированы по солнцу, потому что они идут приблизительно по линии восток—запад и в каждой из отдельных аллей самые маленькие менгиры расположены на востоке, а крупные глыбы, образующие ограду, — на западе. Это реальность, а не умозрительное построение, но выводы из этого можно делать какие угодно. К тому же, прежде чем предпринимать любое описание аллей Карнака и любую попытку объяснения, необходимо учесть одну вещь: эти памятники построены несколько тысяч лет назад и, надо сказать, представляли собой очень удобные каменоломни для поколений местных жителей, особенно в средние века и в новые времена. Очень хорошо известно, что многие окрестные жилища построены из стоячих камней, часто из тех, которые нашли упавшими на землю. Тот же способ повторного использования отмечен уже в самих мегалитических постройках, и чрезмерно удивляться этому не приходится. К тому же через поля менгиров были проложены дороги — некоторые менгиры пришлось удалять или в крайнем случае передвигать. Это должно бы насторожить авторов теорий в духе *мегалитического эзотеризма*, которые, ссылаясь на карты и графики, изобретательно пытаются доказать, что тот или иной памятник, та или иная аллея, тот или иной холм соответствуют некой сакральной географии, которую знали, разумеется, только строители мегалитов — и сегодняшние их восторженные почитатели. Подобные гипотезы вполне могут быть высказаны и поняты, но найти хоть малейшее серьезное доказательство измышлений такого рода нет никакой возможности. На самом деле надо признать: то, что мы видим в Карнаке, если говорить об аллеях менгиров, составляет лишь часть, *притом ничтожную часть*, того, что существовало в свое время. То, что осталось, смотрится, конечно, очень внушительно, но ни в коем случае не может дать представления, как

выглядел этот обширный ансамбль где-нибудь шесть тысяч лет тому назад.

Итак, на самом восточном конце расположены аллеи менгиров Керлескана, по соседству с одноименной деревней. Ассоциация здесь странная: «Керлескан» значит «сгоревший город». Конечно, ланды, особенно с тех пор, как они поросли хвойными деревьями, в период засухи горят часто — в Бретани это более распространенное явление, чем думают, — но надо сказать, что эти массивные каменные глыбы, вырастающие из зелени, словно руины мертвого города, много веков назад поглощенного бесплодной землей, порождают немало грез, немало фантазий.

Однако, если приводить научные данные, в Керлескане еще стоят 240 менгиров, самые маленькие — на востоке, самые внушительные — на западе, выстроенные в тринадцать параллельных рядов. Пусть с точки зрения нумерологии делают из этого какие угодно выводы, но можно констатировать, что ансамбль каменных глыб размещается на площади размером 880 на 139 метров. Что касается направления аллей, оно не столь отчетливо, как думают: на самом деле, если посмотреть немного со стороны, можно заметить, что ряды идут по кривой, изгибающейся от северо-северо-востока на запад через юго-запад-запад, как бы полумесяцем, обращенным вогнутой частью на северо-запад. На западном конце аллей находится явно различимый четырехугольник, тридцать девять глыб которого еще стоят. Было ли здесь огороженное священное место, внутри которого отправляли культ мегалитические жрецы, или место, куда стекались паломники и благочестивые люди? Нельзя сказать.

Немного дальше, очень в стороне от аллей, находится один менгир, самый высокий во всем секторе: он достигает шести метров в высоту. Этот менгир явно отдельный и выполнял другую функцию, чем те, которые сгруппированы в аллеи. Может быть, впрочем, его возвели раньше аллей. Менгир-указатель, как очень часто называют стоячие камни, расположенные недалеко от кургана? Или просто веха на священном пути? Ответить на эти вопросы невозможно.

Аллеи менгиров Кермарио намного более эффектны. Они занимают площадь размерами 1250 метров в длину на 100 метров в ширину и включают 982 стоячих камня, поставленных в десять рядов. Некоторые из этих камней были поставлены на место и реставрированы после 1874 года, потому что в то время насчитывалось не более 200 стоячих менгиров на 650 лежащих; с тех пор камни, затерявшиеся в растительности, находили и ставили на первоначальное место. Некоторые из них выглядят крайне примечательно, и вполне понятно, что в разные эпохи они могли разжигать воображение наблюдателей. Если дать волю воображению, очень легко увидеть в этих глыбах, на самом деле сильно выветрившихся, статуи с антропоморфными контурами. Разумеется, это чистой воды иллюзия, но она объяснима, поскольку ансамбль выглядит странно. Просто надо знать, что искусство, называемое мегалитическим, абсолютно не фигуративно и тем более не антропоморфно: напротив, похоже, архитекторы и художники эпохи мегалитов стремились к абстрактной схематизации, чтобы не сказать — к символам. Но коль скоро любой язык символов предполагает определенные кодовые формы, надо решиться и признать: этот код нам абсолютно незнаком, и есть немалый риск, что он навсегда останется загадкой. Тем не менее блуждание по аллеям менгиров Кермарио не может оставить равнодушным даже самого скептического туриста: там есть нечто грандиозное, волнующее, сверхчеловеческое, для чего даже не надо поминать великанов или существ из Иного Мира, якобы задумавших и построивших эти аллеи, достаточно заметить, сколь сильно здесь выражено сакральное начало. Наконец, нельзя забывать, что слово «Кермарио» означает «Город мертвых»: названия часто живут долго и обязательно свидетельствуют о какой-то реалии прошлого. Здесь возникает впечатление большого некрополя. Однако менгиры аллей не надгробные памятники: у их подножия никогда не находили ни могил, ни человеческих останков, и нет никаких оснований делать из них надгробные камни, какие во множестве стоят на кладбищах Британских островов вокруг церквей или соборов.

Именно в Кермарио можно увидеть самые красивые образцы стоячих камней. Один из них, теперь упавший, составляет в высоту 6,42 метра, а рядом с ним возвышается трехметровый камень. На основании этого менгира нанесена резьба, где можно разглядеть змей. Здесь аллеи тоже идут с востока на запад, но есть нюансы: как и в Керлескане, отмечается искривление полумесяцем с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Поскольку это искривление не связано с особенностями местности, напрашивается вывод, что у него была определенная причина, но какая? Астрономических теорий по этому поводу было выдвинуто без числа, но все чисто гадательные, и удовлетворительного ответа получить не удалось.

Небезынтересна тема змей, обнаруженных на менгире в Кермарио. В основном на менгирах никакой резьбы не бывает: символической резьбой, сравнимой с иероглифами, довольно часто украшены опоры, то есть подпорные столбы, дольменов и крытых аллей, а менгиров, на которых вырезаны какие-либо знаки, очень мало. Такие есть на одном менгире близ Мустуарака, на ландах Ланво. На одном менгире в Стоунхендже, в Великобритании. Стало быть, и на одном в Кермарио, где изображены змеи. Так вот, между Кермарио и Керлесканом есть определенная преемственность: аллеи менгиров не прерываются, проходя сквозь современные сосняки, даже если эти ряды состоят из маленьких камней, почти незаметных среди растительности. И эти непрерывные аллеи проходят *поверх* древнейшего холма, Ле-Манио, увенчанного менгиром, на основании которого тоже есть змеевидные знаки, благодаря успешной реставрации и благоустройству теперь хорошо видные. Так вот, согласно проделанным научным исследованиям, холм — и менгир — Ле-Манио появились на две тысячи лет раньше самих аллей. Это вызывает проблемы.

В самом деле, уж очень похоже, что население, веками и тысячелетиями жившее на территории Карнака, не обязательно всегда имело одни и те же метафизические или религиозные представления, одни и те же ритуальные обычаи. Если строители аллей откровенно прошли по священной территории и

провели по ней аллеи, напрашивается вывод, что они не признавали, если не презирали, прежние святилища. Тогда опять-таки следует поставить принципиальный вопрос: существовала *одна* или *несколько* мегалитических цивилизаций? Смахивает на то, что несколько, и это едва ли упрощает понимание феномена как такового.

С другой стороны, змеевидные знаки, найденные на отдельных менгирах, должны иметь если не точное значение, то по меньшей мере определенный смысл. В кургане Гавриниса, более древнем, чем аллеи, и, вероятно, современнике холма Ле-Манио, тоже обнаружили змей, вырезанных на опорах, где они соседствуют с изображениями топоров без топорещ, увенчанных очень абстрактными рисунками, напоминающими волны, волосы и растительность. Что же означают эти змеи?

На этот счет выдвинули много гипотез. Змея — символ, хорошо известный с самых отдаленных доисторических времен: она — образ того, кто ведает, потому что проскользнет повсюду. К этой категории принадлежит змей из Книги Бытия, даже если впоследствии на него возложили все грехи мира. Змея означает «отверстие во внутренний мир», проникновение в этот внутренний мир, то есть *инициацию*. И, даже если не придавать слишком большого значения этому слову, употребляемому к месту и не к месту, все-таки надо признать, что змеевидные знаки, найденные на менгирах Кермарио и Ле-Манио, свидетельствуют о возможности *входа* в мир внешне запретный, внешне скрытый за повседневной реальностью, будь то Мир Мертвых (к слову «Кермарио» нельзя отнести равнодушно) или Мир Богов. В конце концов, если люди мегалитических времен приложили столько труда, чтобы задумать и выстроить столь монументальные ансамбли, значит, у них были на то причины духовного характера и они верили в иную жизнь в ином мире.

Предположили также, что проводились *змеиные* церемонии: как не вообразить медленно, словно змеи, ползущие по аллеям процессии, которые поют хвалы Божеству? Надо сказать, что

подобный образ больше подходит для кинематографического блокбастера, чем для научного утверждения, от которого требуется больше строгости. Конечно, аллеи менгиров могли служить для прохождения *змеевидных* процессов: территория для этого подходит превосходно. Но это лишь фантастические домыслы, не опирающиеся ни на какие реальные доказательства. Тем не менее известно, что во многих традициях существуют «танцы змеи» и что они имеют свое значение для некоторых культур, которые мы характеризуем как «природные», не находя более подходящего определения. Во всяком случае, великие ансамбли Карнака находятся на открытом воздухе, и их можно рассматривать только как место природных культов, равно как и позднейший галльский *неметон*, расположенный в лесу. Современный обычай — дошедший до нас от античного Средиземноморья — использовать выстроенные храмы, тайные места, предназначенные для того, чтобы удалиться от мира, и сами в некотором роде удаленные от него, вытеснил из нашей памяти времена, когда человеку приходилось непосредственно сталкиваться с невидимыми силами, которые его окружали и либо внушали доверие, либо пугали, но он всегда прислушивался к глубинным голосам природы, чтобы понять их волю и начертать божественный план, без которого не может найти себе оправдания ни одно общество.

Притом недалеко от еще существующих аллей Кермарио, несколько южнее, рядом с «Малой Мызой», можно обнаружить три менгира, которые не относятся к ансамблю Кермарио и представляют собой последние остатки древней аллеи, шедшей в направлении север-юг. Одно это уже доказывает: то, что мы видим на территории Карнака теперь, — лишь ничтожная часть того, что должно было существовать здесь в доисторические времена. И очень похоже, что видимый дольмен Кермарио, который обогнула — не затронув — дорога районного значения, принадлежит к этому другому ансамблю. Впрочем, это особая разновидность дольмена, так называемый «дольмен с коридором», который в свое время, как все памятники

этого рода, был покрыт землей или щебнем, образующими искусственный холм. Полагают, что этот тип дольмена, который часто встречается на побережье армориканской Бретани, датируется довольно отдаленной эпохой, возможно, шестым-пятым тысячелетиями до нашей эры; в таком случае это первые пробы мегалитических строений, потому что основной период мегалитизма как такового относят к четвертому-третьему тысячелетиям. Конечно, не надо воспринимать эту датировку — даже если она сделана посредством научных методов, например с помощью углерода-14, — как истину в последней инстанции. Допуски могут меняться и иногда бывают очень широкими, но надо признать, что этот дольмен, представляющий собой сопряжение между аллеями Кермарио и ныне исчезнувшей аллеей, которая находилась на юге, явно старше построек самих аллей. И можно утверждать, что этот дольмен — надгробный памятник, даже если в последующие времена он мог служить святилищем для людей, чьи религиозные обычаи не обязательно совпадали с обычаями его строителей. Никогда не надо забывать, что в христианские храмы были превращены многочисленные языческие храмы — а также светские «базилики» — и что именно на их основе возник первоначальный план того строения, которое неправильно именуют церковью, потому что слово *ecclesia* означает просто «собрание».

Однако западнее Кермарио, за густым кустарником и соснами, можно заметить и другие каменные глыбы, очень маленькие. На самом деле аллеи продолжают, даже если это незаметно. Они становятся значительными только в месте, называемом Ле-Менек, что означает просто «каменистый». Разместившись на площади, имеющей 1165 метров в длину на 100 метров в ширину, они в настоящее время насчитывают 1099 менгиров, поставленных в одиннадцать линий. Самые маленькие находятся на востоке, самые высокие (около 4 метров) — на западе; в самом деле, линии идут с северо-северо-востока на юго-запад-запад. Ансамбль грандиозный, его протяженность и расположение глыб впечатляют. Некоторые из этих глыб имеют странную форму, и нашлись люди, которые

сочли возможным — передернув факты, порой даже поскребя камень, прежде чем сделать «неопровержимые» снимки, — увидеть на них человеческие лица. Здесь все возбуждает воображение. Чувствуется, что место сакральное, что оно всегда было таковым, что эта земля непременно чем-то связана с небесным миром. И со всего мира сюда едут полюбоваться камнями, поднявшимися из Прошлого, поразмышлять здесь, помечтать или просто-напросто попытаться понять, что могла представлять собой цивилизация неведомых людей третьего тысячелетия до нашей эры.

Западную оконечность аллея менгиров Ле-Менека составляет кромлех из 70 еще стоячих камней, расположенных полукругом, но, к сожалению, в него «вторглись» дома деревни, стены которых явно построены из исчезнувших менгиров. Здесь, и никаких сомнений в том нет, перед нами гигантский храм на открытом воздухе, предназначенный, вероятно, для отправления солярного культа. Это все, что можно сказать. Церемонии, которые должны были здесь происходить, каждый волен воображать сам. Но более, чем где-либо, как и в сердце памятника Стоунхендж в Великобритании, здесь испытываешь впечатление, что находишься «посреди», в «центре», где сходятся все энергии мира, все силы вселенной. Это только впечатление, но оно настолько отчетливо и настолько общее для паломников-посетителей любого послушания, что трудно отрицать: кромлех Ле-Менека — это настоящий *неметон*, идеальная проекция Неба на Землю, место встречи выразимого и невыразимого, видимого и невидимого, Жизни и Смерти.

Но аллеи менгиров здесь не прекращаются. Невероятное скопление мегалитических памятников продолжается на запад, и среди них попадаются одиночные менгиры — видимо, остатки более значительных ансамблей, дольмены и холмы. Фактически контуры территории, которую можно определить как «сакральную», простираются от реки Краш на востоке до реки Этель на западе, и она доходит до места, которое ныне называется полуостровом Киберон, а в конце неолита и начале века

металлов было настоящим островом¹. В современных коммунах Киберон и Сен-Пьер-Киберон находят много отдельных менгиров или групп по два-три камня, явные остатки более значительных аллей: на этой земле, бедной и исхлестанной морскими ветрами, камень, оказавшийся на поверхности почвы, был заманчивой и легкой добычей, и вполне можно допустить, что древние ряды менгиров могли послужить каменоломнями для строительства домов.

Однако западней, на территории Эрдевана, встречаются другие аллеи менгиров, еще хорошо сохранившиеся, которые срезала дорога районного значения Локмариакер — Пон-Лоруа.

¹ Современные коммуны Киберон и Сен-Пьер-Киберон, включающие великолепный порт Портиви, образуют отдельную целостность, явно отделенную от материка и связанную с ним только перешейком Пентьевр, возникшим в результате постепенных наносов песка в течение веков. Прибрежный ландшафт Морбиана за четыре тысячелетия сильно изменился. Это значит, что к югу от перешейка Пентьевр был остров, отделенный мелководьем, дно которого понемногу поднималось и продолжает подниматься, вызвав появление бухты Киберон, в восточной части которой спокойное и тихое море, в западной — бурный океан с сильно изрезанными берегами из слюдяного сланца (Дикий берег). Несмотря на сильные морские течения, в зоне, тянущейся от Локмариакера до основания полуострова Киберон, то есть до Плуарнеля, откладывается песок, создавая микроклимат и защитное кольцо от ветров с открытого моря. Если в Керостене, на перешейке Пентьевр, океан и бухта как таковая разделены только шоссе и железной дорогой, не следует забывать, что все песчаные дюны, на которых сейчас сажают лесополосы, — это недавние наносные отложения: во времена Цезаря и Верцингеторига, то есть во времена венецкой войны, в 56 году до н. э., залив Морбиан представлял собой всего лишь обширное болото, где укрывались галльские крепости, а *insulae veneticae* [острова венецков (лат.)], кроме Бель-Иля, Уа, Оэдика и Груа, составляли южную часть современного полуострова Киберон. Тем не менее вся эта местность, облик которой коренным образом изменился и все еще меняется (почва Морбиана оседает в год на несколько сантиметров, а знаменитый Аррадонский разлом представляет собой эпицентр несильных, но частых землетрясений), была густо населена с самых отдаленных доисторических времен.

В месте, называемом Керзеро, поле менгиров простирается на 2105 метров с северо-востока на юго-запад и включает 1129 камней, два из которых превышают в высоту 6 метров. Немного в стороне, в некоем подобии загона, окруженном дубами, находится группа менгиров, отдельные из которых теперь упали и в которых эрозия проделала так называемые чаши (*bassins*), из-за чего возникло дурацкое название, которое еще встречается в объявлениях, — «Стол Жертвоприношения». Конечно, и отсюда многие глыбы исчезли, послужив для постройки окрестных домов, но невозможно оставаться равнодушным при виде этой причудливой группы менгиров на месте, неотвратимо напоминающем *неметон* галлов, то есть священную поляну среди леса.

Внешне зона аллей менгиров заканчивается в Керзеро. Река Этель, представляющая собой настоящее внутреннее море с глубокими и меланхоличными бухточками, нечто вроде залива Морбиан в миниатюре, — рубеж, как будто ограничивающий сакральную землю. Но с другой стороны реки Этель тоже заметны многочисленные следы от групп менгиров, указывающие, что раньше здесь были аллеи, несомненно, не столь значительные, но вполне различимые. Прежде всего это относится к территории Плуинек, где можно наблюдать кое-какие остатки упорядоченных рядов. Из-за форсированной застройки этой зоны многие памятники исчезли, но память о них очень живуча, хотя бы в виде местных устных преданий: в самом деле, рассказывают, что иными вечерами камни Плуинек «идут пить воду к реке Этель». Очевидно, это подходящий момент для поиска сокровищ, спрятанных под их основаниями, что небезопасно для смельчака, теряющего время на подсчет найденных богатств, вместо того чтобы поскорей их унести¹. В народной памяти, переданной от предков, мегалитические

¹ Это мотив испытания, встречающийся во всех традициях, связанных с утонувшими городами: тот, кто сможет проникнуть в город и вернуться до двенадцатого удара часов в полночь, получит богатства города или заставит город подняться из волн.

камни всегда связаны со спрятанными сокровищами, которые находятся под охраной сверхъестественных сил.

Опять-таки в месте под названием Гельдро-Ильо сохранилось несколько экземпляров менгиров, когда-то, должно быть, покрывавших значительно большее пространство. Надо отметить, что недалеко оттуда можно увидеть каменистый склон, соответствующий бывшему побережью. Так вот, это место называется *Магуэро*, что очень показательно: в самом деле, это бретонское слово множественного числа означает «крепостные стены» (латинское *maceria*), а в топонимии армориканской Бретани так называются руины крепостей или храмов, восходящие к отдаленным эпохам, во всяком случае ко временам до прихода бретонцев на полуостров. Было ли на территории Плуинека («прихода святого Итинука») большое святилище, аналогичное тому, какое мы видим в Карнаке? Стойкое предание, связанное с камнями Плуинека, как будто наводит на такую мысль.

Ряд аллей менгиров как таковых закончен. Чтобы найти еще столь же значительную цепь менгиров, надо отправиться намного дальше на север, на гребень ланд Ланво, а именно в лес Флоранж. Это всего один ряд, и большая часть глыб в наше время лежит. Но, похоже, эта аллея параллельна пути, который в этом краю называют *Хент Корневек*, то есть «Корнуэйльской дорогой»: это бывшая римская дорога, которая шла из Анже, пересекала реку Вилену в Рье, далее шла через Кастеннек в Бьези-лез-О, по реке Блаве до старинного города Карекс и заканчивалась в Абер-Враше, недалеко от исчезнувшего античного города Толента, о котором народная традиция сохранила диковинные воспоминания. А ведь известно, что римляне при строительстве путей использовали галльские дороги (при этом расширяли и мостили их), а галлы в свою очередь прокладывали их по старым доисторическим дорогам. Римская дорога, идущая из того же Анже через Рье, разветвляясь на Ванн и Кемпер (*Civitas Aquilonia*), проходит через Сент-Анн-д'Оре к северу от зоны Карнака, тогда как другая ветвь ведет из Ванна в Локмариакер (настоящую столицу независи-

мых венетов¹⁾ через брод Венсен. Очень похоже, что мегалитические памятники всегда находятся в непосредственной близости от римских дорог, однако в стороне, словно сакральную зону не следовало затрагивать и в то же время очень удаляться от нее. По античным дорогам можно достичь любой точки Карнака, но он достаточно отдален от них, чтобы они не проходили непосредственно через него.

Но не только аллеи менгиров в Карнаке и в этой местности, похоже, в мегалитические времена на самом деле были чем-то вроде сакральной территории. При любом целостном изучении феномена мегалитов надо учитывать и другие памятники, которые не обязательно по времени возникновения совпадают с этими аллеями. Есть также менгиры одиночные или в маленьких группах, в кромлехах², дольмены и крытые аллеи разных типов, погребальные камеры под курганами³. А область

¹ Внимательное чтение «Записок» Цезаря о войне 56 года показывает, что Ванн не мог быть главным портом венетов. Порт независимых венетов — безусловно Локмариакер на реке Оре. Ванн — всего лишь *civitas Venetorum* [город венетов (лат.)] после завоевания, иначе говоря, галло-римская столица: в то время город Ванн находился далеко в болоте и ни в коем случае не мог служить портом венетскому флоту, который Цезарь описывает как весьма многочисленный и внушительный.

² Словом «кромлех» (*cromlech* или *cromlec'h*), бретонским и означающим «изгиб столба», во французской номенклатуре называют круг менгиров. Но в англосаксонской номенклатуре это слово означает мегалитический холм (дольмен или крытую аллею).

³ Надо привести некоторые определения. *Менгир* (*maen-hir*, «длинный камень») — это камень, вертикально поставленный на поверхности земли, но грубо обтесанный и датируемый мегалитической эпохой, тогда как *лех* (*lec'h*) — это каменный столб, обработанный гораздо лучше, иногда хорошо отполированный, украшенный знаками или изображениями и датируемый кельтскими временами, в том числе и поздними; похоже, именно *лех* лежит в основе того, что называют «кельтским кругом», который в Великобритании и в Ирландии (и только там) иногда бывает богато украшен. *Дольмен* (*taol-maen*, «каменный стол») — это грубая каменная плита, положенная на три-четыре опоры, прежде накрытая искусственным холмом, теперь видная из почвы, потому что

Карнака, область реки Этель, область Локмариакера, оба берега реки Оре, а также полуостров Рюис и некоторые острова залива Морбиан особенно богаты памятниками такого рода, среди которых можно отметить некоторые петроглифы¹, необыкновенно интересные как для изучения доисторического искусства, так и в плане выдвижения гипотез о религии строителей мегалитов.

В Карнаке прежде всего обращает на себя внимание курган Сен-Мишель, находящийся очень недалеко от городка; с вершины этого кургана открывается очень красивый вид на весь ансамбль аллей менгиров. Этот памятник впечатляет своими размерами: его высота — 12 метров, длина — 125, ширина — 60. Он увенчан современной часовней, посвященной святому Михаилу, чему не приходится удивляться: в народной вере великий Архангел Света часто занимал место древних солярных божеств², и нет сомнения, что в незапамятные времена курган Сен-Мишель был особым местом для отправления культа Света, разумеется, вечного света, того, который сияет в глазах Богини Начал, столь часто изображавшейся на петроглифах

землю, составлявшую холм, убрали. Крытая аллея — это ряд плит, положенных на опоры, с камерой в глубине, иногда с боковыми камерами, все накрыто искусственным холмом. Крытая аллея может быть простой, прямой, в форме колена или с несколькими погребальными камерами в глубине. Погребальная камера под курганом — простая гробница под искусственным холмом, без входа. Курган (*tumulus*) — это искусственный холм из земли. *Галгал* (*galgal*) — искусственный холм из камней и щебня, часто в смеси с землей; англосаксы для этого типа памятников предпочитают термин *каирн* (*cairn*). В армориканской Бретани вместо слова «менгир» иногда используется *пельван* (*peulven*, «каменный столб»), но слово «менгир» стало интернациональным.

¹ Научный термин, означающий вогнутое изображение на камне, либо высеченное, либо вырезанное, либо выцарапанное. Это слово широко используется археологами для изображений, найденных на мегалитических памятниках, особенно на опорах некоторых дольменов или крытых аллей.

² См. книгу, изданную в той же серии: *Markale, Jean. Le Mont Saint-Michel et l'énigme du dragon. Paris: Pygmalion, 1987.*

Морбиана. Этот курган — явно одна из «гор святого Михаила», какие существуют в Западной Европе почти повсюду и представляют собой нечто вроде духовных маяков на путях паломников.

Это составной памятник. На самом деле, перед нами галгал, то есть искусственный холм, насыпанный из камней и щебня. Центральный, наиболее впечатляющий галгал был раскопан в 1864 году, благодаря чему обнаружили две погребальные камеры. Эти камеры содержали 14 ларей с человеческими останками, а также 39 вотивных топоров из редкого камня, жадеита или фибролита, — культовых предметов, с которыми души умерших должны были отправиться в странствие в Иной Мир. Эти вотивные топоры никогда не служили для чего-то иного, и известно, что в районе Карнака существовало много мастерских для их производства, сравнимого с тем, какое можно наблюдать в наши дни в окрестностях великих святилищ и мест паломничества христиан. В этих двух камерах обнаружили также приблизительно 136 разных подвесок и бусин от ожерелий, в том числе бусинки из слоновой кости, и, кроме того, черепки керамической посуды. А на восточной стороне кургана Сен-Мишель опознали дольмен, датируемый ранним неолитом, и это доказывает, что данный холм использовали в разные эпохи, строительство же памятника в целом относят к четвертому тысячелетию до нашей эры при всех оговорках насчет точности этого способа датировки.

На территории Карнака есть еще два холма такого же типа, как Сен-Мишель. Один находится в Мустуаре и намного меньше: высота его — 13 метров, длина — 85 и ширина — 36, увенчан же он, что бывает очень редко, менгиром с резьбой. Во время раскопок, предпринятых в 1922 году, здесь нашли три скелета, много керамических осколков, вотивные топоры, а также галло-римскую статуэтку, изображающую Венеру: это с неоспоримой очевидностью доказывает, что такой тип мегалитических памятников неоднократно использовался в течение веков людьми, принадлежавшими к очень разным культурам. Но, в конце концов, разве образ Венеры в галло-римскую

эпоху, перед самым появлением христианской Девы Марии, не был логической репликой Богини Начал?

В деревне Керкадо также есть курган тех же размеров и того же исполнения, скрывающий в себе дольмен; на одной из опор последнего вырезан рисунок, имеющий неясные антропоморфные очертания, а на потолке заметно изображение топора-плуга. Немного севернее, по обеим сторонам дороги из Оре на Киберон, можно обнаружить много следов прошлого: на кургане в Крюкюни тоже стоит менгир, а полуразрушенные дольмены Кериаваля — это древний холм, ныне развороченный. Но наибольший интерес вызывает Мане-Керионед. Это три дольмена, ныне восстановленные, которые раньше составляли один удлинённый курган, обнесённый оградой в форме четырехугольника. Два из этих дольменов находятся на открытом воздухе; на третьем, оставшемся под землей, вырезаны довольно странные знаки. Мане-Керионед — это «холм *кериионов*», иначе говоря, «корриганов», тех низкорослых существ, которые, согласно народным верованиям, — а также древнейшим мифологическим текстам, — часто посещают подземные обиталища Иного Мира.

Далее к западу, на территории Плуарнеля, у основания полуострова Киберон, расположены интересные памятники. Прежде всего это дольмен Рондоссек, содержащий три подземных галереи, но наиболее примечателен дольмен Крюкюно в одной деревне, расположенной в трех километрах от городка. Основной стол этого мегалита имеет размеры 5,2 на 3,8 метра. Этот стол и второй, поменьше, лежат на одиннадцати опорах, тем самым образуя очень просторную камеру. Немного дальше, к северу от деревни, на опушке леса находится дольмен Мане Кроах, фактически крытая аллея, выводящая к двум камерам. Похоже, район Крюкюно был чем-то вроде огороженного священного места, потому что к востоку от деревни тоже заметен четырехугольник, еще включающий 22 менгира, который, возможно, был храмом на открытом воздухе. Этот довольно странный четырехугольник, составляющий около 40 метров на 25, возведен по легко различимому плану: каждый угол

соответствует одной из стран света, диагонали направлены на восход солнца в дни солнцестояния. Это место называется Парк-эр-Венглас, что можно перевести как «Поле Голубых Камней». А намного дальше, в направлении Эрдевана, — дольмены Мане Бра («Великий Холм») и Мане Гро («Холм Феи»), сооружения, каждое из которых содержит четырехугольную камеру, продолженную четырьмя боковыми отсеками. На одной из опор в коридоре Мане Бра можно заметить резное изображение щитка.

Однако памятники, наиболее показательные в плане того, что можно назвать дольменическим искусством, находятся к востоку от Карнака: в самом деле, холмами, содержащими петроглифы, особенно богаты район Локмариакера и устье реки Оре. Правду сказать, кроме некоторых местностей Ирландии, таких как долина реки Бойн, нигде в Европе не сосредоточено столько мегалитических резных изображений в одном месте. И хотя эти изображения остаются, по меньшей мере, загадочными и, конечно, не поддаются полному объяснению, однако они представляют собой важное свидетельство культуры народов — строителей мегалитов от конца неолита до начала века металлов.

На территории Краша, в парке Гюран, один дольмен, где не раз проводили раскопки без особого результата, содержит вогнутое скульптурное изображение, в котором можно увидеть корабль на морских волнах. А в лесу Люфанг, в крытой аллее, покрывающего стола которой уже давно не существует, обнаружили опору высотой полтора метра со странной резьбой. Эту стелу, перевезенную в музей Карнака, часто называют «спрут из Люфанга», и она вызывает немало комментариев. На ней изображено нечто, что трудно счесть человеком и что больше напоминает головоногое. И в результате возникает проблема: в самом деле, похоже, есть какая-то связь между этим петроглифом и изображениями в древних культурах Эгейского моря. Было ли в районе Карнака нечто вроде культа спрута или, вернее, «символизировал» ли он что-нибудь, как на островах Эгейского моря? В разрушенном дольмене Пенап на острове

Монахов (залив Морбиан) тоже нашли петроглиф, похожий на головоногое. Надо ли считать, что у мегалитического искусства атлантических берегов и у эгейского искусства был некий общий исток? В каком направлении происходило влияние? «Спрут из Люфанга», неизменно околдовывающий и загадочный, оба глаза которого навсегда устремлены в бесконечность, остается одним из объектов, существование которых сильнее всего раздражает, потому что ставит проблемы, связанные с дольменическим искусством района Карнака, а также метафизическими и религиозными мотивациями здешних народов, которые бесспорно пришли с моря.

Ведь здесь мы находимся на территории морских народов. Теперь определенно установлено, что Локмариакер занимает важнейшее место в мегалитической системе, созданной в доисторические времена. Если территория Карнака, похоже, предназначалась для строительства аллей менгиров, то на территории Локмариакера — в которую когда-то входили не только нынешний полуостров, ставший коммуной, но и ближайшие его окрестности и даже другой берег реки Оре, — по всей очевидности, должны были возводиться курганы, просто ли в качестве могильных холмов или еще и как святилища. Обилие петроглифов, во всяком случае, демонстрирует в высшей степени сакральный характер этого места, причем присущий ему за четыре тысячи лет до нашей эры, то есть в эпоху, когда на европейском континенте не было ни одного кельта и, вероятно, ни одного индоевропейца (ни по культуре, ни по расе). Ведь в так называемых первобытных обществах, которые на самом деле являются просто архаической стадией нашего, представление о святилище обязательно предполагает центр, «столицу», даже если она оказывается скорей теоретической и символической, чем по-настоящему политической.

Так вот, Локмариакер бесспорно и во всех смыслах слова был «столицей», центром, каким могли быть Тара в Ирландии или Дельфы для греческих народов. На заре истории, то есть в 56 году до н. э., это был главный порт венецов в войне с Цезарем, откуда выходил флот, чтобы пройти горло Морбиана

между Пор-Навало и мысом Керпенир и встретить римский флот. После поражения венетов и романизации этого края Локмариакер, получив, несомненно, название Дариоригум или Дариоритум, стал заполняться римскими постройками, отдельные фрагменты которых сохранились, — появились, в частности, портовые сооружения и амфитеатр. Но центр тяжести постепенно переместился в Ванн, в глубину побережья залива, и Ванн стал новой галло-римской, а потом галло-франкской столицей, прежде чем в VII веке н. э. попасть в руки бретонцев. Локмариакер — это стратегически важное место на оконечности полуострова и на реке Оре, глубина которой позволяет проходить по ней крупнотоннажным судам. Вполне понятно, как венеты — и их предшественники — могли использовать преимущества его положения: на месте нынешнего порта, находящегося, надо сказать, в большом запустении, у них была глубоководная якорная стоянка, хорошо укрытая от ветров с моря и от сильного прибоя и при этом очень близкая к морю во время прилива. Кстати, гораздо позже, в 1665 году, в Керпенире собирались строить верфи для строительства судов Компании Индий. Известно, что предпочтение было отдано Лорьяну. Но в XIX веке, по мнению инженера Фердинанда де Лессепса, на входе в залив Морбиан, то есть на месте Локмариакера, можно было бы построить «лучший порт в мире». Наконец, в конце Второй мировой войны американцы зарезервировали его как место возможной высадки в дополнение к операциям в Нормандии.

Все это показывает, насколько важно это место. Конечно, селение Локмариакер маленькое, очень скромное, пусть даже на два летних месяца его население удваивается. Локмариакер остается деревней, жители которой ловят рыбу и разводят устриц, а также возделывают землю, богатую, хорошо удобряемую водорослями. Но здесь присутствует прошлое, и поток туристов только подтверждает его реальность.

Стоит ступить на полуостров, двигаясь из Краша или Сен-Филибера, как взору наблюдателя открываются многочисленные остатки мегалитов, но по-настоящему все начинается только

на входе в селение. Конечно, надо знать, что в поле слева от дороги, в направлении залива, находится дольмен Кервересс, полностью скрытый зарослями, некоторые опоры которого покрыты довольно грубой резьбой. Несомненно, выгодней идти направо от дороги, где легко можно обнаружить Мане-Люд, памятник, очень хорошо отреставрированный и приведенный в порядок.

Мане-Люд («Холм Пепла») — это продолговатый курган из камней, то есть галгал, покрытый на вершине морским илом. Его высота — 5,5 метра, длина — 80 метров и ширина — 50 метров. Он скрывает очень красивый дольмен с коридором, некоторые опоры которого были увенчаны лошадиными черепами, как обнаружилось во время раскопок 1864 года. Центральная камера, довольно маленькая, была полностью закрыта, и ее наполнял пепел от сожженных костей. Там нашли немало предметов: фибролитовые и кремневые топоры, глиняные черепки, бирюзовые бусины, терракотовые подвески и fusaiole. В западной части галгала — довольно обширная камера, покрытая толстыми плитами и с галереей, вход в которую открывается с юга. На девяти опорах есть углубленные изображения.

Представленные здесь знаки интересны большим разнообразием: тут присутствуют почти все элементы словаря, ключа к которому, к сожалению, у нас больше нет. На самом деле, здесь ясно можно увидеть *лодки* с вертикальными черточками, которые в равной мере могут быть веслами или стилизованными человеческими фигурами, *U-образные знаки*, которые могут быть бараньими рогами, символом могущества, *топоры с топорницами* разного типа, *топоры без топорниц*, *посохи*, *кресты*, которые могут быть стилизованными человеческими фигурами, *кривые линии*, которые могут быть волнами, *ожерелья*, *солнце с лугами*, *луну* и знаменитый *щиток*, который, вероятно, не просто щит, а символическое изображение могильного божества, изображение, которое встречается во многих других холмах.

Очевидно, толковать эти фигуры можно как угодно. Однако самый первый вопрос — в том, на самом ли деле дольменические

«художники» хотели передать этими знаками закодированное послание. Может, они просто украшали камни, окружающие покойных, как в наше время украшают могилу цветами? Сопоставление этих фигур с теми, какие можно найти в других местах, в других мегалитических зонах, не доказывает ничего: явственно обнаруживаются одни и те же мотивы, и это может означать, что в те далекие времена существовала определенная «мода». Однако, хоть все попытки расшифровать эти таинственные фигуры, даже если они были интересны, в конечном счете оказались совершенно гипотетическими, отвергнуть идею послания нельзя: Искусство — всегда носитель чего-то, совершенно беспричинного Искусства не бывает. И в данном случае перед нами Искусство дольменов.

Далее, по направлению к центру селения, за современным кладбищем есть еще один мегалитический ансамбль, который не просто привлекает внимание, но и вызывает разнообразные вопросы. Прежде всего это курган Эр Гра, в котором некоторые хотели бы видеть нечто вроде пупа земли, от которого якобы начала складываться сеть мегалитических памятников этой местности и всей Бретани. Но курган Эр Гра, находящийся несколько в стороне, вообще не таит никаких секретов. И наибольший интерес вызывает не он.

Более всего впечатляет Большой менгир, так называемый Мен-эр-Розк («Камень Феи»), который лежит на земле, расколотый на четыре куска, самый длинный из которых составляет 12 метров. Когда этот камень стоял, он составлял 21 метр в высоту на 5 метров в диаметре и весил 347 тонн, то есть очень много: вероятно, это самый тяжелый камень, который когда-либо поднимали люди, и в окрестностях не найдено ни следа карьера, в котором его могли добыть. Это заставляет предположить, что его доставили очень издалека и при поразительных условиях: по всем расчетам, сделанным до сего дня, для транспортировки и перетаскивания этого камня по деревянным каткам (вероятная техника того времени) нужно было не менее 125 пар быков и 12 000 человек. Утверждают, что этот камень невозможно было поставить вертикально, что неправда: есть

многочисленные свидетельства, что он стоял, и к тому же, как доказывает находка монеты Римской империи под одной из глыб, надо признать, он возвышался еще во время римской оккупации и, вероятно, даже позже. Невозможно узнать, был ли он расколот молнией, как считают чаще всего, или разбит вследствие землетрясения, поскольку окрестности залива Морбиан подвержены таковым. А если верить отрывку из Диодора Сицилийского, столь ценного источника при изучении античной истории крайнего Запада, Мен-эр-Роэк мог быть знаменитой *Северной колонной*, расположенной на западе мира и служившей ориентиром мореплавателям, которые рисковали выбираться в Атлантику. Как раз можно задаться вопросом о цели возведения этого памятника: был ли это просто религиозный символ или настоящий маяк, который должен был указывать вход в порт Локмариакер? Но поскольку хорошо известно, что колокольни приморских церквей служили ориентирами при навигации, вполне можно допустить, что «Северная колонна», даже будучи просто священным столпом на берегу океана, служила маяком для народа, состоявшего прежде всего из моряков.

В равной мере можно сказать, что Мен-эр-Роэк мог быть менгиром-указателем для кургана, содержавшего знаменитый «Стол Торговцев» и находившегося совсем рядом. Это, может быть, самый известный из всех дольменов, потому что его давно очистили от земли, сделали полностью видимым, и его посещало множество любопытных еще во времена, когда мегалитической цивилизацией даже не интересовались. Сначала его называли «Столлом Цезаря», потому что все древнее в большей или меньшей степени считалось римским и потому что Цезарь, хочешь не хочешь, оставил неизгладимый след в народной памяти, порой предстывая даже в виде «святого» Цезаря. Дольмену дали также название *Dol-er-marh'ent*, что в точном переводе значит «Стол Аллеи Лошади», но при сомнительном офранцузивании было неправильно переведено как «Стол Торговцев», после чего переведено обратно на бретонский как *Taol-er-Varchanned* или *Taol-ar-Marc'hadourien*. Топонимия иногда делает прихотливые зигзаги.

«Стол Торговцев» составляет часть круглого кургана 36 метров в диаметре. Это памятник из категории «дольменов с коридором», сооружение которого восходит приблизительно к 3000 году до нашей эры, во всяком случае, он младше Мане-Люда. Как во всех дольменах, вход очень низкий, но по мере того как продвигаешься вперед, высота потолка увеличивается. Коридор приводит в камеру, где нетрудно стоять, повернувшись лицом к опоре стрельчатой формы, на которой есть интересные выпуклые изображения и за которой находится нечто вроде закоулка. На обратной стороне опоры есть следы рисунков, причем некоторые из них — просто продолжение рисунков на лицевой стороне. На потолке камеры изображены топоры с топорищами. Но больше всего внимания привлекает сама стрельчатая опора¹.

На самом деле, форма опоры в целом — это форма так называемого идола «в виде щитка» или, как говорят иные непочтительные археологи, «в виде кастрюли», потому что заметны ручки. Все окаймлено рамкой наподобие пояска, из которого выступают полукружия, которые можно рассматривать как волосы или, если угодно говорить так называемым «эзотерическим» языком, как обозначение *ауры*, излучаемой изображенным божеством. Во всяком случае, это бесспорно символическое изображение божества: такое мнение подтверждают бесчисленные примеры из мегалитической эпохи, и этого «идола в форме кастрюли» нетрудно сопоставить со статуями-менгирами Корсики (особенно в Филитозе) или Окситании, особенно со статуями в Авейроне², которые не принадлежат к мегалитической цивилизации, но продолжают ее до протокельтской эпохи, то есть до периода между 800 и 500 годами до нашей эры.

¹ К сожалению, в межвоенный период ее повредили члены одного вахтенного экипажа, нацарапав так, что невозможно стереть, слово «Gazelle» — название своего корабля.

² Некоторые экземпляры сохранились в Музее национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле; другие либо еще на месте, либо в музее Фенайе города Родеза.

Внутри этой рамки, в центре, можно заметить солнце с лучами, а вокруг, в четыре ряда, — что-то вроде посохов, одни из которых по отношению к центральной оси направлены влево, а другие вправо. Может быть, эти «посохи» — знаки начальствования или силы? Или они означают хлебные колосья? Или это изображения парусов? Любой ответ неубедителен, но присутствие солнца позволяет утверждать, что имеется в виду божество женского пола: на самом деле, у кельтов, германцев, а значит, и у всех народов, чью мифологию они унаследовали, солнце имеет женский пол, а луна — мужской, и это доказывают многочисленные мифы о первобытной солярной богине¹.

Внизу этого «идола» — знаки, которые труднее разобрать: круглые углубления, «бараньи рога», кривые или змеевидные линии, круг и три лунарных символа. На обратной стороне опоры, за пределами «ручек», принадлежащих тому же идолу женского пола, можно различить начатое — или стершееся — изображение божества. Но совершенно неразборчивое. Тем не менее зрелище, которое видишь, когда проходишь внутрь памятника и попадаешь в центральную камеру, просто исключительное: красота этой стрельчатой опоры неоспорима, и по сути так ли уж важно знать, что означают эти «иероглифы» на камне, — запоминается ведь эстетическое потрясение.

Ближе к селению Локмариакер, но чуть в стороне, среди мирных огородов, — Мане-Ритуаль, не менее примечательный, чем описанные ранее памятники. Он лишен своего кургана и в результате имеет странный вид. Он состоит из стола 17 на 4,3 метра толщиной 60 сантиметров, увы, расколотого надвое. Опирается этот стол на четыре десятка камней. На большей части стола — рельефное изображение щитка, занимающее почти всю внутреннюю плоскость. На одной опоре галереи и одной — покрывающих столов тоже есть фигуры, но вогнутые. Это два посоха, расположенные так, что в них можно увидеть

¹ Ср.: *Markale, Jean. La Femme celte. Paris: Payot, 10e éd., 1987.*

бараньи рога. На одной из плит изображен топор-плуг, особый тип объекта, вероятно, символический: у него одновременно есть топорище, нечто вроде скобы, лезвие как таковое и ниже топорища — рукоятка. Можно подумать, что это примитивный плуг, аналогичный сохе. Но, судя по другому изображению на опоре, эти рисунки носят символический характер: здесь топор как таковой — это бесспорно фаллос, а рукоятка, идущая от низа топорища, хоть и изображена выступающей, — женский половой орган с вагинальной складкой. В таком случае глубинный смысл топора-плуга становится очень ясным: это символ плодородия *земли*, и эту идею подчеркивает рельефное изображение на большой плите, щиток, означающий божество. Мы вправе утверждать, что это божество относится к категории Богинь-Матерей, столь почитаемых в доисторические эпохи, когда Женщина еще обладала таинственной *аурой*, потому что в ее власти было воспроизводить жизнь.

Эта Богиня-Мать представлена, вероятно, в погребальной камере Мане-эр-Роэк («Холма Феи»). Этот памятник, расположенный к югу от селения Локмариакер, в направлении мыса Керпенир, — галгал овальной формы, 100 метров длиной, 60 метров шириной и 12 метров высотой. Когда-то он был увенчан менгиром девятиметровой высоты, то есть очень значительным, и поэтому памятник был виден издали. Кстати, местная легенда утверждает, что этот холм возвела фея, чтобы позволить бедной вдове заметить корабль своего сына, когда он вернется из дальних морей. Во всяком случае, это памятник намного более молодой, чем ранее описанные, — вероятно, второго тысячелетия до нашей эры. Фактически это не дольмен (хотя свод построен по той же технологии), а погребальная камера под курганом. Входного коридора здесь никогда не было, и во время раскопок в 1863 году пришлось долбить вход совершенно анахроничный и неподлинный по сравнению с памятником. В этой камере обнаружили большое количество предметов: уголь, кристаллы кварца, очень красивое нефритовое кольцо-диск, полсотни бирюзовых бусин и подвесок и 106 полированных каменных топоров. И главное,

у нынешнего входа в камеру — великолепную резную опору, *использованную вторично* и датированную более ранней эпохой, вероятно, опору из бывшего дольмена.

Резьба на этом столбе — бесспорно один из шедевров мегалитического искусства Морбиана. Здесь прежде всего различаешь идола в форме щитка, внутри которого — два змеевидных знака, топор, два посоха, пара бараньих рогов и несколько непонятных знаков. Наверху и внизу — разные типы топоров. Все в целом соотносится с тем, что находят в других холмах, и отличается очень гармоничным исполнением и лаконичностью. Можно задуматься, не выбрали ли этот камень строители Мен-эр-Роэка из-за его сакрального характера, чтобы спасти его от разрушения и добавить прочности новой постройке.

На той же территории Локмариакера, на мысе, которым заканчивается большой пляж Керпенира, находится крытая аллея Плоских Камней, о которой сообщает «менгир-указатель», стоящий на входе в эту аллею, с юга. Это крытая аллея в форме колена, имеющая одну камеру в глубине и другую слева, в месте изгиба. На тринадцати опорах нанесены интересные вогнутые изображения, которые все, похоже, воспроизводят женское божество холмов. Это опять-таки то, что называют идолом в форме щитка, но на сей раз вместо острия наверху углубление: фактически это можно было бы назвать «ризой» с богатой отделкой. На одном из камней внешний контур дважды повторен внутри, и своеобразие этому рисунку придает средняя линия с полукруглой дугой сверху. С обеих сторон средней линии — двойные полукружия и концентрические окружности. На другом камне форма очень похожая, но украшение состоит из кругов с точками; на остальных опорах это простые круглые углубления, отчего говорят об идоле «с пуговицами». Одно из изображений совершенно особое: с обеих сторон средней линии можно видеть косые черточки, напоминающие то ли ветви дерева, то ли позвоночник и ребра.

Такое количество изображений божества в крытой аллее Плоских Камней наводит на мысль, что это скорее нечто вроде

святилища, посвященного Богине Начал, чем простая могила. К тому же раскопки, проведенные на Плоских Камнях, так и не дали никаких результатов. Это поставило проблему, для чего в реальности использовались памятники такого рода. Одно время считали, что дольмены были «алтарями для жертвоприношений» — это по преимуществу романтическое клише. Потом был рационалистический период, когда дольмены стали исключительно могилами, иногда индивидуальными, чаще всего коллективными. Теперь пришли к мнению, что они могли иметь двойное назначение: в конце концов, когда-то многих хоронили в церквах. А такой пример, как Плоские Камни, может позволить воспринимать дольмены и крытые аллеи — которые снабжены *входом* (иногда это отверстие в плите), имеют входной коридор, что предполагает путь, *инициацию* (в точном смысле слова), — как святилища, настоящие храмы, где совершались церемонии, не обязательно рассчитанные на многочисленных верующих. Может быть, в мегалитические эпохи были массовые ритуалы на сакральных площадках, как аллеи менгиров Карнака, и ритуалы для узкого круга, для отдельных посвященных, происходившие внутри более или менее секретных памятников, как дольмены или крытые аллеи¹. Недавние наблюдения, проведенные в других регионах за пределами Морбиана, а именно в Великобритании и Ирландии, далеко не исключают эту гипотезу.

Полуостров Рюис, находящийся с другой стороны прохода, который отделяет залив Морбиан от моря, и образующий южный берег этого «Маленького моря», значительно менее богат мегалитическими памятниками. Однако многие их остатки и еще заметные следы показывают, что в этой местности, очень давно освоенной людьми и отличающейся особо благоприятным климатом, в конце неолита расцвела блистательная культура. Но облик этого пейзажа определила деятельность монахов

¹ Исключение составляют чисто погребальные памятники типа Мане-эр-Роэк, не имевшие входа и представлявшие собой просто могилы, вероятно защищенные от осквернения.

аббатства Сен-Жильдас-де-Рюис: по мере распашки территорий землю постепенно избавляли от всего, что мешало, в том числе от каменных глыб, которые находили почти повсюду. Однако несколько примечательных экземпляров еще осталось.

Прежде всего в коммуне Арзон привлекает внимание прекрасная крытая аллея Граньоль. В ней есть несколько резных изображений, в том числе любопытный топор и идол «в форме кастрюли». В том же Арзоне определенное любопытство может вызвать то, что теперь называют холмом Тюмиак, а также холмом Цезаря. Это круглый курган 20 метров высотой и 260 метров в окружности. Этот холм, состоящий из трех разных материалов, не дольмен и не крытая аллея, это галгал, внутри которого находится погребальная камера, выложенная сухим илом и слоем щебня. На одном из выступающих каменных блоков внутри камеры (в которую, как и в Мане-эр-Роэк, можно проникнуть через искусственный вход), на одной из его плит различим рельеф, изображающий, вероятно, женскую грудь: в ней можно видеть символ покровительства, которое окажет усопшему на том свете великое женское божество холмов. С другой стороны, местная традиция упорно утверждает, что этот холм служил наблюдательным пунктом Юлию Цезарю во время морского сражения с венетами в 56 году до нашей эры. Отсюда название «холм Цезаря». Бесспорно, с вершины этого холма открывается прекрасный вид на окрестности, как на океан, так и на залив Морбиан. К тому же теперь почти наверняка известно, что эта знаменитая морская битва, во время которой венетский флот (корабли которого ходили под парусами) потерпел поражение от римского флота (корабли которого перемещались с помощью весел) из-за внезапного прекращения ветра, развернулась на траверзе Пор-Навало, на выходе из залива Морбиан.

Но курган Тюмиак, как и Мане-эр-Роэк в Локмариакере, относится к последнему периоду мегалитизма. Если хочешь увидеть странную и богатую отделку, созданную строителями дольменов, надо прежде всего изучить в той же коммуне Арзон

курган Малая Гора (Пти-Мон) на мысу, выступающем в океан¹. Это овальный галгал 60 метров длиной на 50 метров шириной, возвышающийся на 41 метр над уровнем моря. В его восточной части обнаруживается дольмен с галереей, вход в которую сделан с востока. Во время раскопок 1865 года здесь нашли глиняные черепки, топор-молоток, наконечники стрел и бирюзовые бусины. На всех опорах камеры и на первых опорах галереи есть вогнутые изображения.

Знаки, наблюдаемые здесь, по большей части очень трудно истолковать. Много кривых линий, зигзагов, круглых углублений, волнистых линий, напоминающих морские волны. На одной из опор есть U-образный знак, который считают «бараньими рогами», а также очень схематическое изображение божества холмов, сведенное к условному обозначению волос. Еще на двух опорах — колесо с лучами: символ солнца? В таком случае можно сделать вывод, что изображено женское солярное божество. Но самое странное в этом дольмене Малая гора — несомненно одна из опор² его камеры, для рисунков которой можно предложить различные толкования. В самом деле, там видны лодки, ряд ломаных или пересекающихся линий, нечто вроде посохов, змеевидные знаки, волны и, главное, две загадочные фигуры. Одна — это бесспорно лодка, на которой находится идол в форме щитка, изображенный крайне схематично: плавание солярного божества по океану? Другая — изображение, сделанное с предельно возможной реалистичностью, двух ступней в виде снизу, словно настоящий отпечаток. Такой реализм, очень нечастый в дольменическом искусстве, крайне удивителен: что означает эта резьба? Другой аналогичный

¹ Памятник сильно пострадал из-за того, что во время Второй мировой войны здесь, как на стратегически важной позиции, был построен дот Атлантического вала. В настоящее время он реставрирован, а в доте размещен небольшой музей.

² В книге «Свод резных знаков мегалитических памятников Морбиана» (*Péquart, Marthe et Saint-Just; Le Rouzic, Zacharie. Corpus des signes gravés des monuments mégalithiques du Morbihan. Nancy, Paris: Berger-Levrault, Picard. 1927*) она указана как опора № 8.

образец находится в коммуне Киберон, не в дольмене, а в укрытии под скалой, в Рош Приоль. Но это никоим образом не помогает разрешить проблеме.

Территория по другую сторону от залива Морбиан, вдоль реки Оре, в равной мере богата мегалитическими памятниками. В коммуне Боно, среди холмов, датируемых железным веком, находится очень красивая крытая аллея с коленом, накрытая своим курганом, — Мане-Вер. У галереи впечатляет ее длина — 19 метров, и на некоторых из ее опор замечены вогнутые резные знаки. Здесь разглядели изображение божества холмов — одновременно в форме волос, как в Арзоне, и в форме идола из Плоских Камней в Локмариакере. Такое же изображение, очень поврежденное, находится на одной из опор дольмена с галереей под курганом Куэдик, на территории Бадена.

На Острове Монахов (Ile-aux-Moines, Изенаш), где когда-то возвышалось приорство, зависимое от монастыря Сен-Совердю-Редон, также хватает мегалитических камней. Особо надо упомянуть дольмен с галереей Пенап, вход в который расположен на юго-юго-востоке. Три его опоры имеют вогнутую резьбу, причем одна украшена с двух сторон, что является редкостью. Здесь можно видеть изображение топора и, главное, такой же своеобразный рисунок спрута, как и в крытой аллее Люфанг, что дало повод для многочисленных комментариев по поводу символики головоногих на территории, центр которой, похоже, находится в Эгейском море.

На Длинном острове (Il Longue) в море на траверзе Лармор-Бадена есть великолепный круглый галгал 25 метров в диаметре у основания и 4,5 метра высоты. Он образован тремя концентрическими оградами, сделанными посредством примитивной каменной кладки, промежутки между которыми завалены щебнем. Внутри него находится дольмен с галереей, камера которого имеет нависающий свод, в форме купола, как в Нью-Грейндже в Ирландии. Вход в галерею, слегка изогнутую, находится на юго-востоке. На двух опорах и двух столах галереи — вогнутая резьба. Заметны два изображения шпаги или

длинного искривленного меча и, главное, изображение Богини Холмов. На одной из опор — простой идол в форме щитка. На другом рисунке — идол пирамидальной формы, окаймленный длинными волосами (или лучами света), на третьем столбе можно увидеть идола «в форме кастрюли» с двумя ручками (или двумя ушами), острие несомненно обозначает голову, а вокруг — волосы-пламя.

Пышность памятника на Длинном острове, не идущая ни в какое сравнение с отделкой памятника на острове Гавринис, во всяком случае доказывает, что малые острова Морбиана в конце неолитической эпохи часто посещались. Это можно легко понять по островку Эр Ланник («маленькая земля») между островом Гавринис и островом Кобылы (Эр Газек). Там находятся два кромлеха, один из которых в настоящее время погружен в воду, что позволяет предположить: за шесть тысячелетий почва залива Морбиан значительно опустилась. Есть в общей сложности 49 менгиров, из них некоторые упали. Но 33 во время больших приливов на шесть метров уходят под воду. Захари Ле Рузик, начавший их реставрировать, предположил, что изначально было 70 менгиров, объединенных опорной насыпью. Бесспорно то, что на этой насыпи находились ритуальные очаги: в самом деле, там нашли кости животных, гладила, глиняную посуду и большое количество вотивных топоров. Вероятно, на Эр Ланнике находились настоящие мастерские «по производству предметов сакрального искусства», поскольку малый размер топоров не вызывает сомнений в их символическом назначении: они были предназначены не для войны, а для отправления культа. Это значит, что Эр Ланник с его двумя кромлехами, в самом сердце залива Морбиан, надо, хочешь не хочешь, рассматривать как один из «сакральных» центров величайшей важности. И этот островок находится в точности напротив прекраснейшего дольмена не только в Морбиане, но и в Европе — на острове Гавринис (название которого означает «Остров Козы»).

Гавринис, в любом случае, — один из духовных центров доисторического периода. Его курган — по сути галгал — имеет

100 метров в окружности на 8 метров высоты, представляя собой высшую точку залива Морбиан. В нем находится дольмен, отличающийся исключительным богатством резьбы, которая датируется началом третьего тысячелетия до нашей эры. Вход открывается с юго-востока. Галерея составляет 14 метров в длину и полтора метра в ширину и ведет в погребальную камеру, стены которой образует девять очень внушительных каменных глыб, вероятно привезенных с материка и накрытых циклопической плитой размерами четыре на три метра. Одна из опор имеет углубления, проделанные намного позже строительства памятника, и местная легенда утверждает, что здесь приковывали узников. Другая версия легенды даже уверяет, что на Гавринисе было поселение тамплиеров — в историческом отношении это неправда — и что в дольмене они держали своих пленных. Надо сказать, что у «красных монахов», то есть тамплиеров, в Бретани была очень дурная репутация и народное предание, даже после их исчезновения, приписывало им самые гнусные и самые непристойные преступления. Притом все опоры камеры покрыты вогнутыми рисунками, как и камень, находящийся на входе в камеру и образующий нечто вроде порога. Что касается опор коридора, то двадцать три из двадцати девяти целиком покрыты резьбой, и на одном из камней кладки, сделанной между опорой и покрывающим столом, также есть резные вогнутые знаки. Все вместе, если только это осветить, выглядит как фантастический лабиринт, где дух, придя в восхищение от бесспорной красоты резьбы, может заблудиться в попытках вообразить глубокое значение этой вести, поднявшейся из глубокой тьмы веков.

Прежде всего бросается в глаза изображение богини холмов, столько раз встречавшееся в дольменах Морбиана. Здесь, на Гавринисе, оно имеет *древовидную* форму, если только это не волосы или не волнение на море. Как знать? Однако начальная схема идола в форме щитка опознается. Есть также топоры без топорищ, змеевидные знаки, концентрические круги (но никогда не спирали, как в аналогичном памятнике Нью-Грейндж в Ирландии), дуги, стилизованные стебли растений,

древовидные разветвления, которые могут означать папоротники, если только это не позвоночники с ребрами или не рыбы скелеты. Толкований много, и одни стоят других. Можно даже разглядеть на плите пола камеры персонажа с большой головой и маленькими ножками, и более или менее официальные гиды утверждают, что это неолитическая богиня. Это толкование или, вернее, «видение» более чем сомнительно: мегалитическое искусство было абстрактным, геометрическим или схематическим, но, кроме отдельных конкретных элементов, никогда не было антропоморфным.

На самом деле, даже если пытаться *объяснять* эти загадочные рисунки опасно, можно их *чувствовать*, сознавая, чем они являются: это объекты, которые выступают посредниками между далеким прошлым, о котором мы почти не имеем исторических знаний, и нашей цивилизацией (с ее чувствительностью и духовностью). И, не впадая в истолковательский бред, который лишь сделал бы эти знаки более далекими, более недоступными, позволительно увидеть в них нечто иное по сравнению с тем, что дружно видят археологи и официальные специалисты по доисторическим временам, чья основная задача — классифицировать и сохранять.

Поскольку изображение человека как такового в этих петроглифах, особенно на Гавринисе, отсутствует, достаточно поискать элементы, которым мегалитические художники могли здесь придать несколько смыслов. Прежде всего это *волосы*, явный знак могущества и знатности (прежде чем обвинять длинноволосых юнцов во всех грехах, вспомним Самсона и Далилу!). Но эти волосы — еще и *волны моря*, могут они быть и *языками пламени*, обозначая также солярное божество. То, что называется аналогией, — изобретение не нашего века, и метафора существует только как наложение образов и представлений. Волосы, которые, таким образом, являются самым наглядным признаком власти в так называемых примитивных цивилизациях, вполне могут ассоциироваться с огнем, символом могущества и жизни, а также с морем, тоже символом жизни и силы, порой неуправляемой. В Гавринисе большинство

изображений исходит из образа волос или напоминает их, равно как бурю на море или пламя пожара, вспыхнувшего от молнии и пожирающего целые леса: не солнечное ли это божество, покоившееся в темных холмах во время своего долгого сна, наконец просыпается и сокрушает мир?

На этот мотив волос накладывается мотив ожерелья, переключаясь с волосами и развивая этот образ в естественных рамках рисунка. В мегалитических памятниках обнаружено множество бусин от ожерелий, и это, несомненно, очень важный элемент парадного убранства: это знак могущества. Кельты, наследники мегалитической цивилизации, широко использовали это украшение и развили его символический смысл, прежде всего в своих знаменитых *торквесах*. Такой памятник, как Гавринис, целиком посвящен «могуществу и славе». У подобного обилия декоративных украшений должно быть объяснение. Конечно, наличие функции могилы несомненно, но позволительно задаться вопросом, не совершались ли здесь внутри, по случаю определенных праздников, ритуалы более или менее тайные и рассчитанные на элиту. Культурный аспект неотделим от погребального.

Комментарии напрашиваются и к другому мотиву — топов: топор без топорща, во всей своей изначальной чистоте, есть символ силы, ставший образом божества-покровителя. Он часто соседствует со змеевидными знаками. Но во всех традициях змеи, как и драконы, с которыми их часто путают, были стражами сокровищ Иного Мира.

Ведь Гавринис, как и большинство холмов этого рода, — воистину Иной Мир, сфера иррационального и фантастического. Камень более не камень: полностью лишившись материальности, он стал самым ослепительным свидетельством триумфа созидательного духа над косной массой, триумфа жизни над смертью. И века этому не помеха. Под сенью холмов образ неведомой богини еще взирает на отдельных почитателей, которые отваживаются забираться в святилища, чтобы попытаться уловить ничтожную частицу бесконечности. К несчастью, от этого трансцендентального образа вселенной, созданного

народами, чьи имена история забыла, нам остались только негативы, высеченные на камне памятника, который был тысячами затерян на островке, исхлестанном волнами. Кто откроет истинный лик этого божества? Кто сможет когда-либо начертать истинные контуры этого безграничного святилища, соразмерного бесконечности, которую являют собой великие ансамбли Карнака и сопредельной области?

Глава III

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ

К концу эпохи неолита мегалитическая цивилизация распространилась на большую часть европейского континента. Это значит, что «дольмены» и «менгиры» встречаются и во многих других местах, помимо Бретани. Однако приходится признать, что более всего насыщены этими памятниками регионы Атлантики, что как будто указывает на то, что мегалитизм по преимуществу характерен для крайнего Запада. На самом деле, почти все памятники той эпохи находятся во Франции, в Испании, Португалии, Великобритании, Ирландии и Скандинавии. Это наблюдение сделать очень просто: чем дальше в глубь континента, чем ближе к Средиземному морю, тем меньше мегалитических памятников. Кроме того, наибольшая плотность — на морском побережье или вблизи него и в областях, где протекают большие реки, впадающие в море или в другие реки. Может быть, строители мегалитов были мореходами? Есть сильное искушение так считать. Но тогда возникает вопрос: откуда они пришли, с востока или с *запада*?

Мегалитический период совпадает с переменой в обычаях и, вероятно, в интеллектуальных представлениях народов. Второй каменный век, то есть век полированного камня, или неолит, век, к которому по необходимости относится мегалитическая цивилизация, не следует воспринимать как нечто полностью застывшее и «монолитное». Прежде всего он растянулся на несколько тысячелетий, и вполне может оказаться, что он состоит из разных фаз, если заняться достаточно глубоким

анализом его следов, которыми располагают исследователи. Далее, надо подчеркнуть фундаментально важный факт: неолит не начался повсюду одновременно и не прекратился внезапно. Это очевидно усложняет толкования, какие нужно дать некоторым явлениям. А в конце неолита, когда использование камня преобладало, начали использовать металлы: прежде всего золото, несомненно, поразившее людей красотой и редкостью, а также медь, которая могла служить неким *эрзацем* золота. Но поскольку золото, как мягкий металл, не годилось для изготовления оружия или предметов обихода, оно стало основным материалом для украшений и для демонстрации могущества. Известно, что для этого использовалась и медь, но в меньшей степени. В мегалитических памятниках обнаружили многочисленные медные предметы, что предполагает владение техникой добычи и очистки сырой руды. Мегалитический период часто называли халколитическим. Понемногу вошло в обычай смешивать медь с другим металлом, оловом, чтобы получать более прочный и более надежный сплав — бронзу. А ведь отмечено, что мегалитические центры находились вблизи оловянных и медных копей либо на морских или сухопутных путях перевозки и торговли этими металлами. Так, можно говорить об Оловянном пути, который, если упрощать, идет от Эгейского моря до Ирландии через Испанию, армориканскую Бретань и Корнуолл. Это зона, где отмечена наибольшая плотность размещения мегалитических памятников, и сопоставление двух этих фактов напрашивается. Но ведь бронза появляется только на последней стадии мегалитического периода; значит, надо сделать вывод, что не «обработчики бронзы» стояли у истоков мегалитической архитектуры и искусства, а напротив, это народы мегалитов изобрели выплавку меди, а потом бронзы.

Разрешить проблему Оловянного пути непросто. С одной стороны, был не один путь, а несколько. Главный проходит вдоль побережья Средиземного моря, пересекает Гибралтарский пролив, поднимается на север вдоль берегов Испании и Португалии, проходит через Бискайский залив, доходит до

армориканской Бретани и далее разветвляется на несколько путей: в Ирландию, Великобританию (прежде всего на ее юг и запад) и Ла-Манш, в Северное море и Скандинавию. Но если это путь морской (и каботажный, как бывало в те дальние времена), существует и сухопутный, идущий через долину Роны, долину Соны и разветвляющийся в северном направлении, направляясь либо через долину Луары, либо через долину Сены, либо через долину Мааса. Вокруг этих силовых точек и размещались мегалиты, причем нельзя забывать и линию, идущую от западного Средиземноморья до Бискайского залива, между Пиренеями и Центральным массивом, вдоль того, что теперь называют «окситанским путем». Действительно, не следует игнорировать чрезвычайную плотность дольменов в этом регионе, в частности в департаментах Ле-Гар и Авейрон.

Надо отметить, что во всем этом Бретань занимает особое, но не уникальное положение. Армориканская Бретань представляется скорее неким посредником, в смысле не только материальном, экономическом, но также в магнетическом и теллурическом. Известно, что особая природа почвы и недр Армориканского полуострова вызывает завихрения в теллурических пучках, проходящих по поверхности земли. В гранитном грунте — и в сланцевом в центре полуострова — содержится большое количество урана, по большей части рассеянного в скалах: радиоактивность здесь очень велика, на пределе допустимого, что не может не сказываться на поведении и на здоровье населения. Структура теллурических линий здесь тоже совершенно особая: сеть их намного плотнее, чем где-либо (расстояние между ними в среднем 50 сантиметров, тогда как в других местах — 2,5 метра). Все эти констатации, сделанные на основе абсолютно научных критериев, даже если они не всегда признаны так называемой официальной наукой, не могут оставить человека равнодушным. Есть все основания задуматься, не существует ли самой тесной связи между теллурической и магнетической ситуацией в армориканской Бретани и наличием многочисленных аллей менгиров. Может быть, эти аллеи — настоящие зоны восстановления равновесия в теллурической

сети, а каждый менгир подобен игле в точке акупунктуры. Очевидно, что это лишь гипотеза в числе прочих, но она не абсурдна. Беда в том, что в системе, созданной строителями мегалитов, все искажено, потому что в течение веков многие памятники были разрушены, а иногда и опрометчиво перемещены: если допустить, что менгиры могли играть некую целительную роль, надо признать, что их разрушение подрывало эту попытку восстановить равновесие. То же самое происходит, когда некоторые дольмены восстанавливают, отливая плиты из бетона, которые хоть и придают строению прочность, лишь вносят помехи в тонкую и сложную систему.

Как бы то ни было, изумление при виде внушительных остатков аллей в Карнаке порой заставляет забывать, что на Армориканском полуострове были и другие поля менгиров, пусть не настолько впечатляющие, как Карнак, но, вполне возможно, тоже грандиозные. Потребность в камнях для строительства жилищ, ненастья, всегдашнее старание земледельцев избавить свои земли от всего, что им мешает, прежде всего от камней, которые не имели для них большого значения, — все это привело к тому, что многие аллеи менгиров исчезли полностью, а от других остались лишь отдельные «обломки». Если аллеи менгиров Карнака остались столь эффектными, это потому, что они находятся на сравнительно скудной и бедной земле, где не могли мешать ее обработке.

Километрах в двадцати к северу от Карнака, в лесу Флоранж, вдоль бывшей римской дороги под названием Хент-Корневек, сохранился вполне различимый ряд менгиров, хотя большинство глыб сейчас лежит, и его наличие наводит на мысль, что неподалеку были и другие. В иных местах, от Камора до Сен-Граве, у места слияния рек Уст и Вилена, на длинном гранитном гребне в ландшафтах Ланво, а также немного северней, на гребне, параллельном сырьевым территориям, тянущимся от Серанта до Ла-Гасийи, многочисленные разрозненные мегалиты явно представляют собой остатки аллей, которые веками использовали в качестве каменных карьеров. В коммуне Мустуарак, помимо отдельно стоящего в чистом поле менгира

Кермаркер, на котором есть рельефные изображения посохов, обнаружили много мегалитов вокруг деревни Кереро. Все это оставляет впечатление упорядоченного, очень связного и довольно важного ансамбля.

На всем Армориканском полуострове насчитывают около сотни так называемых простых аллей менгиров, то есть состоящих из одного ряда. Их бывает трудно различить потому, что некоторые глыбы исчезли или упали на землю, а потом скрылись под растительностью и дерном. Надо также остерегаться всяких ложных истолкований. Два стоячих камня неминуемо находятся на одной прямой, но надо найти как минимум три менгира, образующих прямую линию, чтобы заключить, что это ряд. Во всяком случае, отмечено, что в настоящем ряду менгиры отстоят друг от друга не более чем на несколько метров, в отличие от мнимой системы, образованной отдельными менгирами, далекими друг от друга. Обнаружено также, что, если это настоящий ряд, горизонтальное сечение крупнейшей глыбы всегда ориентировано в направлении аллеи.

Все зарегистрированные аллеи менгиров перечислить невозможно. Но есть очень явные и крайне примечательные образцы. В Медреаке, в департаменте Кот-дю-Нор, но на границе Иль-э-Вилен, широко простирается ансамбль Лампуа — от менгира под названием Квадратный Камень, насчитывающего пять метров в высоту и стоящего близ деревни Шено, до менгира Длинная Скала, оказывающегося за границей департамента, на территории Гитте. Этот мегалитический ансамбль Большого и Малого Лампуа включает около 60 глыб, собранных в семь групп, где семь менгиров еще стоят. Ряды идут с северо-запада на юго-восток. В лесу Верхняя Сева, недалеко от Сент-Обен-дю-Кормье, все в том же департаменте Иль-э-Вилен, линия из четырех менгиров идет с северо-запада на юго-восток, и в ближайших окрестностях находятся еще два менгира. В лесу Фужер любопытное зрелище представляет так называемый Кордон Друидов. Это восемьдесят кварцевых глыб, стоящих в линию длиной 300 метров. Глыбы имеют высоту от одного до двух метров и тоже направлены с северо-запада на

юго-восток. Но, может быть, это просто кварцевая жила, выступившая из земли без всякого вмешательства людей.

В департаменте Кот-дю-Нор, на территории Плебиана, в Пуль-ар-Варкезе, близ Пор-де-ла-Шен, есть ряд из трех стоячих менгиров, в который входят и лежащие глыбы. Этот ансамбль расположен на откосе, почти точно ориентированном с северо-востока-востока на юго-запад-запад. А в Плесле не насчитывают пять рядов, содержащих 65 менгиров. Но более всего богат остатками аллей менгиров департамент Финистер.

В Леоне (Северный Финистер) есть несколько рядов, видимо представляющих собой остатки более внушительных ансамблей: в Ланденвезе — в Тремазане и Пенфуле, а также в Порсподере — в Сент-Урзале и Троанигу. В Плугене сохранился лишь менгир Локмажан высотой шесть метров, единственный уцелевший из ряда глыб, который шел до Каstellуру и пересекался с другим, шедшим до менгира Ланнулуарн, ныне исчезнувшего. Известно, что в Плугастель-Даула существовало несколько аллей, которые уничтожили: разведение клубники важней, чем уважение к памятникам. К востоку от горы Сен-Мишель в Браспарте, в самом сердце гор Арре, еще можно видеть группу под названием *Ан Эред Вен* («каменная свадьба»), к которой относится легенда о проклятых танцорах. В эту группу входит более двух десятков камней, стоящих в ряд с востока на запад. Ансамбли Лере и Рагенес на полуострове Крозон будто бы включали два перпендикулярных ряда менгиров, но они полностью разрушены. На том же полуострове, в Лостмархе («конский хвост»), находятся последние остатки группы из одиннадцати камней, еще стоящих в три параллельных ряда. Но в том же районе наибольший интерес представляют аллеи менгиров Лагатжар на территории Камаре, потому что в период между мировыми войнами они были реставрированы. В них входят приблизительно 65 менгиров, вытянутых в основной ряд, пересеченный двумя поперечными рядами. Перед аллеями находится дольмен, называемый «Камень Совета». В настоящее время ансамбль тянется на 200 метров, но явственно

видно, что это лишь малая часть огромного ансамбля, который должен был занимать площадь вчетверо больше.

На полуострове Корнуэйль, называемом «полуостров Мыса» (по мысу Кап-Сизун), и в земле Бигуден остатки мегалитов тоже многочисленны, несмотря на сносы и на укрупнения хозяйств. В Керфланде, на территории Пломера, через три менгира проходит линия юго-юго-восток — северо-северо-запад. Высота их — от трех до четырех метров. На территории Панмарх, но недалеко от Пломера, между мельницей Ла-Мадлен и Лестригиу, в прошлом веке насчитывали 600 камней, выстроенных в четыре ряда. Так вот, к 1900 году их уже было не более 200. В наше время от них остались лишь обломки. Однако документы показывают, что этот ансамбль был значительным, и это характерный пример того, что происходит в течение веков: должно быть, когда-то на Армориканском полуострове аллей менгиров было немало.

В Черных горах, сегодня разделенных между департаментами Финистер и Морбиан, также есть кое-какие остатки мегалитов. На северном склоне, в Сен-Гоазеке, находится ряд менгиров под названием Три-Мен («три камня») и еще один ряд, Кроаз-ан-Терек, с тремя стоящими камнями и несколькими лежащими глыбами. В коммуне Спезе мало-помалу был разрушен целый ансамбль, включая менгиры с круглыми углублениями. Три менгира Гернагуэ в Рудуаллеке, на южном склоне Черных гор, не пережили укрупнения хозяйства.

В департаменте Атлантическая Луара, почву которого люди постоянно обрабатывали и мелиорировали, выдающихся образцов почти нет. У деревни Арбур близ Эрбиньяка еще в прошлом веке было 57 камней, выстроенных в семь рядов. То, что от них оставалось, уничтожили после последней войны. Известно, что в Верже, близ Гемене-Панфао, был значительный ансамбль менгиров, но они исчезли полностью.

Самое странное и, может быть, самое характерное место находится в районе Лангона (Иль-э-Вилен), в долине Вилены. Прежде всего это группа менгиров, называемая «Лангонскими Барышнями». Местная легенда видит в них группу девушек,

которые окаменели оттого, что предпочли бал вечерней молитве. В настоящее время на ландах Ле-Мулен осталось только 37 камней, выстроенных в шесть параллельных рядов. Но самые красивые ансамбли находятся на территории Сен-Жюст — на ландах Кожу и Треаль. Это место, земля которого очень бедна, осталось достаточно диким и скрытым.

Объект состоит из очень разных частей: более чем на километр тянутся бахромой, как проспект, мелкие ряды менгиров («Лангонские Барышни») с поперечными рядами, группы больших менгиров («Источенные Скалы»), дуга кромлеха («Крест Святого Петра») в сочетании с могильными холмами, на одном из которых установлены другие менгиры. Этот холм, под названием Шато-Бю, действительно увенчан восемью стоячими камнями, расположенными по кругу. Местное предание утверждает, что здесь когда-то производили человеческие жертвоприношения. Близ «Креста Святого Петра» — другой холм, датируемый рубежом третьего-второго тысячелетий до нашей эры. Восточнее этого холма находится разрушенная крытая аллея под названием «Сарацинская Печь» (Фур Сарразен). В Треале — поваленный дольмен «Скала Фей», а на ландах Гремель, к югу от нового селения Сен-Жюст, есть ансамбль из пяти круглых холмов в форме буквы Y, открытой в направлении восхода солнца; на каждом из холмов — маленькие менгиры, очень глубоко врытые. Наконец, в месте под названием Северуэ обнаружили неолитическую мастерскую, где, вероятно, обрабатывались камни для ансамбля Кожу, а недалеко оттуда можно увидеть разрушенный дольмен Рош Матлен. Сложный характер этого памятника, протяженность его составных частей, количество камней, избежавших уничтожения, — все это наводит на мысль, что ансамбль Сен-Жюст был огромным мегалитическим святилищем, которое, хоть и не достигло исключительных размеров Карнака, было возведено по заповедям той же религии.

В лесу Пемпон, который считают остатками древнего Броселиандского леса, до нашего времени также дожило некоторое число мегалитов. На западной опушке этого леса, прямо на

ландах, на территории Неан (Морбиан), недалеко от места под названием Холм-на-Могилах (где действительно стоит несколько могильных холмов), находится любопытный ансамбль, который называется «Сад Монахов». В окрестностях никогда не было монастыря или приорства, и название, вероятно, означает святилище кельтских времен: как известно, друиды обычно жили и священнодействовали на открытом воздухе, среди леса или в отдаленных местах. Но в данном случае «Сад Монахов» имеет облик мегалита. Это место, обнесенное тремя квадратными оградами, содержащими полсотни камней, которые поставлены как менгиры, но очень тесно. Может быть, тут когда-то лежала покрывающая плита и это был дольмен? Вероятно, нет. Скорее это наводит на мысль о месте отправления культа на открытом воздухе. На другом конце леса есть развалины дольмена из красного сланца, которые называют «Могилей Мерлина». Это название новое и связано с появлением в местности легенд о короле Артуре. Но тем не менее «Могила Мерлина» составляет часть сильно разрушенного мегалитического холма. То же относится к гранитной плите под названием «Крыльцо Мерлина», нависающей над таинственным источником Барантон, средоточием стольких легенд и преданий: это бесспорно заново использованный кусок мегалита. Может быть, здесь, рядом с источником, когда-то находился ритуальный холм? Место, во всяком случае, типичное для галльского *неметона*, а ведь известно, что друидическая религия многим обязана ритуалам и верованиям народов, которые жили на крайнем Западе до кельтов¹.

Но помимо таких оград с многочисленными менгирами, оград, которых, похоже, было очень много почти во всей Европе, но особенно на Армориканском полуострове, существуют менгиры явно одиночные, явно предназначенные, чтобы стоять в конкретных точках, которые должны были совпадать со священными местами или ощущались как настоящие нервные узлы системы теллурических токов. Говорят о «менгирах-

¹ См. *Markale, Jean. Le Druidisme. Paris: Payot, 1985.*

указателях»: это верно для некоторых случаев, когда стоячий камень указывает на присутствие поблизости могильного холма или простого дольмена. Утверждали, что это дорожные столбы, аналогичные тем, какие позже устанавливали римляне вдоль больших путей сообщения. Но этот утилитарный аспект никоим образом не противоречит сакральному, особенно для времен, когда систематического различия между сакральным и профанным не проводили. Как бы то ни было, эти одиночные менгиры существуют и часто являются объектами поклонения, даже суеверного почитания в народе, и совершаемые по отношению к ним обряды красноречиво говорят об их символике, явно фаллической. Во всей Бретани немало менгиров, к которым приходили бесплодные женщины — или те, которые хотели поскорее родить ребенка, — чтобы, по преимуществу безлунной ночью, потерять о них живот либо половые органы, несмотря на громовые проклятия христианского духовенства. Возникновение этих ритуалов плодородия уходит во тьму веков. Бесплезно было уничтожать некоторые камни, чтобы помешать верующим впасть в язычество: часто язычество проявлялось еще сильнее, и обычаи предков живы даже в индустриальном обществе, присягнувшем рационализму.

Менгир Керлоас, который называют также Кервеатус, в Плуарзеле (Финистер) — в настоящее время высочайший стоячий камень из тех, которые еще стоят. От его основания до вершины 9,5 метра, но он окружен выступающей круглой платформой, представляющей собой не что иное, как камни, заполняющие яму, в которую он был вставлен. Впрочем, известно, что в XVIII веке из-за удара молнии он лишился части вершины. Таким образом, полагают, что первоначально в нем было более десяти метров высоты. И стоит он на высоте 123 метра над уровнем моря, на Леонском плоскогорье, возвышаясь одновременно над морем и окрестностями. Он в той же мере мог быть навигационным знаком для каботажа, как и сакральным символом, предназначенным, так же как колокольни и дорожные кресты, для напоминания верующим о божестве.

Все в том же Финистере и на Леонском плоскогорье отмечено некоторое количество больших менгиров, особенность которых состоит в том, что они тщательно обтесаны и порой даже едва ли не отполированы, что контрастирует с выветрившейся поверхностью камней в аллеях Карнака. Можно отметить менгир Сен-Гонварх в Ланденвезе высотой шесть метров, менгир Кереннер (или Керуззель) в Порсподере высотой 6,6 метра. На территории Плурен-Плудальмезо можно упомянуть стоячий менгир Кергадиу, насчитывающий 8,8 метра в высоту, а в восьмидесяти метров от него есть другая глыба, лежащая, длина которой составляет 10,5 метра. Тот камень, который стоит, «издалека выглядит менгиром самой совершенной формы, какая только бывает; впечатление будет различным в зависимости от того, смотреть на него спереди или сбоку, потому что его сечение отнюдь не похоже на круг и имеет две оси симметрии, что как будто свойственно всем менгирам. Лучше всего этот памятник смотрится сбоку с расстояния нескольких десятков метров, производя впечатление изящной иглы (весом около 40 тонн)»¹.

Немало других менгиров весьма примечательны как внешним видом, так и размерами. Самый характерный и, несомненно, лучше всех сохранившийся до нашего времени образец памятников такого рода — менгир Шан-Долан недалеко от Доля (Иль-э-Вилен). Он насчитывает в высоту 9,5 метра, и его форма очень правильная. Местная легенда рассказывает, что этот камень упал с неба, чтобы разделить двух враждующих братьев, которые собирались биться насмерть. Добавляют также, что этот менгир медленно уходит под землю: когда он исчезнет полностью, настанет конец света. Менгир Керампельван в горах Арре, близ Берриана (Финистер), обладает не столь выдающимися размерами, но его общий вид впечатляет. Название «Керампельван» в общем означает «Город Каменного Столба». Надо уточнить, что словом *peulvan* или *peulven* с начала XVII века

¹ *Gicq, Pierre Roland. Préhistoire de la Bretagne. Rennes: Ouest-France, 1979. P. 388.*

часто называли «стоячие камни». Во втором издании своего знаменитого словаря, за 1752 год, дон Луи Лепеллетье, ученый знаток древностей армориканской Бретани и незаменяемый очевидец кельтской традиции, которая еще была жива в его время, выражает свое мнение об этом предмете в форме вопроса: «Не устанавливали ли наши предки эти камни в качестве идолов как объекты какого-то культа или для проведения религиозных церемоний?» Можно только вспомнить фразу Юлия Цезаря в его «Записках о Галльской войне» насчет галло-римского бога Меркурия — на самом деле Луга ирландского предания, — которого в I веке до н. э. изображали многочисленными *simulacra*¹, то есть не антропоморфные каменные или деревянные столбы².

Полных сведений об этой сфере привести невозможно. Армориканский полуостров кишит менгирами. И, возможно, в десять раз больше камней, чем стоит сегодня, было свалено в течение веков — либо для дробления и повторного использования в строительстве домов, либо по указанию католического духовенства, обеспокоенного живучестью суеверий, от которых слишком отдавало серой, чтобы их можно было присвоить или просто терпеть.

Однако у некоторых менгиров есть особенности, а именно вогнутые или рельефные изображения. Это феномен очень редкий, но сделать из этого окончательные выводы трудно. В самом деле, менгиры, в отличие от опор дольменов, укрытых от воздуха и спрятанных внутри холмов, открыты всем ветрам, и невозможно точно узнать, были или не были на том или ином камне когда-либо вырезаны знаки или даже не имеет ли он смутной антропоморфной формы: свою роль сыграла эрозия, а дождь, мороз, жара и молнии тоже нанесли урон мегалитам, по меньшей мере внешнему виду последних.

Тем не менее некоторые памятники примечательны своей «отделкой», скорее представляющей собой нечто вроде «сакра-

¹ Образы, статуи (лат.).

² См. *Markale, Jean. Le Druidisme. Paris: Payot, 1985. P. 82–91.*

лизации». В самом Карнаке менгир на холме Ле-Манио имеет превосходно различимые змеевидные знаки. Менгир Кермаркер в Мустуараке (Морбиан), на гребне ланд Ланво, имеет рельефные рисунки в виде нескольких посохов, и на том же менгире отчетливо различимы следы другой резьбы, наполовину стершейся от атмосферных воздействий. Впрочем, надо отметить, что в иных случаях и христиане не упускали возможности использовать менгиры, вырезая на них символы новой религии: неопровержимое свидетельство этого — знаменитый менгир Сен-Дюзек в Племер-Боду (Кот-дю-Нор).

Но если вернуться к мегалитическому периоду как таковому, эта «сакрализация» представляет интерес. Она коснулась одних памятников и не коснулась других, что, видимо, указывало на особое назначение того или иного камня. К сожалению, у нас для этого нет ни объяснения, ни кода, и мы вынуждены довольствоваться гипотезами, сколь бы нелепыми они ни были. Что означают змеи, так хорошо заметные на менгире Ле-Манио? Что означают посохи на менгире Кермаркер? Что означают топоры на менгире Сен-Денек в Порсподере (Финистер), ныне лежащем, на котором тем не менее ясно видны эти рельефные фигуры? «Мотивы, изображенные на этих памятниках, встречаются на стенах дольменов с коридорами, в частности, посохи — на дольменах старого типа. Этот элемент превосходно помогает датировать менгиры, показывая, что эта категория памятников имеет почти тот же возраст, что и мегалитические захоронения»¹. Но, повторим, аллеи менгиров в Карнаке намного младше могильных холмов и одиночных менгиров и, видимо, отражают глубокие изменения мегалитической цивилизации.

В этом отношении очень показателен менгир Сен-Сансон-сюр-Ранс (Кот-дю-Нор). Этот камень возвышается над землей на семь метров, но в настоящее время наклонен. На боковых гранях можно различить мотивы посохов и топоров с топорич-

¹ *Giot, Pierre Roland. Préhistoire de la Bretagne. Rennes: Ouest-France, 1979. P. 401–402.*

щами, изображенные рельефно. Но если наблюдать его с других сторон ночью и при косом освещении, заметны другие хорошо известные фигуры: на нем вырезаны квадраты, прямоугольники, круглые углубления, непонятные знаки. Можно ли предположить, что *все* менгиры, по крайней мере одиночные, во время возведения подвергались тщательной обработке и «сакрализации»? На этот вопрос ответа нет. Однако можно пойти дальше: «Соблазнившись простой, если только не обманчивой этнографической параллелью — с тотемическими столбами, можно представить, что многие менгиры могли быть ярко раскрашены. Это может быть лишь гипотезой в числе прочих»¹. И не следовало бы забывать, что в средние века, особенно в романскую эпоху, внутренность храмов, которую сейчас упорно стараются воссоздавать по аналогии с наружными камнями, была полностью покрыта росписью. Это историческая реальность, которую относить к доисторическим временам трудно, но все-таки...

Но что более всего разжигает воображение, так это очевидно дольмены и крытые аллеи под курганами IV и III тысячелетий до н. э. Многие памятники были уничтожены или сохранились только в виде невзрачных руин, но есть и другие, архитектура и расположение которых особо примечательны.

В департаменте Кот-дю-Нор, недалеко от озера Герледан, на территории Кильо, есть довольно странный, окруженный лесом холм, на котором возведена сравнительно поздняя часовня, посвященная Лореттской Богоматери. Но на одном уровне с часовней на насыпной площадке можно увидеть несколько менгиров, поставленных в два ряда. Поразмыслив, поймешь, что это крытая аллея достаточно раннего исполнения, просто покровные плиты и курган исчезли. А если вспомнить, что в большинстве мегалитических холмов засвидетельствован культ Богини Начал, можно отметить лишь восхитительную преемственность между теми архаическими эпохами

¹ Giot, Pierre Roland. *Préhistoire de la Bretagne*. Rennes: Ouest-France, 1979. P. 402.

и новыми временами: Дева Мария христианской религии, как бы ее ни называть, не *то же ли самое*, что Богиня Начал? Разумеется, всем тем, кто узурпировал право говорить от имени божества и кто становится между тварью и творцом, не отдавая себе отчета, что тем самым предает весть, которую взятся хранить, есть причина содрогнуться от негодования.

Недалеко от этого холма, посвященного Лореттской Богоматери, все в том же Кот-дю-Нор, на территории Ланиската, можно обнаружить очень красивый холм Лискюис с тремя очень хорошо сохранившимися дольменами, представляющими собой образцовые экземпляры этого типа архитектуры. Второй из них очень своеобразен, потому что его пол покрыт сланцевыми плитами, лежащими в два ряда, а на входе есть плита, которая служила задвижкой для очень узкого входа в памятник. Эта крытая аллея, ведь памятник относится к этой категории, — одна из классических: ее длина пятнадцать метров, и выходит она на север. Она включает главную камеру более восьми метров длиной на два шириной. «Дольмен» Лискюис I имеет в длину всего тринадцать метров. Что касается Лискюиса III, это тоже крытая аллея классического, так называемого армориканского типа, но имеющая вход с востока. Здесь можно отметить короткое преддверие, главную камеру размером восемь на два метра и маленькую концевую ячейку. Ансамбль Лискюис входит в состав обширного некрополя — или обширного святилища, — которое включает холмы, нависающие над рекой Блаве, в самом центре полуострова, в месте довольно бесплодном и диком, однако отмеченном слиянием рек Блаве и Даула. В его ближайших окрестностях тоже обнаружено много мегалитических развалин. В Плелоффе, все в том же Кот-дю-Нор, недавно заново открыта одна крытая аллея — Керивелан, достаточно своеобразная. Она идет с востока на запад, не имеет концевой ячейки, но включает нечто вроде маленькой прихожей в форме трапеции. Камера внушительна: она имеет девять метров в длину на два в ширину и была полностью и очень тщательно вымощена мелкой плиткой из серого сланца, который в изобилии встречается в этом регионе.

Следует отметить позднюю дату создания этого памятника — приблизительно рубеж третьего и второго тысячелетий до нашей эры: это современник первых курганов армориканского бронзового века. Это показывает, кстати, что очень трудно отчетливо определять разрывы между разными цивилизациями, сменявшими одна другую до прихода кельтов.

Сами крытые аллеи не подвергались никакой искаженной классификации. Период, когда их строили, в конечном счете растянулся на два тысячелетия, что немало. Есть специфические типы крытых аллей, но располагать их следует по категориям, а не в зависимости от реального возраста. Так, крытую аллею Большой Остров в Племер-Боду (Кот-дю-Нор) надо рассматривать как «короткую крытую аллею». Длина ее камеры — 8,5 метра, а ширина — всего 160 сантиметров. Стены состоят из плоских гранитных плит. В глубине — одна-единственная плита, которой заканчивается памятник. Пройти в эту камеру можно через вестибюль очень небольшой длины — всего в одну боковую плиту. Вход находится с юго-востока, и вокруг всего ансамбля можно различить следы могильного холма. Памятник такого рода можно найти также в Керборе, департамент Финистер. И надо отметить, что неподалеку на островке Аваль есть дольмен — впрочем, это крытая аллея того же типа, которую местное предание (вероятно, клерикального происхождения) называет «Могилой Артура». Надо уточнить, что слово *aval* по-бретонски означает «яблоко» и что для некоторых «просвещенных» умов было очень соблазнительным увидеть в этом пустынном островке знаменитый остров Авалон, где, согласно легенде, спит король Артур под присмотром своей сестры феи Морганы, ожидая подходящего момента, чтобы восстановить Бретонское королевство. В Великобритании немало мегалитических памятников с идентичным названием, и это вполне нормально. Ведь герои не умирают, и их могилы — всего лишь наглядные символы.

На территории Плудальмезо (Финистер), в районе, богатом очень разнообразными народными преданиями, на острове Карн находится странный мегалит. Это могильный холм,

каирн, как говорят англосаксы, чем в достаточной мере объясняется название острова. К тому же этот остров Карн связан с легендой о знаменитом Маркусе-Кономорусе, иначе говоря, Кономоре армориканской традиции, он же король Марк истории о Тристане и Изольде, «король, который имел лошадиные уши» и велел убивать каждого, кто узнавал его тайну¹. В мегалитическом ансамбле острова Карн можно видеть некое подобие храма, где происходили обряды жертвоприношения лошадей. Во всяком случае, холм можно датировать рубежом V и IV тысячелетий до н. э. Таким образом, он достаточно древний. В него входят три камеры: две простые, а одна разделена надвое довольно толстой стенкой. Эти камеры построены методом сухой кладки, с нависающими сводами, как в Барненезе (Финистер) или в Нью-Грейндже в Ирландии. А входной коридор относительно короток.

На ландах Ланво, недалеко от знаменитого менгира Кермаркер, в коммуне Кольпо, в особо унылой гранитной местности расположено несколько мегалитических некрополей, из которых самый значительный — Ларкюст. Ныне этот памятник исчез, но исследования, сделанные в конце прошлого века, позволяют представить его масштабы. А недалеко оттуда расположены два могильных холма, один из которых включает два дольмена с камерой и коридором. Одна из камер выложена большими гранитными плитами. Другая имеет нависающий свод.

Южнее, в эстуарии Луары, памятники такого типа тоже встречались, даже если большая их часть не пережила индустриализации низовий Луары. Можно отметить дольмен Кербур на территории Сен-Лифара, недалеко от Большой Бриеры, и с другой стороны эстуария, в Сен-Бревене, дольмен, называемый «Аллеей Соловьев». Но самым примечательным памятником, который теперь полностью восстановлен, бесспорно остается Диссиньяк в Сен-Назере. Это комплексный ансамбль

¹ *Markale, Jean. La Tradition celtique en Bretagne armoricaine. 4e éd. P.: Payot, 1984. P. 28–29.*

разных эпох, самая древняя из которых — 4500 год до н. э. Первоначально было два одновременно существовавших памятника, центральные камеры которых существенно различались по форме и величине. Восточная — большая и полукруглая, западная меньше и, видимо, делилась стеной на две части. Коридоры обеих камер имели длину по семь метров, а вход находился на юго-востоке; примечательно, что из коридора западного дольмена можно наблюдать восход солнца в период зимнего солнцестояния, как в холме Нью-Грейндж в Ирландии, с которым у памятника Диссиньяк есть определенные черты сходства. Видимо, на первой стадии строительства холм имел в диаметре 14 метров и включал в себя две стены: одна, сложенная сухой кладкой, окружала центральный холм, насыпанный вокруг камер, другая опоясывала основание из гранитных и кварцевых плит. Во второй период памятник увеличили. Входные коридоры были удлинены на четыре метра каждый и расширен весь ансамбль холма с постройкой двух дополнительных оград. На потолочной плите западной камеры видны примечательные петроглифы, в которых можно узнать классические мотивы морбианского наскального искусства, а именно посохи и топоры с топоричами, которые, вероятно, должны были символизировать Великую Богиню Холмов.

Крупнейший мегалитический памятник Бретани — без сомнения, знаменитая «Скала Фей» близ Эссе (Иль-э-Вилен), к юго-востоку от Ренна. Общая длина этой крытой аллеи, ныне извлеченной из-под земли и избавленной от своего могильного холма, составляет 19,5 метра. Ее ширина — 6 метров, высота — 4 метра. Это впечатляющий памятник. Камень, из которого он сделан, — красный кембрийский сланец, характерный для центра и востока Армориканского полуострова. «Скалу Фей» единодушно ставят в один ряд с большими дольменами Анжу и берегов Луары, для которых характерна тенденция к гигантизму. Прямоугольная камера очень обширна, имеет длину 14 метров, ширину в среднем 4 метра и высоту до свода 2 метра. Она делится на четыре отсека тремя опорами, перпендикулярными южной стене, и огромной устойчивой глыбой у

западной оконечности; напротив находится очень низкий коридор длиной два метра. Памятник представляет собой вид мегалитов, несопоставимый с «классическими» крытыми аллеями Морбиана. То же самое можно сказать о крытой аллее Муго-Биан в Коммана (Финистер), на отрогах гор Арре. Это один из наиболее сохранившихся мегалитов во всей Бретани. Он имеет длину 14 метров и включает пять столов, поддержанных 28 опорами, причем на некоторых есть вогнутая резьба, изображающая копья и кинжалы — вероятно, атрибуты всемогущего божества холмов. С другой стороны гребня, на склоне, спускающемся к Йен-Эле, болоту, затерянному в сердце гор Арре, на территории Бреннилис, есть дольмен такой же длины — 14 метров, по большей части скрытый под своим могильным холмом. Он покрыт тремя огромными плитами, одна из которых весит 35 тонн. Название этого дольмена, ти-ар-Будикед («Дом Карликов»), ясно показывает, какому виду сверхъестественных существ народное предание приписывает сооружение мегалитов.

Однако самый впечатляющий памятник на всем Армориканском полуострове — курган Барненез в Плуэзохе (Финистер), на полуострове, возвышающемся над устьем реки Морле. Во всяком случае, это самый обширный по площади могильный холм в мире, спасенный *в последний момент* в 1954 году, когда из него сделали карьер, и с тех пор частично восстановленный. Начало строительства якобы восходит к 4500 году до н. э., но с тех пор памятник претерпел изменения и расширения.

Ансамбль включает могильный холм длиной 70 метров, что немало, из двух разных частей, смежных и возникших поочередно. Примечательно расположение памятника: он находится на вершине мыса и с него открывается очень широкая панорама. Первоначальная часть, так называемый первичный каирн, извне выглядит как каменный массив, идущий с востока на запад, имеющий длину 35 метров при ширине около 20 метров и высоте 8 метров и ограниченный двумя стенами, которые сложены сухой кладкой и поднимаются уступами.

Этот первичный каирн содержит пять дольменов, входы в которые находятся с южной стороны, напротив реки. Самый короткий входной коридор насчитывает 7 метров, самый длинный — 11 метров. Эти коридоры узкие, потолки в них низкие; ведут они в центральные камеры. На одной из потолочных плит есть вогнутое изображение знаменитого неолитического идола, так называемого идола в форме щитка, какие можно видеть в петроглифах Морбиана.

Лет через двести после постройки первичного каирна на западной стороне добавили шесть больших дольменов под другим могильным холмом, который стал продолжением первого без видимого разрыва, но который пришлось укрепить насыпями со стороны склона. Его структура — почти такая же, с узкими коридорами и нависающими сводами, но пол выложен плитами. Несколько петроглифов — это U-образные знаки, как в дольменах Локмариакера. Замечено, что эти знаменитые U-образные знаки всегда находятся на тех местах, которые могли быть заняты изображениями Богини Холмов, идола в форме щитка. Может быть, они символизируют это божество?

Вопросы возникают в связи с центральным дольменом первичного каирна. По всей очевидности он не такой, как другие. Его коридор по всей длине окаймлен гранитными плитами, над ними — стенка из сухой кладки, на которую опирается кровля. В конце коридора выходишь в первую, почти круглую камеру, опирающуюся на толстые плиты и перекрытую нависающим сводом из сухой кладки высотой в три метра. Две опоры, на которых отчетливо заметны резные изображения трех треугольных топоров и одного лука, образуют узкий проход в концевую камеру, перекрытую единственной плитой, которая лежит на массивных каменных глыбах. Здесь заметна резьба, изображающая треугольники, U-образные знаки, крест или топор с топорцем и волнистые линии.

«Все указывает на то, что этот центральный памятник был чем-то вроде святилища, функции которого несомненно отличались от банальной функции коллективного захоронения,

какую обычно приписывают дольменам с коридором... Может быть, этот дольмен был предназначен для ритуальных церемоний во время погребения в соседних дольменах? Или, скорее, это была резервная могила для особой общественной касты и ее вождей? За отсутствием доказательств можно только выдвигать гипотезы. Но никуда не денешься от главного факта — явной, бесспорной архитектурной дифференциации в недрах одного и того же ансамбля памятников, из которой логически следует дифференциация функциональная, к сожалению, точно не выясненная. Этот факт существенно влияет на представление, какое можно составить о других мегалитических ансамблях Арморики»¹. Во всяком случае, нередко мегалитические холмы уже рассматривают не только как могилы, но в равной мере и как места для церемоний. Глиняные черепки, найденные перед входами в дольмены Барненеза, — следы деятельности, которая, скорее всего, состояла в основном в отправлении культа. Эти места, должно быть, часто посещались долгие века, даже после смены цивилизаций, в бронзовом веке и в кельтский период железного века, как свидетельствуют ирландские верования и предания, относящиеся к миру *сида*, поскольку термином *сид* называется внутренность мегалитических холмов, населенных богами и героями древних времен.

За пределами армориканской Бретани большие мегалитические ансамбли встречаются и по всей Франции, но явно реже. Конечно, южная часть Центрального массива изобилует простыми дольменами, но они не имеют столь своеобразной отделки, как памятники Морбиана. Обнаружено также некоторое количество каменных стел, называемых «статуи-менгиры», антропоморфный характер которых бесспорен; но эти стелы принадлежат к более поздней эпохе, отмечая эволюцию мегалитизма в направлении кельтского искусства. Однако в них распознаются основные черты облика Богини Холмов, того

¹ *L'Helgouac'h J. Préhistoire de la Bretagne. Rennes: Ouest-France, 1979. P. 164.*

таинственного божества, которое наши далекие предки почитали тысячелетиями. В Бретани обнаружено всего три антропоморфные стелы, явно изображающие женщину, в том числе стела Кермене в Гиделе (Морбиан): она была найдена разбитой на много кусков на одном неолитическом холме, но при ее воссоздании ни на миг нельзя усомниться в ее форме, потому что она имеет характерные грудь и ожерелье, как и стилизованную голову, очень похожую на голову идола в форме щитка из Локмариакера. Здесь заметна примечательная преемственность в изображении женского божества холмов. Изображение, по сути, того же божества нашли и в пещерах долины реки Пти-Морен в Шампани, в пещерах, вырубленных в толще известняка, а также во всех дольменах парижского региона. По всей Европе была *одна* мегалитическая цивилизация, с небольшими вариациями, связанными с эпохой и с территориальными различиями.

Это легко осознать, рассматривая памятники Британских островов, особенно многочисленные и интересные на юге Англии, в Корнуолле, Уэльсе, Шотландии и Ирландии. Тогда понятно, почему в романтическую эпоху мегалиты считались «камнями друидов»: самые красивые и самые характерные из мегалитов находятся в основных зонах расселения кельтов, и было естественным связать эти загадочные памятники с друидической религией, которая сама очень таинственна и малоизвестна.

Самый знаменитый из всех доисторических памятников Великобритании — это Стоунхендж, расположенный в южной части равнины Солсбери, приблизительно в двенадцати километрах от этого города и в трех километрах от Эймсбери. Для этого места характерна концентрация следов неолита и бронзового века: по всей видимости, это было огромное святилище, аналогичное святилищу в районе Карнака. Впечатляет и сам Стоунхендж.

На самом деле, как и христианские соборы, строительство которых растягивалось на годы и даже на века, мегалитический памятник Стоунхендж строился в течение нескольких

периодов, самый давний из которых — возможно, середина третьего тысячелетия до нашей эры. Таким образом, он представляет архитектуру конца неолита. Впрочем, его изысканность показывает, что мегалитическое искусство эволюционировало: действительно, в его композиции немало удивительного для людей, привыкших к грубому и «варварскому» облику аллей менгиров Карнака. Стоунхендж не аллея менгиров. Это круг или, скорее, совокупность трех кругов, которую во Франции могли бы назвать кромлехом, но которая обладает чертами храма на открытом воздухе и окружена множеством могильных холмиков, для которых памятник бесспорно служит символическим центром. Здесь находишься *посреди zego-to*. И если для объяснения Стоунхенджа были выдвинуты бесчисленные гипотезы, то все шансы быть лучшей имеет одна — та, которая видит в нем святилище для отправления солярного культа. Судя и по самой его архитектуре, и по преданиям, неизменно связанным с этим памятником, Стоунхендж представляется средоточием культа, местом, где солнце, воспринимаемое как божество жизни, в определенные периоды года опускается на землю, чтобы возродить ее и дать основные направления для тонкого слияния видимого и невидимого, слияния, которое, чего нельзя отрицать, лежит в основе всех религиозных систем.

В течение первого периода, который называют Стоунхенджем I, строители для начала возвели кольцевой земляной вал диаметром 91 метр, окруженный рвом, который первоначально мог иметь глубину 180 сантиметров. На входе в него, на северо-востоке, находились две каменные глыбы, а вокруг них — круг из 56 маленьких менгиров. В этот самый момент воздвигли и знаменитый Хил Стоун¹ — названный так на основании легенды, согласно которой этот камень, брошенный чертом, поразил в пятку одного монаха, — вес которого составляет 35 тонн и для перемещения которого должно было понадобиться 250 человек.

¹ Heel Stone (англ.) — Пяточный Камень. — *Примеч. пер.*

Во второй период, который называют Стоунхенджем II, двумя концентрическими кругами было расставлено восемьдесят голубых камней. Необычно то, что эти камни происходят из Уэльса, а именно из гор Пресели, отделенных от Стоунхенджа двумя сотнями километров. Причина для такого перемещения камней несомненно была веской, а их выбор обуславливался религиозными и даже магическими соображениями. Народное предание, воспроизведенное в 1132 году Гальффридом Монмутским, который ввел артуровскую легенду в европейскую литературу, утверждает, что это чародей Мерлин своей магической силой перебросил камни Стоунхенджа даже не из Уэльса, а из Ирландии. В любом случае это предание упоминает перемещение камней, взятых очень издалека.

В течение третьего периода, который называют Стоунхенджем III, воздвигли знаменитые гигантские глыбы, положив на них плиты перекрытия, придающие памятнику столь своеобразный и, правду сказать, уникальный вид по сравнению с остальными мегалитическими памятниками. Было поставлено тридцать опор, причем некоторые лежат и в наше время, и весь ансамбль выглядит настоящим круглым храмом, внутри которого находится нечто вроде святилища, вероятно предназначенного для жрецов во время церемоний. Больше не известно почти ничего. Определенно можно сказать одно: утром летнего солнцестояния первый луч восходящего солнца проходит по «дороге» и падает на камень, находящийся в центре памятника и называемый Олтер Стоун («Алтарный Камень»). Из этого можно заключить, не слишком рискуя ошибиться, что в день летнего солнцестояния в Стоунхендже происходили масштабные церемонии. Но в самом ли деле это был солярный культ? Утверждать не вправе никто, хотя недавние научные наблюдения смогли показать, что план памятника был разработан на основе очень точных астрономических — а значит, в равной мере и астрологических — соображений. В этой связи говорили даже о настоящей обсерватории для наблюдения за звездами.

Бесспорно то, что Стоунхендж был завершен, обустроен и использовался на протяжении бронзового века, вполне вероятно, до рубежа X–IX веков до н. э. А ведь известно, что цивилизация бронзового века отдавала предпочтение солярному культу. Этим она отличалась от мегалитической цивилизации как таковой, которая, если верить обнаруженной в дольменах резьбе, предпочитала культ Богини Холмов. Но, в конце концов, если известно, что в кельтских и германских языках солнце имело женский род, а луна — мужской, можно утверждать, что это одно и то же верование в божество-покровителя, Богиню Начал, которой в символическом плане вполне могли первоначально поклоняться как *герному солнцу*, то есть «светилу Иного Мира», внутри мегалитических холмов, прежде чем она стала объектом более «реалистичного» культа, на сей раз отправляемого на открытом воздухе. Кстати, на одном из камней, называемых трилитами (две опоры и одно перекрытие), можно заметить вогнутую резьбу, напоминающую классического неолитического идола из Морбиана. Какие бы решения ни рассматривались, вероятно, Стоунхендж надолго сохранит свою тайну. Храм стоит у всех на глазах как неопровержимое свидетельство духовности строителей мегалитов, их искусства, их техники, их астрономических знаний. Но храм пуст, и в нем гуляет лишь ветер...

Тем не менее Стоунхендж — самый совершенный образец мегалитических каменных кругов, того, что во Франции называют кромлехами. В Великобритании можно указать 900 каменных кругов, но ни один из них не завершен и не продуман до такой степени, как Стоунхендж.

Нельзя обойти молчанием и находящиеся на той же равнине Солсбери, которая, похоже, была чем-то вроде доисторических «Елисейских полей», круги Эйвбери на севере Уилтшира, в восьми километрах к западу от Мальборо. Это самое обширное из известных мегалитических колец, за исключением, разумеется, аллей менгиров Карнака, которые не имеют формы круга. Площадь, занятая этим ансамблем, составляет десять гектаров, что очень много. Как и в Стоунхендже, это

кольцо состоит из земляной насыпи, нависающей надо рвом, а внутри — круг из сотни камней. Периметр кольца составляет 1350 метров. Ров, видимо, имел первоначальную глубину метров девять. В большом круге помещаются два других круга, намного меньшие. Северный круг мог состоять из 27 камней при диаметре 97 метров. Южный должен был включать 29 камней при диаметре 100 метров. Еще видны проходы, ведущие в самый центр святилища, так как очевидно, что это, так же как Карнак и Стоунхендж, огромный храм на открытом воздухе. Но для каких церемоний он предназначался? Это постоянный вопрос, который возникает и на который мы рискуем никогда не получить ответа.

Единственное, что известно, — что постройка Эйвбери относится к последнему периоду неолита. В этом смысле Эйвбери — почти современник Стоунхенджа, то есть он датируется периодом с 2500 по 2000 годы до н. э. Но в строительстве Эйвбери не принимали участия те, кто поставил в Стоунхендже знаменитые опоры с перекрытиями. В целом он выглядит как классический кромлех, хотя размеры делают его уникальным в своем роде. Но это тоже только храм, со всеми загадками, которые с ним связаны. Это очевидно дает разгуляться нашему воображению: не можем же мы не попробовать найти объяснение или оправдание этим огромным трудам. А в практическом смысле, надо признать, такие памятники не годятся ни для чего. Значит, приходится предполагать, что были основания — если не религиозные или метафизические, то по крайней мере научные.

На полуострове, который образуют Девон и Корнуолл, в регионе, который очень долго испытывал кельтское влияние и где зародилась легенда о «короле» Артуре, можно обнаружить довольно значительное число мегалитических памятников. И не приходится удивляться, если некоторые из них носят названия, связанные с артуровской легендой, вроде «Могилы Артура», «Скалы Мерлина» и прочих «столпов Тристана». Во Франции в количестве названий такого рода рекорд принадлежит Гаргантюа.

Эти памятники на крайнем юго-западе Англии — очень разного типа. Встречаются каменные круги, как Боскейвен-Ан и Мерри Мэйденс в Сент-Бериане, круг Треджесил в Сент-Джасте или круг Боскенейнен в Мадроне на полуострове Пенуит (Корнуолл). Почти повсюду можно найти очень красивые одиночные менгиры, дольмены, как в Зенноре, Мадроне или Морвахе на том же полуострове Пенуит, а также крытые аллеи под могильными холмами, прежде всего в Зенноре. Но что, несомненно, выглядит наиболее странным, так это «дырявые камни» вроде того, что называется Мен-ан-Тол («Камень Стола») в Мадроне. Это камень круглой формы, довольно искусно обтесанный и с проделанной посередине дырой, занимающей около трети его объема. В настоящее время этот мадронский камень стоит между двух небольших менгиров, и, когда становишься спиной к одному из менгиров и видишь сквозь отверстие второй, зрелище выглядит странным. Местная легенда утверждает, что пролезание сквозь эту дыру исцеляет некоторые болезни. Но здесь все представляется сомнительным, поскольку вероятно, что этот Мен-ан-Тол (который англичане неправильно переводят как «holed stone», то есть «камень с дырой», из-за квазиомофонии бретонского *taol* — «стол» и корнийского *toull* — «дыра») стоит не на первоначальном месте. Вероятно, это входная плита какого-то дольмена или крытой аллеи, которую унесли после разрушения первоначального памятника. Этот дырявый камень в самом деле напоминает плиты, какие загораживают входной коридор некоторых континентальных дольменов, особенно в регионе Вексен во Франции, и которые любят называть «дыра души» или «проход души». Этот древний камень использовали заново. Тем не менее существование этого Мен-ан-Тола наводит на вопросы, которые остаются без ответов. Надо отметить, что камень такого рода, но с дырой намного меньшей, можно видеть в Шотландии, в местности Галлоуэй: там он стоит как одиночный менгир, а дыра выглядит явно искусственной.

В той же местности Галлоуэй, где долго жили те, кого называли «северными бретонцами» и которые до VII века н. э.

верно хранили кельтскую цивилизацию, защищая ее от саксов и от северных пиктов, есть немало памятников типа дольменов или крытых аллей. Один из самых интересных среди этих памятников — могильный холм Кейрнхоули (название которого показательно — «Освященный Холм», плохой английский перевод древнего *Карн Улайд*, «Холм Уладов», улады же были гэлами, населявшими Ольстер, местность, название которой англичане неверно переводили как «Холм для сокровища»). Могильный холм Кейрнхоули содержит две крытые аллеи и характерным образом расположен на высоком мысе над морем. Эти мегалиты датируются концом неолита, но, как и многие другие памятники такого рода, были заняты и повторно использованы в бронзовом веке.

Все в той же Шотландии, в графстве Аргайл, в Килмартине, в двенадцати километрах к северу от Лохгилпхида, можно отметить ряд холмов, содержащих дольмены с погребальной камерой и довольно значительными галереями. Они входят в состав мегалитического ансамбля, который должен был иметь большое значение в конце неолита и, как многие каирны этого региона, был повторно использован народами бронзового века. Эти пять холмов дополняет каменный круг под названием Темпл Вуд, имеющий подобие центрального алтаря и, видимо, игравший роль храма на открытом воздухе. Это место, как достаточно ясно показывает его английское название, должно было служить для кельтов святилищем, *неметоном*, поскольку речь бесспорно идет о священной поляне среди леса, важнейшем атрибуте друидического культа. Но это не единственный пример преемственности, какую можно наблюдать между мегалитическими постройками и друидическим культом.

Уэльс изобилует дольменами и крытыми аллеями. Поскольку эта земля была очень бедной, особенно на севере княжества, памятники часто оставались нетронутыми, потому что земледельцы систематически не удаляли их, как это часто происходило в более богатых аграрных регионах. Один из самых интересных среди этих памятников — несомненно, холм Кейпел Гармон в двух километрах к юго-востоку от Бетвс-ай-Коэда, в

Гвинедде. Это любопытный дольмен с коридором, имеющим вход со склона холма и ведущим к двум боковым погребальным камерам. Но есть и ложный вход, что не может не породить вопросов об истинном предназначении холма. Дольмен Пентр-Айфен, теперь находящийся под открытым небом, в графстве Кардиган, в Дайфедде, километрах в десяти от Кардигана, — один из лучше всего сохранившихся образцов мегалитического искусства Уэльса. Это место известно также как *Коэтан Артур*, то есть «Могила Артура». В этом проявляется связь, которой народное предание соединяет доисторические памятники и этого одновременно корнийского и валлийского персонажа — Артура, вокруг которого в средние века кристаллизовались все древние мифы и все архаические схемы кельтской религии. А недалеко от озера Бала, в самом сердце уэльских гор, озера, которое называют также Линн Тегид и с которым связана легенда о барде Талиесине, еще показывают разрушенный дольмен, считающийся могилой Талиесина: местное предание утверждает, что тот, кто осмелится провести ночь на этом дольмене, непременно проснется поэтом или сумасшедшим.

Расположенный к северо-западу от Гвинедда остров Мэн (*Insula Mona*), который англосаксы называли Англси, бесспорно, судя по тексту «Жизнеописания Агриколы» Тацита, был просто средоточием друидизма, по меньшей мере местом, где собирались настоящие друидские коллегии. Но остров Мэн усеян мегалитическими памятниками, дольменами и менгирами. Один из них особо примечателен — тот, что называется Брин Целли Дду, то есть «Холм Черного Леса». Это могильный холм со сложной структурой. Нынешний памятник был построен на более древнем холме, и элементы его архитектуры наводят скорее на мысль об инициационном святилище, где приносились жертвы, чем о простой мегалитической могиле. Одна из опор этой крытой аллеи, теперь перемещенная, покрыта вогнутыми резными знаками, возможно, символически изображающими путешествие души в Иной Мир. Заманчиво провести аналогии с шаманскими обрядами, с которыми друидизм в некоторых

аспектах своего культа как будто сближался. Холм Брин Целли Дду, прекрасно сохранившийся и выигрышно расположенный, — один из самых характерных и красивых мегалитов острова Мэн. И с ним так же, как и с холмом Барненез в армориканской Бретани, связана проблема реального назначения крытых аллей под курганом: могилы или святилища? Этот вопрос следует обсудить, но при современном состоянии наших знаний на него трудно дать окончательный ответ. Решение проблемы должно учитывать преемственность культов и верований в разных культурных слоях, которые сменяли друг друга на одной и той же территории. Но в отсутствие документов мы в этой сфере обречены лишь выдвигать гипотезы, порой недолговечные.

В этом отношении пролить какой-то свет на эти проблемы должна бы Ирландия — по той очевидной причине, что там находятся бесчисленные мегалитические памятники, в том числе главнейшие, и что, с другой стороны, ирландские рукописи раннего средневековья сохранили многочисленные и полезные сведения о дохристианской традиции, которая была еще очень живой в период насаждения новой религии. Это особое положение Ирландии, которая никогда не была завоевана римлянами, которая никогда не входила в состав Римской империи и, однако, стала светочем христианства в Западной Европе, указывает направления для поиска. Ведь больше нигде мегалиты так не связаны с традицией, унаследованной от предков, которая сохранялась веками, вопреки всем превратностям истории.

Конечно, в Ирландии найдут еще много менгиров, одиночных дольменов, каменных кругов, могильных холмов. Одни из них пока спрятаны под растительностью. Другие медленно обретают очертания, выходя на свет в результате случайных открытий. Некоторые по справедливости известны во всем мире, потому что относятся к решающему этапу мегалитизма и сравнительно хорошо сохранились в стране, где почва бедна и где, в отличие прежде всего от Франции, ее не очищали от камней, загромождающих поля и пастбища.

Было бы совершенно излишним перечислять все мегалиты Ирландии, все «легендарные камни», время появления которых уходит очень далеко во тьму веков. Однако есть смысл назвать некоторые, представляющие интерес, порой непропорциональный их высоте, размерам или сохранности. Это относится к памятнику, который называют Портальным Дольменом и который находится в самом сердце Баррена — известковой и пустынной местности к югу от залива Голуэй, благодаря очень мягкому климату которой даже в мельчайших углублениях, заполненных землей, там может пышно расцветать почти экзотическая растительность.

Этот Портальный Дольмен, называемый также дольменом Пулнаброн, — памятник, примечательный по внешнему виду и своему положению в совершенно пустынном месте. Это явно мегалитическая могила, существующая с 2500–2000 года до н. э. Стол дольмена — огромная плита 365 на 213 сантиметров, весящая около сотни тонн. Высота камеры меняется от 1,9 метра в северной части до 2,05 метра в южной. Размеры самой камеры — 243 на 122 сантиметра. Памятник, теперь оказавшийся на открытом воздухе, когда-то находился в середине могильного холма, отдельные следы которого еще сохранились и который имел круглую форму и диаметр 9 метров. Название «Пулнаброн» — гэльское и может означать «башня печалей», на что указывает народное верование, согласно которому здесь приносились жертвы. Правда, в том же Баррене, в трех километрах от Каэрмора («Большой Крепости»), есть другой дольмен, тоже сравнительно хорошо сохранившийся, — Гленинсин, иногда называемый «Алтарем Друидов». Народная традиция все время тесно связывает мегалиты с религией кельтов. А поскольку мегалиты появились здесь самое меньшее за две тысячи лет до кельтов, приходится допустить, что какая-то связь между мегалитической цивилизацией и цивилизацией кельтов-завоевателей, поселившихся на крайнем Западе Европы, существовала. Главное — выяснить, в каких условиях и на основе каких критериев произошла эта ассимиляция или идентификация.

Во всяком случае, если во Франции многие памятники обаяны своим именем Гаргантюа, фольклорному образу древнего гигантского галльского божества (аналогичного греческому Гераклу), если на западе Великобритании многие дольмены — это могилы Артура или Мерлина, то ирландские мегалиты чаще всего посвящались хорошо известным персонажам гэльской мифологии. Есть не одно «ложе Диармаида и Граинне» — отсылка к знаменитой легенде, ставшей прототипом истории о Тристане и Изольде, как и не одна «крепость Энгуса», Мак Ока, сына великого бога Дагды. Кстати, похоже, гэльская мифология Ирландии неотделима от мегалитов, усеявших землю Зеленого острова, который называют также Островом Святых. Но не представляют ли святые и герои языческой древности два аспекта одних и тех же персонажей?

Однако в Ирландии есть памятники, привлекающие особое внимание: это холмы долины реки Бойн и те, что находятся в ближайших окрестностях этой долины, носящей имя одной из самых могущественных богинь ирландского пантеона, Боанн, или *Бо-Винды*, «Белой Коровы», женского божества вод и плодородия, любопытным образом вновь появившегося в артуровской легенде в образе и под именем Вивианы, которая *заточает* Мерлина в невидимый воздушный замок посреди Броселиандского леса.

Прежде всего это Тара, мифологический и символический центр Ирландии. Тара была столицей языческой Ирландии или скорее резиденцией верховного короля, располагавшего, правду сказать, властью гораздо в большей мере моральной, нежели реальной. Но коль скоро власть этого короля имела сакральный характер, из важности этого места с очевидностью следует, что речь идет о сохранении традиций, восходящих к самым отдаленным доисторическим временам, вероятно возникших задолго до прихода строителей мегалитов. Тара сравнима с Дельфами: это нечто вроде пупа земли для этого острова, затерянного посреди Атлантики, которому с трудом удается интегрироваться в жизнь континента, хотя он и оказал на нее существенное влияние, особенно в раннем средневековье.

Здесь расположено графство Миде (по-английски Meath). Это теоретически «середина» (таков смысл гэльского слова *midhe*) Ирландии, а в центре его находится холм Тара, королевский акрополь, бывшее святилище богини-матери, той самой, вырезанные изображения которой обнаруживаются в холмах. Каждые три года гэльские народы собирались в Таре на пышные празднества, лишь воспроизводившие намного более древнюю традицию. Здесь избирали верховного короля, *ард-ри*, который обладал только номинальной властью, но тем не менее был священным главой всех народов острова. И ритуал, в соответствии с которым осуществлялось это избрание, имел столь же магическое, сколь и религиозное значение. В самом деле, в Таре находился священный камень, Камень Тары, который кричал, когда будущий король Ирландии садился на него. Этот ритуал восхождения на престол не раз сопоставляли с образом Опасного сиденья из христианизированной легенды о Святом Граале. Говорят, что этот камень, *лиа Фаил*, и возвышается на холме Тара, точнее, на пригорке под названием Кормак Хауз. Этот камень — явно менгир.

Пейзаж Тары довольно уныл, и здесь не видно ничего, кроме мегалитических развалин. *Рат на Риог* («Королевская Крепость») — доисторическая круглая ограда, которую когда-то защищал земляной вал со рвом перед ним. К северу от этой ограды — Гора Заложников, датируемая 2000 годом до н. э.: это погребальная камера под курганом, повторно использовавшаяся в разные эпохи. Южнее возвышается холм, на котором, по рассказам, стоял дворец короля и который называется Рат Лаогайре, а на другом искусственном холме, Рат на Сеанед, якобы собирались ирландские народы, прибывая в Тару на большие праздники. Северней этого холма еще можно разглядеть длинный и узкий проход между двумя земляными валами, вероятно, вход в сам комплекс, но предание утверждает, что это был Банкетинг Холл, место, где пировали сотрапезники высокого ранга. Холм Тара бесспорно был создан как мегалит, но в течение веков после его создания на нем побывало столько народу и его столько раз перестраивали, что от перво-

начального мегалита почти ничего не осталось. Но все-таки надо принять во внимание ирландскую мифологическую традицию: похоже, она верно воспроизводит таинственную историю Тары, утверждая, что здесь стояло укрепление под названием Граиннес-Форт. В этом названии использовано имя ирландской героини Граинне, прототипа Изольды Белокурой. А ведь имя Граинне происходит от гэльского слова *grian*, что значит «солнце». Нет ли в этом указания на древний солярный культ? Вопрос по меньшей мере заслуживает того, чтобы его поставить.

Далее к северо-востоку, в самом высоком месте гор Лох-Крю, в том же графстве Мит, откуда идеально открывается широкая панорама всей Ирландии, гор Слайго на западе, гор Карлингфорд с восточной стороны, расположен один из самых странных мегалитических комплексов, какие только бывают, известный под названием Лох-Крю. Правду сказать, первоначально его должно было окружать от пятидесяти до ста могильных холмов. В наши дни их сохранилось семь, почти нетронутых, превосходно различимых и богатых различными украшениями.

В самом деле, именно в семи каирнах Лох-Крю наибольшая в мире концентрация петроглифов. На большей части опор дольменов внутри холмов нанесены таинственные знаки, среди которых явно можно узнать некоторые из символов, использованных в дольменах Морбиана. Но есть и другие, причем настолько разнообразные, что описать все нечего и пытаться.

Некоторые петроглифы складываются в удивительные ансамбли. Так, на камне 14 каирна Т видно нечто вроде кругов с солнечными колесами внутри, которые можно воспринимать как цветы. Этот мотив интригует, тем более что рядом с ним находятся бесспорные схематические изображения солнца, колеса с точками — возможно, лунные — и слегка овалоидные фигуры с позвоночными столбами или разветвленными стволами: означают ли последние всегдашнюю Богиню Начал? Хотелось бы в это верить, хотя из последних исследований сделаны другие выводы: якобы эти петроглифы из Лох-Крю — на

самом деле небесные карты конца неолитической эпохи. Эта гипотеза не более абсурдна, чем любая другая в этой сфере. Ее достаточно упомянуть. Но на камне 11 каирна U есть два достаточно четких изображения этой Богини Холмов, имеющих тип идола в форме щитка, довольно близкие к тому, что высечено на Гавринисе, где главная характерная черта — волосы. И пусть в разных каирнах Лох-Крю в изобилии встречаются солярные изображения, все-таки надо сказать, что здесь мы обнаружим также немало топоров без топорниц, U-образных знаков, волнистых и змеевидных линий, ромбов, рогов, посохов и прочих атрибутов, обычных для памятников этого рода. Зато здесь есть то, что не встречается в дольменах Морбиана: спирали, либо одиночные, либо парные, образующие символ, хорошо известный как *sol invictus* [непобедимое солнце (*лат.*)], означающий также *инь* и *ян*. Что касается камня 8 каирна U, на нем бесспорно нанесено стилизованное изображение Богини Холмов с характерными кривыми линиями и с двумя глазами, магический и вызывающий вид которых не укроется от любого внимательного наблюдателя.

Было бы рискованно пытаться дать подробное объяснение петроглифам Лох-Крю. Надо довольствоваться выявлением аналогий с другими петроглифами, открытыми в аналогичных холмах. Здесь есть, конечно, элементы некоего послания, которое мегалитические художники сочли нужным передать нам. Но опять-таки где код, который позволил бы понять их значение? И кстати, одно значение или несколько? Символы, особенно религиозные, обычно указывают путь посвящения крайне неоднозначно, поэтому лишь тот, кто упорен и может примириться с неоднозначностью, способен найти решение. И это решение, конечно же, не единственное: думать иначе значило бы забывать о разнообразии и множественности сущностей. Выдвинутые в последние годы блестящие теории, согласно которым разные холмы Лох-Крю представляют собой не более чем ориентиры для наблюдения за звездным небом, ничуть не противоречат другим гипотезам, авторы которых видят в петроглифах нечто вроде духовного послания мистического или

религиозного содержания. Впрочем, в те далекие времена, когда работали мастера мегалитов, сакральное и профанное были абсолютно нераздельны. Тогда подобной проблемы не было, и любой символ, если его можно было понять двояко, для каждого конкретного случая приобретал соответствующее значение при непосредственной связи с космосом.

Каким бы ни было решение, которое предложат для проблемы холмов Лох-Крю, мудрым был бы следующий вывод: перед нами необыкновенное святилище — от которого остались только отдельные элементы, — изобличающее высочайший духовный уровень, каким обладали его строители за две тысячи лет до нашей эры. Из Лох-Крю виден холм Тара. Конечно же, это не случайно. Похоже, в Ирландии была создана настоящая мегалитическая цепь, где все памятники занимают сознательно выбранное место, образуя ансамбль, который мы не способны выявить, не рискуя впасть в самые безумные домыслы. В настоящее время в Ирландии существует двести холмов того же типа, что и Лох-Крю, рассеянных по всей территории. Среди них достаточно сильное впечатление производят группа из сорока холмов Кэрроукил (графство Слайго) и холмы Кэрроумор (то же графство Слайго). Но самыми примечательными из этих памятников по архитектуре и по отделке остаются три холма долины Бойна: Доут, Ноут и прежде всего Нью-Грейндж.

Нью-Грейндж, несомненно, вместе с Гавринисом самый красивый дольмен в мире. Это сакральное место по самой функции, но также по тому значению, которое оно приобрело в мифологической традиции кельтов: это знаменитый холм Бруг-на-Бойн, иначе говоря, «Дворец на реке Бойн» из древних мифологических эпосов, владение богов и героев, место действия многих необыкновенных приключений. Похоже, больше никакой мегалитический памятник не связан с таким скоплением преданий и верований.

Полагают, что начало строительства Нью-Грейнджа началось в 3200 году до н. э. Памятник расположен на холме, возвышающемся над долиной Бойна, в километре от реки и в

четырнадцать километров от ее устья, близ города Дрогеды, на восточном берегу. Холм Слане, где святой Патрик зажег символический пасхальный огонь в момент появления в Ирландии христианства, находится в восьми километрах отсюда. Языческий холм Тара — километрах в пятнадцати. Не подлежит сомнению, что эта местность считалась в древней Ирландии особо подходящей для установления тонких связей между божественным и человеческим мирами. И заметно, что холмы Дсут и Ноут, отстоящие от Нью-Грейнджа едва на километр, образовали вместе с последним могильный и религиозный комплекс первостепенной важности.

Нью-Грейндж представляет собой огромный курган круглой формы, обнесенный каменным кругом. За пределами этого пространства можно увидеть большое кольцо менгиров, включающее 35 стоячих камней, имеющее диаметр 103 метра и занимающее площадь два акра. Сам холм диаметром 80–85 метров и высотой 50 метров окружен 97 камнями, кварцевыми или гранитными глыбами, расположенными в 50–60 сантиметров друг от друга и покрытыми резьбой. Внутри холма находится великолепный дольмен с коридором, свод которого — нависающий и сложен столь искусно, что внутрь не может просочиться ни капли воды и там замечательно сухо. Коридор имеет 20 метров длины и метр ширины, а высота изменяется от 1,5 до 2 метров. Высота камеры 5,2 метра у входа, 6,5 метра в глубине и 6 метров в центре. Она опирается на резные столбы и имеет каменные ямы, куда складывали останки тех, кого здесь хоронили. На входе в коридор снаружи лежит камень, покрытый великолепной резьбой в виде геометрических знаков, важнейшим элементом которой выглядит спираль. Расположение ансамбля — очень своеобразное: через четыре минуты после восхода солнца в день зимнего солнцестояния лучи света проходят через коридор и падают в погребальную яму в конце камеры. И самое удивительное, что свет проникает не сквозь основной выход коридора, а сквозь щели между камнями в потолке. Тут, по всей очевидности, проявилось намеренное желание с помощью изоэцентрической системы подчеркнуть

мысль, что свет солнца может проникать даже в центр земли: это триумф жизни над смертью в самые темные зимние месяцы. Это в любом случае нам очень ясно показывает: строители Нью-Грейнджа, как и их преемники друиды тысячи через три лет, считали, что «смерть — только средство продления жизни».

Этот мотив отражен и в резьбе, которую с восхищением обнаруживаешь на камнях. В изобилии встречаются концентрические окружности, так же как и спирали; замечаешь даже знаменитый *трискель*, то есть тройную спираль, в некотором роде эмблему кельтов. В этот момент понимаешь, до какой степени мегалитическая цивилизация могла повлиять на кельтов и наложить отпечаток на их верования и их религиозную практику. Попадают также мотивы зигзагов, ромбов, круглых углублений и мотив ожерелья, видимо, характерный для древней Богини Холмов. Но в целом резьба Нью-Грейнджа выглядит намного более умелой, чем в других памятниках этого рода. Только дольмен Гавринис выдерживает сравнение, однако там отделка ощутимо иная. Что касается резьбы внутри холмов Доут и Ноут, она имеет ту же природу, но, может быть, ближе к резьбе в Лох-Крю.

Нью-Грейндж производит совершенно незабываемое впечатление. Памятник, безусловно реставрированный, выглядит храмом света на вершине холма, который воспринимаешь как вдохновенный холм¹. Потом проскальзываешь в «святая святых», в одну из тех подземных ячеек, где можно осознать, что жизнь и смерть — просто две стороны одной и той же реальности. Равно как и другие большие мегалитические холмы, Нью-Грейндж нельзя рассматривать просто как гробницу. Конечно, это могила. Но прежде всего это удивительное святилище, посвященное свету, тому божественному свету, который исходит сверху и распространяется по жилам земли, чтобы придать ей новую жизнь. Так происходит тонкое слияние реального и

¹ «Вдохновенный холм» (*La colline inspirée*) — роман Мориса Барреса, написанный в 1913 году. — *Примеч. пер.*

воображаемого, видимого и невидимого, выразимого и невыразимого. Послание строителей мегалитов — здесь, у нас перед глазами. Наше дело — попытаться его расшифровать.

Безмерность аллей менгиров Карнака, странность больших дольменов Локмариакера, красота холма Гавринис, величие холма Барненез, восхитительный образ памятника Стоунхендж, глубокая таинственность Нью-Грейнджа — сколько маяков освещает мир, пребывающий в поиске той мегалитической цивилизации, которая всегда у нас перед глазами, но которую мы слишком уж воспринимаем как обломки прошлого, в то время как она, возможно, скрывает в себе тайну нашего образа жизни.

Часть вторая

ВОПРОСЫ

Глава I

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КАМНИ

Положение мегалитических памятников, их размер, их часто удивительный внешний вид, тот факт, что они встречаются прежде всего в пустынных или диких местах, — все это побуждало многие поколения задаваться вопросом о происхождении этих камней, о которых было известно, что это не явление природы, и о цели их установки. Первый ответ был таков: никакое человеческое существо не способно переместить и поставить такие огромные каменные глыбы. Отсюда вывод о вмешательстве таинственных сил, которые тем или иным образом, согласно народным верованиям, оставили такую память о своем пребывании на этой земле. Возведение мегалита, особенно когда известно, что он имеет изрядный вес, наводит на мысль о чуде. И поэтому рассказывали о чудесах.

В Карнаке — это чудо святого Корнелия, который, преследуемый римскими солдатами и почти настигнутый ими, попросил Бога защитить его от врагов. Это Бог совершил чудо, превратив солдат в менгиры. Конечно, это чудо логично: каменные глыбы стоят в таком правильном порядке, что действительно можно представить себе армию в боевом строю, застывшую в тот самый момент, когда она собиралась броситься в бой. В чем легенда уже нелогична, по крайней мере с нашей точки зрения, так это в том, что римские солдаты преследуют в ней святого, которым в принципе считается римский папа — святой Корнелий. Тут противоречие, но у легенд собственная логика. Впрочем, в случае Карнака мы имеем дело с

христианизированной легендой, а известно, что всякая христианизация легенды предполагает адаптацию старого сюжета к новым реалиям. Если хочешь добраться до старого сюжета, надо предположить, что за святым Корнелием кроется некая дохристианская реалья, не имеющая никакого отношения к римскому папе. А ведь на барельефах галло-римской эпохи часто изображено причудливое божество из галльского пантеона, которое зовут Кернунн.

Этот Кернунн носит рога. Святой Корнелий не может носить рогов: в таком случае он бы слишком напоминал черта, а сказать о нем пытались не это. Не беда — достаточно изобразить святого Корнелия в обществе животного, имеющего рога, которое было его привычным животным, его символом, и персонаж сохранит первоначальное значение, приняв при этом совершенно новую христианскую окраску. Поэтому святой Корнелий покровительствует рогатым животным, иначе говоря, рогатому скоту, владение которым некогда было почти единственным средством выжить для обитателей района Карнака. Переход от языческого мифа к христианской агиографии произошел плавно.

Но этот переход или скорее преемственность выявляет истинный характер образа Кернунна и, следовательно, дает точные сведения о культе этого рогатого бога, культе, который некогда должны были отправлять в Карнаке, как и на всех землях, занятых кельтами. Скажем прежде всего, что Кернунн изображается как с оленьими рогами (как на языческом алтаре из Реймского музея), так и с рогами полорогих (как на «Алтаре Мореходов» из музея Клюни в Париже) и даже кое-где с бараньими рогами. И Кернунн, хоть и входит в число галльских богов, не принадлежит к кельтскому пантеону. Его имя, которое может происходить как от слова «рог» (*corn*), так и от индоевропейского корня, который дал латинское слово *crescere* — «расти», связано с представлением о могуществе и изобилии. Фактически в галло-римских изображениях он выглядит богом плодородия, то есть богом третьей индоевропейской функции.

Так вот, совершенно очевидно, что третья функция, касающаяся класса производителей, связана с народами, которые индоевропейцы подчинили и принудили — оставив себе две первых функции, военную и жреческую, — заниматься производством для всего общества. В данном случае кельты, захватив Западную Европу к VII веку до н. э., заставили автохтонное население только признать их, использовав впоследствии это население для создания своей культуры в том виде, в каком она нам известна. А поскольку под образами богов кроются просто социализированные божественные функции, было необходимо, чтобы у автохтонных народов оставались собственные функциональные боги. Кернунн — один из таких богов. Проблема в том, чтобы выяснить, *существовало* ли представление об этом персонаже до прихода кельтов-завоевателей или это кельты навязали его своим «производителям». Мы сказали, что его имя могло быть индоевропейским. Но может быть и так, что оно доиндоевропейское, а ассоциации с рогом и представлением о росте возникли в результате случайного созвучия. В данном случае невозможно избежать сопоставления имен Кернунн (и Корнелий) с названием «Карнак». И если название «Карнак» происходит от очень древнего слова, означающего могильные холмы (*cairn*), Кернунна можно рассматривать как божество холмов, а в таком случае этот персонаж мог относиться еще к мегалитической эпохе.

Самым важным элементом здесь представляется рог, получавший в течение тысячелетий разные символические значения, связанные с могуществом, с обновлением и в конечном счете с ростом. Небесполезно обратиться ко всем петроглифам, которые выглядят как U-образные знаки или как «бараньи рога». Их особенно много в районе Локмариакера, то есть в мегалитической зоне Карнака, встречаются они и в других местах, в том числе и в Ирландии, в сочетании с другими знаками, ассоциирующимися с солнечным излучением, то есть с идеей плодородия. Надо также вспомнить, что в некоторых случаях рога отваливаются и отрастают вновь, как у оленевых: эта в некотором роде биологическая реалья приобретает символическое

значение, и из нее часто вырастает настоящий ритуал возобновления плодородия.

Парадоксальным образом эта идея отражена в представлении о *рогоносцах*. Всякий обманутый муж носит рога — это устоявшееся народное верование, но никто не может объяснить, откуда оно взялось. В самом деле, его истоки теряются во тьме веков, и нам остался только образ, к тому же имеющий несколько вульгарную окраску. Однако если обратиться к хорошо известным мифам, например, о короле Марке или короле Артуре, легко понять, что эти рога символизировали не позор и бесчестие, а могущество и обновление.

Действительно, если взять пример короля Артура, можно только поразиться, насколько этот король неспособен сам обеспечить своему королевству процветание и безопасность. Для выполнения своей королевской функции он по определению нуждается в своих рыцарях. Без них он ничто. И по мере развертывания сюжета артуровской эпопеи становится заметно, что королевство Артура и институт Круглого Стола, составляющий его каркас, могут сохраняться только при участии Ланселота Озерного, любовника королевы, наставляющего рога королю. С момента, когда Ланселот удаляется, королевство начинает катиться к гибели. Впрочем, если верить тексту прозаического романа XIII века, Артур это хорошо знает: когда Ланселот впервые является ко двору, король отмечает его доблесть, хочет его приблизить к себе и ясно велит королеве Геньевре *сделать все*, чтобы удержать этого несравненного воина. Случайно ли основная функция короля состоит в том, чтобы быть рогоносцем? Есть соблазн счесть, что да. Но эта реальность намного в большей мере имеет символический смысл, чем сексуальный или эмоциональный.

Действительно, если сравнить артуровскую авантюру со сведениями из ирландских легенд, замечаешь, что кельтский король — не более чем общий знаменатель общества, которое *практически* не нуждается в нем, кроме как в плане теоретическом, символическом, моральном и, конечно, *сакральном*. Реальное верховенство воплощено в фигуре королевы, матери и

любовницы, человеческой проекции Богини Начал, настоящей обладательницы власти. И именно королева наделяет властью тех, в ком нуждается общество. Ирландское повествование «Похищение быка из Куальнге», одна из древнейших западно-европейских эпоей, в этом отношении высказывается очень ясно: королева Медб расточает *благодарность своих бедер* каждому воину, в поддержке которого нуждается для успеха своего похода. А ее муж, король Айлиль, вынужден терпеть и поддерживать это, даже если порой проявляет ревность.

Ирландская мифологическая традиция, которая дошла до нас в относительно архаическом виде благодаря терпеливому труду монахов из кельтских монастырей, бесконечно ценна, поскольку позволяет понять отдаленные эпохи из истории крайнего Запада. И, рассуждая о цивилизации строителей мегалитов, непременно надо учитывать эту традицию. Следует отметить, что кельтская цивилизация, прежде всего ирландская, является прямой наследницей мегалитической цивилизации: это не постулат, а реальность, столь же историческая, сколь и археологическая. Если хочешь что-то понять в менталитете мегалитических народов, надо искать то, что осталось от него у их преемников, и точно так же для понимания некоторых элементов кельтской культуры, особенно друидических религиозных концепций, необходимо изучить их силовые линии, которые вошли в раннее христианство, как его воспринимали островные кельты. В этом смысле святой Корнелий указывает нам дорогу, ведущую к галльскому Кернунну, а от него — к духовности строителей мегалитов.

В ирландском мифологическом цикле можно выявить и три великих фундаментальных выбора, соответствующих трем стадиям цивилизации. Так называемый исторический цикл, или цикл королей, — бретонским эквивалентом которого является артуровский цикл — отображает цивилизацию оседлых землевладельцев и свиноводов (известно, какое важное значение в повседневной жизни кельтов имела свинья). Ольстерский цикл свидетельствует о цивилизации скотоводов, разводивших крупный рогатый скот. Лейнстерский цикл, называемый также

оссиановским, хоть и дошел до нас в очень искаженной форме, кажется наиболее архаическим и дает представление о цивилизации охотников, вероятно, потомков тех охотников на оленевых, которые в конце палеолита могли выжить в трудных климатических условиях благодаря присутствию на крайнем Западе многочисленных стад северных оленей. Лейнстерский цикл — это цикл *фиана*, странствующего отряда всадников — охотников на оленей, так или иначе связанных с культом оленевых. Король *фиана* — Финн, настоящее имя которого — *Демне*, то есть «Лань». Он женат на женщине Садв, которая полгода из-за проклятия друида имеет облик оленухи. От этой женщины-оленухи у него есть сын *Ойсин* (Оссиан), то есть «Олененок». А внук его получит имя *Оскар*, то есть «тот, кто любит оленей». Это уже перебор. Оссиановский цикл, по всей очевидности, связан с цивилизацией, где оленевые играют решающую роль не только в повседневной жизни (питание), но и в религиозной проекции: Олень приобретает значение божества-покровителя такой группы. Здесь следует сопоставить этого Финна, короля *фиана*, с рогатым галльским богом Кернунном. Чрезвычайно вероятно, что первообразом персонажа по имени Кернунн был бог с оленьими рогами. И не забудем, что слова «Финн» и «*фиана*» происходят от того же корня, что и название народа венетов, на территории которого находится Карнак. К этому придется вернуться.

Пока что Кернунна достаточно рассматривать как божество, которому могли посвятить обширное святилище, какое простирается перед нашими глазами в Карнаке. Какое имя носило это божество во время возведения аллей менгиров, мы совершенно не знаем. Все, что можно сказать, — это что эстафету от него принял святой Корнелий в приходской церкви, как говорится в легенде, когда-то рассказанной деревенскими детьми. И на каждый праздник в честь святого покровителя Карнака крестьянки считают своим долгом вести процессией кто свою корову, кто козла, кто барана к источнику, посвященному святому Корнелию и расположенному ниже селения. Нет такого ритуала, у которого бы не было обоснований и который бы не

опирался на Традицию. Если местная легенда утверждает, что менгиры аллеи обязаны своим появлением вмешательству Бога по просьбе святого Корнелия, значит, за этой историей кроется какая-то реальность, имеющая фундаментально важное значение. Коль скоро символы — это конкретные объекты, поставленные на службу некоей идее, то они отображают какую-то систему мышления, при условии, что их глубинный смысл можно расшифровать. Итак, первый элемент нашего исследования мегалитических памятников — таинственный персонаж по имени Кернунн, рогатый бог, ставший в христианской агиографии добрым святым Корнелием, покровителем рогатого скота и заодно римским папой, что также не стоит упускать из виду, если вспомнить, что кельтские христиане многие века не ладили с иерархами, которых назначал Рим. Если бы те еще разожгли костры, чтобы «спасать» еретиков, нет сомнения, что «святой» Корнелий на такой костер взошел бы первым.

С мегалитами связан и другой мифологический персонаж, притом из числа самых известных: речь идет о Гаргантюа. Здесь мы коснемся dna темного колодца, который скрывает тайны крайнего Запада.

Действительно, хоть Гаргантюа хорошо известен, но на деле это самый неизвестный из всех так называемых фольклорных персонажей. Его считают выдумкой — гениальной — писателя Рабле. Это ошибка. Рабле только взял героя народной французской мифологии, в то время еще вполне живой, и благодаря фантастической интуиции ощутил самую суть проблемы ее истоков. Представляя Гаргантюа образцовым типом ренессансного гуманиста, одновременно наследником некоего умело переваренного традиционного прошлого и пропагандистом новых идей, прежде всего в сфере религии, Франсуа Рабле превосходно знал, что делает: он упорно лепил образ божественного *основателя*. Этот персонаж получил свои дворянские грамоты не потому, что Рабле написал шедевр французской прозы под названием «Гаргантюа». Это Рабле использовал его потому, что тот уже имел дворянские грамоты. С Гаргантюа произошло то же самое, что с так называемым королем Артуром:

последний существовал задолго до того, как ученому клирику Гальфриду Монмутскому пришла мысль рассказать — по латыни, в 1132 или 1135 году — о более или менее вымышленных приключениях, которые Артуру приписывали несколько веков назад в Корнуолле или на юге Уэльса.

Мегалитам, носящим имя Гаргантюа по всей французской территории, нет числа. Тут Камень Гаргантюа. Там Пук Гаргантюа или Дерьмо Гаргантюа. Скатологические сознания только усиливают значимость божественного персонажа: все, что исходит из тела бога — божественно, в доказательство этого достаточно упомянуть Тайную вечерю в изложении официальных Евангелий, надлежащим образом признанных отцами церкви (*Сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя* — эта формула красноречиво свидетельствует о фетишизме, а фетишизм не чужд скатологии). Соответственно многие пруды называются «мочой Гаргантюа», мегалиты, в основном менгиры, — «экскрементами Гаргантюа», а другие — «почечными камнями» Гаргантюа, которые великан исторг в чистом поле во время приступа колик. Божества во всех мифологиях имеют те же слабости и болеют теми же болезнями, что и простые смертные. Впрочем, бессмертны ли божества? Пример германской мифологии доказывает обратное, и Один-Вотан так же слаб и растерян перед лицом закона норн, как бедный Зевс перед лицом *Ананке* (слепого латинского *Фатума*), правящего как горним, так и дольным миром. Надо полагать, как говорил еще Плутарх, дельфийский жрец в I веке н. э., что мифологии — это красивые истории, придумываемые жрецами, чтобы объяснить изменения единственного божества, если не затем, чтобы обмануть верующих, которые жаждут успокоительных формулировок. Боги, показываемые в греческих и римских храмах, не более чем куклы, которыми манипулируют жрецы, чтобы скрыть свое неведение главного и высшего Божества, которое не имеет ни имени, ни формы, которое ужасно, потому что невыразимо и неназываемо. *Низость жрецов* какой угодно религии, как говорил Андре Бретон, безгранична: они принимают осведомленный вид, чтобы вернее обеспечить себе

власть над людьми, которые озабочены своей судьбой и которых усыпляют красивыми рассказками. Плутарх знал, что говорит: ведь это он *толковал* бессвязные речи дельфийской пифии.

Гаргантюа — характерный персонаж. Если расшифровать его образ, он представляет созидающую и разрушающую власть (одной без другой не бывает) *Deus abscons*¹, которая является ключом ко всему миру и оправданием жизни (и смерти). Он включает в себя первоначальное греческое представление о Геракле, великане — преследователе чудовищ, которого, однако, неблагодарно оставил его божественный отец. Гаргантюа — образ, какой называют демиургом, и если ему приписывали мегалитические памятники совершенно исключительных размеров, это было естественно.

Первыми нам говорят о нем греческие и латинские авторы, правда, смешивая его с Гераклом. Это якобы он основал Алезию, место в высшей степени священное, хотя где ее искать, выяснить не удастся². Полюбив дочь царя Алезии, он женился на ней, и она родила ему сына, которого он назвал Галатом: сразу видно, что это этиологическая легенда для объяснения божественного происхождения *галлов* и *галатов* (причем оба слова отождествляются). Фигура бога-великана, известного в Греции под именем Геракла, универсальна и позволяет давать внешне разумные объяснения появлению некоторых примечательных мест или некоторых памятников, странный вид или

¹ Потаенного бога (*лат.*).

² Все тексты показывают, что Алезией Верцингеторига и Цезаря не может быть Ализ-Сент-Рен, как со времен Второй империи уверяют официальные археологи — и *синдикаты по обслуживанию туристов*, порождение заинтересованных коммерсантов, — потому что Алезия должна была находиться где-то в горах Юры. На самом деле на территории Галлии можно насчитать девять *Алезий* — это родовое название и может относиться к разным крепостям-святилищам. Таким образом, есть несколько Алезий, в том числе Ализ-Сент-Рен, но весь вопрос в том, чтобы выяснить, которая из них — та крепость, где решилась судьба независимой Галлии.

размер которых вызывают сомнения в том, что они сделаны человеческими руками. Таким образом, естественно, что богу-великану приписывали основание тех или иных городов или возведение тех или иных мегалитов.

Но греки и латиняне, говоря о туземных богах, всегда переименовывали их на греческий (или латинский) манер. Из деталей преданий, относящихся к Гаргантюа, становится очевидным, что имя Геракл — просто эллинизированное имя галльского Гаргантюа, так же как бог Меркурий, которого, по словам Цезаря, в Галлии почитали превыше всех богов, — лишь латинский вариант бога всех кельтов Луга, Ремесленника, Искусного Во Многих Ремеслах. Однако Гаргантюа — персонаж, имя которого давно попало в топонимику: в ответ на появление в Апулии, в Италии, Монте-Гаргано, места в высшей степени исключительного, потому что оно стало детонатором культа святого Михаила на Западе¹, появился Мон-Гарган-де-ла-Коррез, или местность под названием Гарган в парижском регионе, из которой возникла коммуна Ливри-Гарган. В преданиях Британских островов, отраженных у Гальфрида Монмутского, он встречается под валлийским именем Гургунт (Gwrgwnt). На алтарях церквей материка, особенно на востоке Франции, его можно обнаружить под именем «святого» Горгона. И очевидно, его же надо видеть в *горгулье* (gargouille), которая часто встречается на фасадах наших соборов.

Имя Гаргантюа вызывало некоторые споры. Самым простым объяснением было бы видеть в нем латинское слово *gorges* — «горло»; в таком случае Гаргантюа был бы великаном, имеющим широкое *горло*, что подтверждали бы его ненасытный аппетит и неутолимая жажда. К тому же имя его матери — Гаргамелла, где можно найти то же слово, а отца — Грангузье, то есть «большая глотка». Но возможна и другая этимология, кельтская, в соответствии с которой его имя складывается из

¹ См. книгу, изданную в той же серии: *Markale, Jean. Le Mont Saint-Michel et l'énigme du dragon. Paris: Pygmalion, 1987.*

двух бриттских слов: *gar* — «ляжка» и *cam* (изменившееся до *gam*) — «кривой». Тогда Гаргантюа и его мать Гаргамелла — великаны с «кривой ляжкой», то есть хромые, что характерно для некоторых божественных персонажей, страдающих физическим изъяном, который обычно входит в противоречие с функцией, которую они воплощают. Так, германский бог Один-Вотан, «зоркий» — кривой, а Тюр, ловкий бог, — однорукий. Поэтому для Гаргантюа, могучего и быстрого великана, естественно оказаться хромым¹.

Как бы то ни было, Гаргантюа — галльское имя бога, которого в ирландской мифологии зовут Дагда. Для Дагды, «доброго бога», он же *Оллатир* («отец всех»), характерны сила, ненасытная прожорливость, быстрота и невероятная сексуальная активность. Живет же он в холме Бруг-на-Бойн, согласно некоторым текстам, то есть в мегалитическом памятнике Нью-Грейндж. Если обратиться к перечню галльских божеств, приведенных Цезарем в своих «Записках», где они носят римские имена, то это галло-римский Юпитер. Так вот, этот Юпитер, римский только по названию, иногда представлен в странном виде, особенно в Восточной Галлии: как всадник, поражающий змееногое чудовище. Как отмечает Поль-Мари Дюваль, «если ни один римский бог (кроме Диоскуров в исключительных случаях) не изображался верхом, здесь сам небесный бог изображен в виде воина-всадника, держащего молнию, иногда колесо. Посвящение постоянно называет его *Iupiter Optimus Maximus*»². Такой факт говорит о значении этого бога, который явился извне. Один текст 1532 года, пересказывающий несколько приключений Гаргантюа и появившийся раньше книги Рабле, упоминает персонажей по имени Грангузье и Гаргамелла, но этих двух великанов *искусственно*

¹ См.: *Markale, Jean. Le Druidisme. Paris: Payot, 1983. P. 124–126.* Я предложил эту этимологию на основе народной сказки из Морбиана, в которой действует загадочный *Жерган* — метатель соли, как Пантагрюэль, сын Гаргантюа.

² *Duval, Paul-Marie. Les dieux de la Gaule. Nouv. éd. Paris: Payot, 1976. P. 74.*

произвел чародей Мерлин при помощи магии, весьма любопытным способом¹.

Таким образом, если народная традиция приписывает Гаргантюа столько менгиров и дольменов, у этого есть причины. Гигантский размер этих камней всегда поощрял верования, что принести и поставить их могли только существа, наделенные сверхчеловеческой силой. В некоторых средневековых текстах Стоунхендж называется *Chorea Gigantum*, «Танец Великанов», и примеров такого рода немало. Во многих случаях рассказывают, что под дольменом еще живет великан и заходить туда ночью нежелательно: великан может обидеть тебя и даже сожрать, потому что иногда этот великан — людоед, пожирающий все существа, до которых может дотянуться. На основе этого сюжета, в высшей степени фольклорного, но имеющего мифологическое происхождение, выстроили даже ряд псевдонаучных теорий о далекой эпохе, когда на земле якобы жили великаны. Эти-то великаны, появившиеся вследствие большего притяжения Луны, когда она приблизилась к Земле — или даже поднялась из Земли², — и построили все мегалитические памятники. Достаточно упомянуть Книгу Бытия, знаменитое падение сынов Божьих (ангелов) и их соитие с человеческими дочерьми. Беда в том, что если принять эту блестящую теорию, то она прекрасно объясняет появление менгиров и дольменов в качестве *внешних* памятников, но сталкивается с некоторыми препятствиями, когда надо объяснять *внутреннюю* структуру дольменов и крытых аллей, которые одновременно могилы и святилища: непонятно, как в такие весьма тесные пространства могли бы втиснуться великаны.

¹ Мерлин использовал кость кита (*baleine* — игра слов, ассоциирующаяся с именем галльского бога света Белена, «Сияющего»), обрезки ногтей Ланселота Озерного (литературный вариант кельтского бога Луга) и волосы королевы Генъевры (литературное воплощение первобытной богини-матери).

² Это одна из гипотез исчезновения Атлантиды. Остров Атлантида вследствие катастрофы был выброшен в небо и превратился в Луну.

Впрочем, противоречий в народном предании хватает. Если строительство одних мегалитов приписывают великанам, то других — карликам. В армориканской Бретани дольмены и крытые аллеи очень часто строили корриганы, там же они и живут, скрываясь от мира людей. По ночам они выходят, чтобы творить загадочные дела, либо помогая тем, кто этого заслуживает, либо наказывая тех, кто, на их взгляд, проявил дерзость. Эти корриганы, которых в области Ванна называют керионами (*Kerioned*) или озеганами (*ozeganned*), в других местах — пульпиканами или пульпикетами, а валлийская традиция — *Corannieit*, — народ карликов, живущий под землей и наделенный магическими способностями. После Контрреформации XVII века и многочисленных проповедей в бретонских селах эти Жители Тени приобрели несколько бесовский облик, которого не имели раньше; в некоторых сказках они выступают в качестве подручных дьявола.

С мегалитами связан и сам дьявол. Некоторые мегалиты — это камни, которые дьявол оставил, когда бродил по миру. Иногда даже эти камни оставила «Мать Дьявола». Но чаще всего дьявол ревниво наблюдает за некоторыми камнями, особенно менгирами: ведь под некоторыми мегалитами спрятаны сокровища. Разумеется, эти сокровища содержат *проклятое золото*. Горе тому, кто попытается им завладеть. Рассказывают, что в некоторых случаях и на недолгое время отдельные менгиры покидают свое место; чтобы захватить сокровища, спрятанные под ними, надо быть проворным, а то огромная глыба тебя раздавит, и, главное, сотворить крестное знамение, чтобы тебя не схватил черт, всегда караулящий поблизости.

Эта вера в сокровища под мегалитами зародилась оттого, что сельские жители иногда на самом деле случайно находили там золотые монеты или драгоценные предметы. В некоторые смутные времена дольмены под курганами часто использовались как тайники. Это, кстати, объясняет, почему столько мегалитических памятников было разрушено или опрокинуто в ходе диких раскопок с целью найти богатства. Свое дело сделало воображение, реальность смешалась с сохранившимися в

памяти мифами, и сокровища стали магическими, божественными или дьявольскими в зависимости от конкретного случая, но всегда окутанными аурой тайны и всегда труднодостижимыми: их всегда охраняет страж из Иного Мира, будь то корриган, змея или дракон, черт или злая колдунья.

Дольмены под могильными холмами — часто излюбленные обиталища фей. Когда-то феи жили под землей, потому что все в них верили (имеется в виду до насаждения христианства). Теперь в них верят только отдельные лица, и феи исчезли: они прячутся в темных помещениях мегалитов и выходят оттуда только ночью, иногда — чтобы похищать детей и увести с собой, иногда — чтобы совершать какое-то милосердное деяние для хороших людей.

Ведь феи — существа двойственные, одновременно добрые и злые. Это не более и не менее как фольклорные отображения древнего божества холмов, той Богини Начал, которая так часто изображалась на петроглифах дольменов. Поскольку это была одновременно богиня жизни и богиня смерти, ее характер перешел к существам, которые ей наследовали. Эта двойственность достаточно хорошо отражена в одной легенде Бель-Иля. На дороге в Пор-Донан есть два менгира, разделенных этой дорогой, которые называются Жаном и Жанной из Рюне-ло. Это двое возлюбленных, обращенных в камни друидами, которые не хотели допустить их брака. Но в окрестностях живет одна фея, и иногда ночами эта фея позволяет менгирам сниматься с места и сближаться. Однако любой, кто заметит, как фея совершает это доброе дело, умрет на месте: для существ Иного Мира очень важно, чтобы люди не шпионили за ними.

Конечно, феи живут в согласии с корриганами и с великанами. Они все принадлежат к Иному Миру, той параллельной вселенной, куда люди иногда, не без риска, отваживаются вступать. В Марпире, в кантоне Витре (Иль-э-Вилен), когда-то был большой дольмен под названием «Скала Фей». Это было обиталище «Добрых дам». Но слишком близко подходить было нельзя: феи насылали чары на неосторожных, особенно на девушек, потому что те не могли удержаться, чтобы не «бегать за

парнями». В Сен-Гоазеке (Финистер), на северном склоне Черных гор, в одной крытой аллее близ Капель-Рюффеля жил великан с дочерью. Но дочь влюбилась в одного из слуг отца и бежала с ним. Отец их преследовал и, вырывая из стен камни, бросал в них. По счастью, дочери, которая была феей, удалось избежать этих снарядов: из них теперь и состоит аллея менгиров, которую можно видеть на ландах Сен-Жан.

Эта сказка из Сен-Гоазека показывает, что с мегалитами связана глубинная мифология. Хорошо знакомая схема: молодой человек становится слугой великана или волшебника, влюбляется в его дочь и с помощью девушки убегает, избежав мести отца. Варианты этого рассказа встречаются в Бретани и во всех регионах, особенно на юге Центрального массива и в Уэльсе. Здесь интересно отметить, что существа Иного Мира в некоторых случаях могут принимать людей в свои владения, но с тем, чтобы сделать их слугами; с момента, когда человек превышает свои права, похищает дочь великана и символически овладевает тайнами Иного Мира, его начинают преследовать как злодея и он рискует никогда не вернуться в мир живых. И однако связь между обоими мирами возможна.

Древние ирландские эпосы подробно рассказывают о тонких связях, существовавших между людьми и обитателями холмов. Правду сказать, эти мифологические рассказы точно, в архаическом стиле, излагают все, что касается верований, имеющих отношение к мегалитам.

Подземный мир холмов — это *сид*: это гэльское слово означает «мир» [не война] и в общем относится ко всему параллельному миру, где живут боги, герои древних времен, сказочные существа. Почему же они живут в подземном мире, в больших могильных холмах? Знаменитая *Leabhar Gabala* (Книга Завоеваний), составленная в XII веке на основе самых разных устных преданий, не преминула объяснить это.

После потопа остров Ирландию, как рассказывают, занимало пять племен. Первое — это племя Партолона, пришедшее сразу после потопа. Второе — племя Немед (то есть Сакральное). Третье — Фир Болг (то есть Люди-Молния). Эти племена

то и дело сталкивались с таинственными противниками, фоморами, жившими где-то на островах посреди океана и, похоже, символизировавшими темные и отрицательные силы, постоянно готовые разрушать то, что создается. Фоморы кажутся эквивалентом гигантам из германской мифологии: поскольку те хотят напасть на Асгард, цитадель богов, необходимо постоянно укреплять Валгаллу (*Valhöll*), привлекая в нее как можно больше доблестных воинов, убитых в бою.

Четвертое племя, Туата Де Дананн (Племена богини Дану), по прибытии, тоже померившись силами с фоморами, изгнало Фир Болг и принесло в Ирландию науку, знание, магию и друидизм. Если племя Партолона олицетворяет народ, полностью поглощенный материальным выживанием, племя Немеда — народ, который ввел в повседневный обиход понятие сакрального, племя Фир Болг — кузнечные приемы обработки металла, то Племена богини Дану представляют общество, где развивается система ценностей как социальных, моральных, интеллектуальных, так и религиозных. Племена богини Дану — на самом деле боги древней Ирландии, и функции между ними распределены, как во всех индоевропейских пантеонах. Не случайно предание утверждает, что они ввели друидизм.

Но Племена богини Дану были разбиты новым народом, сыновьями Миля, то есть гэльскими кельтами, в сражении при Таилтиу. И между ними был заключен мирный договор. По условиям этого договора гэлы получили поверхность Ирландии, а Племена богини Дану — подземное царство *сида*, то есть область мегалитических холмов, а также верховную власть над далекими островами (островами чудес Иного Мира).

Конечно, в рациональном плане сюжет поучителен: побежденные древние народы, убитые в бою или умершие от старости, погребены в земле Ирландии. Не следует забывать, что мегалитические холмы — это могилы. Но все меняет тот факт, что Племена богини Дану — это все-таки боги гэлов, значит, умереть они не могут. Вот почему их изобразили живущими в параллельной вселенной, в невидимом мире, что отнюдь не исключает сообщения между обоими царствами. Это до такой

степени возможно, что великий кельтский праздник *Самайн*, первый день или скорее первая ночь ноября, настоящий Новый год, посвящен прославлению сообщества живых и мертвых, людей и богов. Отметим мимоходом, что христианство полностью переняло этот языческий праздник Самайн, превратив его в День Всех Святых, когда славят сообщество святых, живых и мертвых, и этот праздник, как известно, особенно популярен во всех странах, где сохраняется глубинная кельтская традиция.

Это представление превосходно иллюстрируется одним рассказом. Речь идет о финальном эпизоде (рукопись заканчивается лакуной) одной эпопеи Лейнстерского цикла, посвященной «Детству Финна». Юный герой, Финн мак Кумал, после беспокойного детства прошел инициацию оружием и магией. В самом деле, он получил кое-какие сверхъестественные способности, как всякий уважающий себя порядочный герой. И с ним случается странное приключение. Каждый вечер Самайна в *сид Бри Эле* (вероятно, один из холмов долины Бойна) приходили мужи Ирландии, чтобы поухаживать за прекрасной девушкой по имени Эле (имя которой дало название холму), «ибо в Самайн холмы Ирландии были всегда отверсты, и от того, кто находился внутри них, ничто не могло укрыться». Так вот, каждый год одного из вздыхателей убивали, и кто убийца, оставалось неизвестным. В ту самую ночь Самайна убили одного из вздыхателей, поэта Оиркбела, и Финн решил отомстить за него. Он отправился за советом к Фиакайлу, сыну Конхена, мужу его тетки по отцу. Фиакайл велел ему сесть между двух Сосков Ану, то есть между двух холмов, населенных феями¹.

¹ На самом деле Соски Ану — две вершины в горах Керри, очень характерные и играющие большую роль в ирландской традиции. Ану — то же, что Дану (у валлийцев Дон), мать богов, и, конечно, напоминает таинственную Анну из валлийских легенд, ставшую в армориканской Бретани не менее загадочной святой Анной, матерью Девы Марии. Латинский эквивалент — Анна Паренна, индийский — Анна Пурна, так же называется одна из вершин в Гималаях. Это вечный образ Богини Начал.

Поскольку это была ночь Самайна, холмы раскрылись, и Финн стал свидетелем диалога и обмена пищей между обитателями обоих холмов. Потом он бросил копьё, которое вручил ему Фиакайл, и копьё достигло холма Марге, где находился сид Эле. Тогда Фиакайл присоединился к Финну, и оба услышали великий плач внутри холма, потому что копьё, брошенное Финном, убило виновника убийств, любовника девушки, который каждый год из ревности убивал одного из претендентов, пришедших извне. Далее Финн, чтобы вернуть копьё, схватил одну из женщин холма и согласился ее отпустить только в обмен на копьё.

Потом Финн увидел трех женщин, причитавших на вершине холма Сланга. Заметив его, они исчезли внутри холма, но недостаточно быстро, потому что Финн, войдя во вкус приключений такого рода, схватил одну за брошь на одежде и оторвал эту брошь. «Тогда женщина подошла к нему и стала умолять вернуть брошь с ее плаща. Она сказала ему, что ей неприлично возвращаться в холм с таким знаком бесчестия, и обещала ему вознаграждение»¹. Поскольку рукопись на этой фразе обрывается, мы никогда не узнаем, что обещала женщина-фея. Но можно предположить, что речь идет о магических способностях и что Финн получил их, отдав женщине из холма обратно брошь.

Таким образом, сообщение между обоими мирами возможно, даже если оно иногда устанавливается в трудных условиях и с явным оттенком враждебности. Судя по другим рассказам на эту тему, обитатели холмов часто приходят в мир живых, чтобы уладить какие-то личные дела, отомстить за испытанные когда-то обиды или просто-напросто попытаться внести разлад в общество сыновей Миля, своих победителей. Очень похоже, что «призраки» недалеко.

Но Иной Мир, подземное царство холмов, весьма схож с миром, расположенным на поверхности. Он даже не отраже-

¹ *Markale, Jean. L'Épopée celtique d'Irlande. 2e éd. P.: Payot, 1978. P. 148–149.*

ние, он *параллелен*: миновав знаменитый коридор, ведущий в погребальную камеру, оказываешься — символически — среди равнин, долин, гор с озерами, лесами, всеми элементами пейзажа поверхности. И живут здесь, на взгляд со стороны, так же. Много сведений на эту тему дает очень странный рассказ «Приключение Неры».

Герой, молодой Нера, — приближенный королевы Медб и короля Айлиля Коннахтских, которые живут в своем дворце Круахан на одноименном холме (ныне Кроган). Так вот, однажды вечером Самайна король Айлиль просит Неру пойти и что-то сделать в «доме мучений», вероятно, месте, где были заточены пленные враги. Нера оказывается вовлеченным в фантастическое приключение. В доме мучений один повешенный — за ноги — просит у него воды, чтобы напиться. Тот дает ему воды и, наконец, по просьбе пытаемого, сажает его себе на шею. Так он в конечном счете оказывается внутри сида Круахан, в подземном мире, который находится непосредственно под дворцом королевы Медб, в мегалитическом холме. На самом деле Нера не замечает различий между обоими мирами. Только через долгое время он наконец понимает, в каком месте находится. Ему дают жену и корову. Он отправляет корову пастись, занимается женой и домом, и у него даже рождается сын. Однажды король сида велит Нере подняться на поверхность и предупредить Айлиля и Медб, что жители холма собираются напасть на людей, живущих в Круахане. Нера возвращается и обнаруживает общество, в котором он оставил Айлиля, в таком состоянии, как будто с момента его ухода прошло всего несколько мгновений. Он предупреждает своих об опасности, которая им грозит. Айлиль и Медб решают предпринять превентивный поход на сид. Они так и поступают. В результате под землей все разорено и забраны все накопленные сокровища. Пощадили только жену и сына Неры, как и его собственное имущество. Тогда Нера вернулся в сид и, как говорит текст, «не вышел оттуда и не выйдет никогда».

Эта история характерна. В рациональном плане она показывает, как гэлы представляли внутренность холмов, прежде

всего с тем, чтобы прийти и заграбастать все сокровища, спрятанные там. В мифологическом плане она превосходно иллюстрирует верование — еще сохранившееся в некоторых сельских местностях как в Ирландии, так и в Бретани, — что в мегалитических памятниках обитает сказочный народ, владеющий несметными богатствами и живущий параллельной, но совсем иной жизнью: внутри сида время иное или, скорее, времени в том смысле, как его понимают на поверхности земли, вовсе нет. Так вырисовывается сюжет о спящем, который просыпается после ночи доброго сна, за время которого прошло несколько веков. На этот сюжет написано множество народных сказок, встречается он и в мифологических эпосах.

Другая, очень известная история, история Этайне, тоже ведет в глубины знаменитого холма Бруг-на-Бойн, иначе говоря, Нью-Грейндж. И здесь мы встречаем персонажа Гаргантюа в ирландском облике Дагды. Этот Дагда, другое имя которого — Эохаид Оллатир, влюбился в Эйтне, она же Бойн (Боанн) и Бригита (богиня поэзии и мастерства, то же, что галло-римская Минерва, о которой говорит Цезарь), супруга Элкмара — хозяина дворца Бруг, то есть холма Нью-Грейндж, и, между прочим, родная дочь Дагды. Прелюбодеяния и кровосмешения в мифологических рассказах не редкость, но, разумеется, понимать их надо в смысле чисто мифологическом. Дагда постарался удалить Элкмара на день и смог удовлетворить свою страсть к Эйтне. Но этот день — символический, потому что Эйтне успела родить сына Энгуса, Мак Ока («Молодого Сына»), которого, чтобы избежать неприятных объяснений с Элкмаром, доверили Мидеру, королю сида Бри-Лейт, другого мегалитического холма. Именно Мидер, божество подземного мира, вполне мог быть изображен на галло-римском барельефе, хранящемся в Страсбургском музее и имеющем посвящение *deo Medru*.

Итак, Энгус, «Молодой Сын», был воспитан Мидером в соответствии с очень своеобразным обычаем *фостериджа*¹

¹ Fosterage (англ.) — воспитание чужого ребенка. — *Примеч. пер.*

у ирландцев, то есть получил в приемной семье такие же права, как в родной. Повзрослев, он узнал, что он сын Дагды и Эйтне, жены Элкмара из Бруга. Он попросил приемного отца отвести его к родному. И Мидер привел его к Дагде, сказав: «Он желает познакомиться со своим отцом, чтобы ему дали землю, потому что несправедливо, что у твоего сына нет земли, когда ты — король холмов Ирландии». Попутно можно отметить, что народ фей, живущий внутри больших мегалитических холмов, признает верховенство Дагды-Гаргантюа. Дагда принял сына радушно, но заявил, что земля, предназначенная тому, в данное время занята: это холм Бруг-на-Бойн, который держит Элмар. Мидер рассердился и потребовал справедливости для Энгуса, и в конечном счете Дагда вместе с Мидером измыслили несколько макиавеллиевский план, как выжить Элкмара из холма, не посягая на его жизнь. В ближайший вечер Самайна, то есть когда сид будет открыт и, значит, беззащитен, Энгус, с которым Элмар незнаком, явится и уломает последнего, грозя смертью, уступить верховенство в его владениях на день и ночь. А потом пусть Энгус не возвращает холма Элмару, не потребовав третейского суда Дагды.

Все произошло, как было рассчитано. Отказавшись вернуть Бруг-на-Бойн Элмару, Мак Ок апеллировал к Дагде, чтобы тот вынес свое решение. И Дагда заявил, что в праздник Самайна выражение «день и ночь» имеет вневременной смысл и символически равнозначно вечности. Следовательно, Элмар не может отрицать, что отдал Энгусу власть над Бруг-на-Бойн навечно. Элмар был законно лишен своего владения, но, чтобы утешить его, Дагда предложил ему власть над другим холмом — сидом Клетех. И Энгус водворился в сиде Бруг-на-Бойн, став его законным владельцем. Там он позже принял своего приемного отца Мидера, и тот обязал Энгуса идти просить для него руки прекрасной Этайне, дочери короля Ирландии, которую любил Мидер. Энгус выполнил эту трудную миссию (король Ирландии с подозрением относился к населению холмов и потребовал огромного выкупа) и привел Этайне в Нью-Грейндж, где она вышла замуж за Мидера. Там же впоследствии

Энгус приютил Этайне, превращенную в бабочку колдовством первой жены Мидера, потому что официально был гарантом безопасности Этайне в глазах как всех ирландских гэлов, так и всех народов холмов. Это место стоит процитировать: «Семь лет насекомое не находило в Ирландии ни вершины, ни дерева, ни холма, ни пригорка, где могло бы сесть, а лишь скалы и морские волны. И оно упало на бахрому плаща Мак Ока, когда он находился на холме Бруг. Энгус посадил его себе на грудь, в складку своего плаща. Он отнес его в свое жилище и в свою *солнечную комнату*, где были сияющие окна... Он украсил бабочку пурпуром... Мак Ок взял за обычай каждую ночь спать в солнечной комнате рядом с ней и утешал ее до тех пор, пока к ней не вернулись радость и краски. Потом он наполнил солнечную комнату зелеными и прекрасными травами, и насекомое стало благоденствовать на цветах этих добрых и драгоценных трав»¹.

Итак, вот и *солнечная комната*, которая появляется в стольких кельтских текстах или текстах кельтского происхождения, а именно в знаменитом «Безумии Тристана» и в ирландском рассказе «Приключения Арта, сына Конна». Это вариация Стеклянного Замка, или Стеклянного Острова — который долгое время из-за ложной этимологии отождествляли с Гластонбери в Великобритании, — который представляет собой Иной Мир, отделенный от мира людей невидимыми крепостными стенами. Это знаменитый город Горр из «Ланселота» Кретьена де Труа, куда Мелеагант заточил королеву Геньевру. Это в равной мере и невидимый Воздушный Замок, куда чародей Мерлин был намеренно заключен феей Вивианой, Эйтне-Боанн-Бригитой в другом обличье. По всей видимости, здесь налицо память о древних ритуалах возрождения под действием солнечного тепла и света, ритуалах, которые должны были сопровождаться настоящими лечебными воздействиями.

Ведь самое удивительное в отношении солнечной комнаты, где Энгус возрождает к жизни насекомое Этайне *во дворце*

¹ *Markale, Jean. L'Épopée celtique d'Irlande. 2e éd. P.: Payot, 1978. P. 47.*

Бруг-на-Бойн, — что эта солнечная комната реально существует внутри холма Нью-Грейндж: утром дня зимнего солнцестояния, и это научный факт, лучи солнца падают в погребальную яму, находящуюся в глубине камеры, которая при этом действительно играет роль *солнечной комнаты*. Все это, конечно, не случайность. С одной стороны, есть место, холм, досконально изученный наукой, где внутрь камеры попадает луч солнца, и это бесспорно засвидетельствовано при помощи аппаратуры; с другой стороны, есть мифологический рассказ, где упоминается ритуал возрождения под воздействием солнца. Нельзя не вспомнить того, что происходит утром летнего солнцестояния в замке Монсегюр¹, какие бы выводы из этого ни делать. И такой особенностью обладает не только холм Нью-Грейндж. Есть и другие, как в ближайших окрестностях, в Доуте, Ноуте или Лох-Крю, так и некоторые холмы Морбиана в окрестностях Карнака. Почему бы не осмелиться сравнить некоторые археологические и астрономические наблюдения с текстом легенды, рождение сюжета которой уходит во тьму веков?

И потом, есть Стоунхендж.

Предания, касающиеся этого единственного в своем роде мегалитического памятника, очень многочисленны и разнообразны. Камень, называемый Хил Стоун, черт метнул в монаха, который спрятался, чтобы посмотреть, как первый собирает каменные глыбы. Значит, согласно этой легенде, Стоунхендж построил лично Сатана. Это христианская клерикальная сказка. Но кто именно кроется в данном случае за образом дьявола? Не забудем, что Сатана, по христианскому преданию, был самым прекрасным и блестящим из архангелов, прежде чем восстать и быть низвергнутым в бездну. Не превратили ли в этот персонаж, чтобы изгнать всякое поползновение к язычеству, образ древнего бога света, почитавшегося в мегалитическом святилище? Не надо забывать, что в день летнего солнцестояния первые лучи восходящего солнца через главный

¹ См.: *Markale, Jean. Montségur et l'énigme cathare. Paris: Pygmalion/Gérard Watelet. 1986.*

проход Стоунхенджа падают на алтарный камень, находящийся в самом центре святилища.

Другая легенда внешне далека от темы солнца. Она относится к эпохе первых саксонских вторжений на остров Британию, до появления легендарного короля Артура, то есть к середине V века н. э. Ее рассказывает в своей «Истории королей Британии» Гальфрид Монмутский, довольствуясь, впрочем, расширенным пересказом более раннего текста — «Истории бриттов», приписываемой некоему Неннию. Король Вортигерн, узурпатор, приглашает саксов, чтобы отделаться от своих врагов. Но саксы, которым понравился остров Британия, не уходят оттуда и добиваются наделения землями. Они также вызывают с континента еще многих саксов. Ситуация становится невыносимой, и Вортигерн пытается на тяжелых условиях договориться с ними. Вождь саксов Хенгист возвращается из Германии с тремястами тысячами воинов. Он приглашает Вортигерна и главнейших британских вождей на праздник на равнине Солсбери, поблизости от памятника Стоунхендж. Хенгист приказал каждому из своих спрятать длинный нож в сапоге и, когда он крикнет «Nimed oure saxes» («Вынимайте ваши ножи»), зарезать соседа. Пощадить следовало только Вортигерна, потому что он был зятем Хенгиста и мог еще ему пригодиться. Так в ходе того, что получило название «Заговора длинных ножей», было зарезано четыреста шестьдесят вождей бриттов. Однако спасся еще один, помимо короля, — некий Эддол, граф Глостера, который, схватив кол, убил семьдесят саксов.

Этот трагический анекдот преподносится как историческое и даже в какой-то мере «патриотическое» событие. Конечно, злополучный Вортигерн не поладил с не слишком верными союзниками — саксами, что, впрочем, не помешало ему, согласно агиографам, впоследствии бежать в армориканскую Бретань, стать отшельником и прослыть святым под именем Гуртьерна. Но если это событие, якобы историческое и якобы относящееся к эпохе завоевания острова Британии саксами, и представляется возможным, по-настоящему доказать его пока никому

не удалось. Во всяком случае, никто не доказал, что оно происходило близ Стоунхенджа. На самом деле похоже, что пламенный патриот Гальфрид Монмутский (уэльский клирик) пожелал дать гибели злосчастных жертв-бриттов достойный фон и некоторым образом сакрализовать ее, сделав местом действия Стоунхендж. А поскольку, при всем том, Гальфрид Монмутский располагал верными сведениями, — которые по большей части не умел использовать с научной точностью, — можно предположить, что перед нами смешение исторического события с почти повседневной реальностью Стоунхенджа, а именно кровавыми жертвоприношениями. Почему бы нет? Все доисторические народы совершали кровавые жертвоприношения, пусть по большей части символические. Может быть, в рассказе из «Истории королей Британии» отразилась память об очень далекой эпохе, когда в святилище Стоунхендж приносили жертвы в честь некоего божества, которое, по всей видимости, имело солярный характер.

Впрочем, та же «История» приводит легенду об основании Стоунхенджа Мерлином. Это событие происходит не ранее чем через десяток лет после «Заговора длинных ножей», и автор явно подчеркивает надгробный характер памятника. Теперь король Британии — Аврелий Амброзий (Эмрис Вледиг), чьим советником становится Мерлин, прежде чем стать советником Утера Пендрагона, а потом Артура. Однажды, когда король навещает его, Мерлин ему говорит: «Если ты хочешь украсить могилу убитых мужей отменно прочным сооружением, пошли к Кольцу Великанов, которое находится на горе Килларао в Ибернии¹. Оно выложено камнями, с которыми никто из людей нашего времени не мог бы управиться, не подчинив искусства уму. Камни огромны, и нет никого, чья сила могла бы их сдвинуть. И если расположить эти глыбы вокруг площадки, где покоятся тела убиенных, так же, как это сделано там, они тут встанут навеки»². Король удивился, что камни надо искать так

¹ Ирландии (*примеч. пер.*).

² Цит. по: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. М.: Наука, 1984. С. 87.

далеко, когда их столько на острове Британии. Мерлин ответил: «Камни исполнены тайн и придают лечебные свойства различным снадобьям. Некогда великаны вывезли их из крайних пределов Африки и установили в Ибернии, где тогда обитали. Выдолбив в этих камнях углубления, они устроили для себя купальни, которыми пользовались, когда их одолевали недуги. Они также примешивали истолченные в порошок камни к отварам из трав, и раны быстро затягивались»¹. Аврелий Амброзий послал в Ирландию армию в сопровождении Мерлина и под водительством своего брата Утера Пендрагона. Победив короля Ирландии, не желавшего, чтобы бритты забирали камни, солдаты попытались сдвинуть глыбы под насмешливым взглядом Мерлина, который наконец использовал свое волшебство, чтобы переместить камни на корабли, а оттуда в Британию. Мерлин, опять же с помощью колдовства, установил их в нужном месте, и король велел провести большой праздник.

Рассказ Гальфрида Монмутского, где тот лишь пересказывает народные предания, в которых не обязательно действует Мерлин, интересен в нескольких отношениях. Прежде всего он показывает нам определенную преемственность между Ирландией и островом Британия: Стоунхендж построен если не из ирландских камней, то по меньшей мере по образцу, найденному в Ирландии. В мегалитическом мире есть преемственность, и по архитектуре больших дольменов под курганами это ясно видно. Между всеми аллеями менгиров заметно сходство, где бы они ни располагались — в Ирландии, на равнине Солсбери или в районе Карнака.

Далее, речь идет о том, чтобы почтить мертвых. Памятник Стоунхендж выглядит скорее святилищем, нежели некрополем.

¹ Там же. С. 87. Согласно Гиральду Камбрейскому, хронисту конца XII века, чьи описания Уэльса и Ирландии столь точны, «в древние времена в Ирландии был восхитительный ансамбль из камней под названием *Chorea Gigantum*, потому что из глубины Африки в Ирландию их привезли великаны и воздвигли на Килдарской равнине как волшебством, так и силой».

Если двойное назначение дольмена как могилы и храма всегда может вызвать сомнение, похоже, что Стоунхендж, как и аллеи менгиров Карнака, созданы исключительно для отправления культа. Но Стоунхендж *окружен некрополем*: памятник находится в центре обширного круглого поля с многочисленными курганами, превосходно видными, если стоишь рядом со святилищем. Вполне очевидно, что постройка Стоунхенджа не имела никакого отношения к распрям бриттов и саксов, но все-таки эта легендарная история дает какое-то объяснение тому, что памятник, некое подобие главного центра, центрального святилища, возможно и посвященного светоносному божеству, находится внутри обширного некрополя, занимающего всю окрестную территорию.

Наконец, в тексте особо отмечается, как трудно было транспортировать камни. Такая проблема действительно должна была возникнуть, потому что все голубые камни происходят если не из Ирландии, то все-таки достаточно издалека, из графства Пемброк в Уэльсе. Гальфрид Монмутский настаивает, что сдвинуть эти камни не может ни один человек и для совершения такого подвига нужна только *изобретательность*. Впрочем, сами великаны использовали как волшебство, так и силу. О чем речь идет на самом деле? Конечно, легко предположить, что многие поколения, веками дивясь менгирам и дольменам, воображали, что в перемещении и установке этих колоссальных глыб приняли участие сверхъестественные силы. Прежде всего, совершенно естественно, в голову приходили великаны. Но в той же мере их *волшебство*. Тогда мы вправе задаться вопросом, не кроется ли за этим преданием какая-то реальность, то есть не могли ли некоторые доисторические люди, наследники неведомых цивилизаций, перемещать огромные глыбы психическими средствами. Поставленный так вопрос не столь уж абсурден, поскольку мы знаем, что теоретически человеческая мысль, контактируя с колебательной энергией объекта, при некоторых условиях может его перемещать. Парапсихологические феномены перемещения объектов без использования материальных средств хорошо известны. Тогда спокойно можно

представить и людей, способных сделать большее и привести собственную колебательную энергию в гармонию с колебательной энергией объекта, хоть бы и многотонной каменной глыбы. С такой гипотезой можно было бы замахнуться еще на многое, и ее достоинство состоит в том, что она согласуется с многочисленными легендами, которые, если воспринять их в символическом смысле, очень часто являются отголосками некой исторической реальности, от которой не осталось более никаких следов. В Карнаке это феномен превращения, о котором сообщает легенда. В Стоунхендже — феномен перемещения объектов с помощью психики. В народных сказках феи, волшебники и даже просто колдуны часто дают героям рецепты, как совершать такие чудеса. И эти рецепты, с учетом символики, присущей всем повествованиям этого рода, всегда имеют психический характер, требуют большой концентрации духа и волевого усилия. Но это волевое усилие свыше человеческих сил, даже если герой наделен исключительными достоинствами. Притом всегда можно показать, как с помощью вполне материальных технических средств, подкладывая под глыбы бревна, используя систему рычагов и клиньев, несколько человек запросто могут переместить и установить мегалит; но решение, отдающее приоритет психической силе человеческого существа, нельзя отвергать с порога.

Есть еще и проблема солнечной энергии.

Мы видели, что в Нью-Грейндже данные археологии и астрономии полностью соответствуют мифологической легенде. Мы видели, что можно было использовать медицинские приемы исцеления под действием солнечных лучей. Почему эта солнечная энергия не могла быть задействована при использовании и создании великих мегалитических святилищ, как Карнак или Стоунхендж? И эта гипотеза не более абсурдна, чем другие.

К тому же Стоунхендж рассчитан исключительно на солярный культ, какие бы действия в нем ни проводились. И эта его репутация идет из классической античности. В произведении грека Диодора Сицилийского можно прочесть довольно

странные рассуждения о памятнике, который автор называет гиперборейским, но помещает на остров Британию и в котором все единодушно признают Стоунхендж. Надо сказать, что для географов античности кельты, кимвры, гипербореи, все эти народы терялись в тумане за Геркулесовыми столпами, за которые редкий средиземноморский мореплаватель осмеливался выйти. Короче, Диодор Сицилийский говорит о гипербореях, живущих на острове Британия. Это земля, которая производит два урожая в год, и место рождения Лето, иначе говоря, Латоны, матери Аполлона и Артемиды, *тем и объясняется тот факт, что островитяне особо почитают Аполлона.*

Ну вот, наконец-то. Для грека эллинистического периода, как и для латинян, Аполлон — бог солнца, которым он изначально вовсе не был. Сами греки говорили, что Аполлон прибыл из Гипербореи и что его культ принесла с собой вторая волна завоевателей Эллады — дорийцев. Но первоначальный Аполлон — это бог искусств и медицины, каким в эпоху Цезаря он еще был для галлов: Аполлон, описанный римским проконсулом, не имеет ничего общего с греко-латинским богом тех времен и скорее напоминает ирландского Дианкехта, тоже бога-врачевателя. К тому же *он располагает тайнами, позволившими создать «Истогник здоровья» на основе трав всей Ирландии.* А ведь согласно преданию, записанному в «Истории королей Британии», похоже, что камни Стоунхенджа, происходящие из Ирландии, *имеют такое же леgebное свойство*, коль скоро у великанов был обычай помещать их в своих купальнях и добавлять их в пластыри, исцелявшие все. Итак, в отношении Стоунхенджа, как и большинства мегалитических памятников, мы получаем две основные идеи: солнечного света (каким бы ни был его бог или богиня) и исцеления.

Пойдем дальше, опираясь на текст Диодора Сицилийского. Только что он упомянул большой храм на открытом воздухе, в котором узнается Стоунхендж. «Жители в большинстве своем играют на кифарах и непрестанно возносят хвалы богу в храме под пение гимнов в сопровождении тех же инструментов».

Кстати, «считается, что раз в девятнадцать лет Аполлон нисходит на этот остров» (Диодор, II, 47).

Вот это очень интересно. Девятнадцатилетний лунный цикл кельтские христиане избрали для определения дат Пасхи, что вызывало бесконечные трения между этими христианами и римскими властями. К тому же при изучении расположения разных мегалитов, как Великобритании и Ирландии, так и района Карнака, можно обнаружить, что очень часто в общем плане, которому следовали строители, принят во внимание знаменитый девятнадцатилетний цикл (точнее, цикл в 18,6 года), включающий изменения точек восхода и захода луны каждый месяц до самых крайних пределов лунного склонения. Такой восемнадцатилетний цикл — в любом случае лунный. Это как будто плохо сочетается с Аполлоном, который все-таки нисходит на остров раз в девятнадцать лет. Разве что...

Есть смысл повторить, что в кельтских и германских языках солнце — слово женского рода, а луна — мужского. Есть смысл повторить, что у кельтов не было солнечного бога как такового, но была память о некой солнечной богине, которая в последний раз приняла обличье Изольды Белокурой. Полезно также повторить, что кельтская цивилизация — и, в частности, мифология — наследовала многим прежним цивилизациям, в том числе мегалитической. Если солнце у кельтов — женского рода, в отличие от других восточных индоевропейцев, значит, это представление о женском характере солнца они получили в другом месте. Кельты, как и германцы, позаимствовали концепцию солнца-женщины и луны-мужчины у автохтонного населения, земли которого они завоевали. В этом невозможно ошибиться.

В таком случае все становится ясным: если Аполлон, по Диодору Сицилийскому, раз в девятнадцать лет является на остров Британию, то есть в Стоунхендж, это значит, что его рассматривают как божество луны, приходящее перезарядиться, восстановиться в настоящую *солнечную комнату*, которую представляет собой святилище Стоунхенджа. А если отбросить мифологическую символику, можно сказать, что в Стоунхенд-

же, солярном храме, раз в девятнадцать лет проводились ритуалы возрождения. Без солнца луна исчезает, потому что получает энергию только от солнца. Но солнце без луны, возможно, не знает, что оно существует, или, во всяком случае, не имеет повода проявиться. Во всяком случае, такой переносный смысл можно приписать изоощренной лунарно-солярной системе, созданной строителями мегалитов.

Опять же пойдём дальше. Испано-латинский автор Помпони Мела под влиянием архаических преданий не скупится на похвалы гипербореям: «Их страна, священная земля, открыта солнцу и наделена большим плодородием. Религиозные созерцатели справедливости, они живут дольше и счастливее, чем любой народ на земле. Проводя жизнь в мире и наслаждениях, они никогда не знали ни войны, ни распрей. Они приносят жертвы в честь своих богов и особенно Аполлона... Их жизнь проходит в священных рощах и лесах» (Мела, III, 5). Это восторженное описание созвучно тому, какое дает тем же гипербореям Плиний Старший, опираясь, впрочем, на Геродота:

«За владениями Аквилона живет счастливый народ, если верить рассказам, именуемый гипербореями, у которых люди доживают до глубокой старости. О них рассказывают сказочные чудеса. Говорят, там находятся петли мира и последний предел обращения других миров... В году есть лишь один восход солнца — на летнее солнцестояние и один закат — на зимнее. Страна хорошо расположена, имеет счастливую температуру и избавлена от всяких вредных испарений. Жилищами обитателям служат священные рощи и леса; культ богов управляют особые люди и весь народ. Раздор там неведом, как и всякая болезнь. Там умирают только от пресыщенности жизнью: после отдыха, после утех, дарованных последними годами старости, прыгают в море с высоты некой скалы; для них это самый счастливый вид погребения... В существовании этого народа едва ли приходится сомневаться, слишком много писателей сообщает, что у него был обычай посылать первые плоды на остров Делос Аполлону, которого он особо почитал. Первые плоды приносили девушки, которых несколько лет

оказывали почетом и радушно принимали народы-посредники. Потом, когда в отношении этих посланниц были совершены насилия, гипербореи решили приносить эти дары на границах владений соседних народов» (Естественная история, IV, 26).

О том, чтобы воспринимать все здесь написанное буквально, речи нет. Противоречие между местожительством гипербореев за Полярным кругом, где в году всего одна ночь и один день, и описанием края с чудесным климатом слишком вопиющее. Значит, слово «гипербореи» ни о чем не говорит и служит лишь для обозначения народа, у которого никто не бывал, но о котором известно, что он существует где-то на севере. Однако текст приобретает большое значение, если оценить его символический смысл.

Прежде всего есть ссылка на солнцестояния: это точное указание не реалии (о которой жители Средиземноморья знали только понаслышке), а ритуала, который, как доказано, проводился в мегалитических памятниках Карнака, Нью-Грейнджа и Стоунхенджа, потому что многие мегалитические памятники так ориентированы, чтобы в них в день летнего либо зимнего солнцестояния попадали лучи восходящего солнца. Там есть знаменитая *солнечная комната*.

Далее, имеется чудесная страна, где в любое время года растет все и где люди наделены чем-то вроде бессмертия. Речь идет о Блаженном Острове, который у кельтов называется островом Авалон или Эмайн Аблах, иначе говоря, Остров Яблонь, и который Гальфрид Монмутский осмелился описать:

Остров Плодов, который еще именуют Счастливым,
Назван так, ибо все само собой там родится.
Нужды там нет, чтобы пахарь поля взрывал бороздами,
Нет земледелия там: все сама дарует природа.
Сами собою растут и обильные злаки, и гроздья,
Сами рождаются плоды в лесах на раскидистых ветках,
Все в изобилие земля, как траву, сама производит.
Сто и более лет продолжается жизнь человека.
Девять сестер в том краю по законам правят премудрым,
Властвуя теми, кто к ним из наших краев прибывает.

Старшая из девяти всех мудрее в искусстве целенья
И красотой своей сестер превосходит намного;
Имя Моргана ей, изучившей полезные свойства
Всякой травы, способной лечить телесную немощь;
Знает искусство она изменять обличье и может
В воздух на новых крылах взлетать, подобно Дедалу...¹

Это научное описание можно сравнить с лирическими строфами, входящими в ирландское повествование «Плавание Брана»:

Неведомы скорбь и предательство,
Ни горе, ни траур, ни смерть,
Ни слабость и ни болезнь,
Вот знак неперемный Эмайн...
Сколь эта чудесна страна!
Не старятся там молодые.

Этот край Вечной Молодости, эта «земля обетованная», как ее называют некоторые тексты, — Эмайн Аблах, та же *Insula Pomorum*², которую мы встречаем и в мифе об Авалоне. Но если из соображений правдоподобия этот чудесный край поместили куда-то на остров посреди океана, в направлении заходящего солнца, он в равной мере может находиться в подземном мире холмов, в королевстве сида, то есть в мирном царстве. В ирландском рассказе «Болезнь Кухулина» женщина-фея умоляет героя пойти с ней в ее подземные владения. Кухулин, очень осторожный, посылает своего возничего Лаэга посмотреть, что происходит в этом странном краю. Лаэг докладывает о том, что видел. Он расхваливает чары этой бесподобной местности, «табуны серых коней с пятнистыми гривами, три дерева пурпурного цвета, на которых поют птицы, долго, сладко, дерево у ворот замка, серебряное дерево, где сияет солнце — его блеск подобен золоту, — источник, чан с медовым питьем, трижды по двадцать деревьев, что питают многочисленными и

¹ Жизнь Мерлина / Пер. С. Ошерова // *Гальфрид Монмутский*. С. 157.

² Остров Яблонь (*лат.*).

простыми плодами три сотни людей, и особенно девушку в знатном доме, непохожую на женщин Ирландии, со светлыми развевающимися волосами», женщину, «от которой потеряла бы голову целая армия». И все это внутри одного мегалитического холма...

Эти фантастические верования в отношении больших дольменов, проникать в которые люди порой боялись, сохранялись долго. Восторженное описание этой Земли Фей встречается и в народных сказках. В одной сказке армориканской Бретани, «Сage о Коадалане», молодой герой после разных приключений попадает в плен к волшебнику Фульку. «Фульк сбросил его в очень глубокий колодец (его глубина была более лье), и он упал посреди большого леса». Все-таки довольно странно, повав под землю, оказаться посреди большого леса. Впрочем, Коадалан, не зная, где находится, долго идет, наконец засыпает на большом камне и просыпается, когда начинает светать. Все происходит так, будто *внизу* то же, что и *наверху*. Это как будто согласуется с одной из заповедей «Изумрудной скрижали», приписываемой Гермесу Трисмегисту: «То, что наверху, подобно тому, что внизу».

Другой сюжет, изложенный Плинием Старшим, отчетливо показывает, как следует расценивать его описание страны гипербореев: это рассказ о девушках, доставляющих на Делос первые плоды. К данному моменту над этими девушками учили насилие, и с тех пор они больше не покидают своих владений. Эту деталь невозможно не сравнить с тем, что рассказано в «Разъяснении», французском тексте конца XII века, предваряющем авентюру о Граале в версии Кретьена де Труа и его непосредственных продолжателей. В самом деле, там рассказывается, что некогда феи замка Грааль, принимая путников, преподносили им чаши с живительным напитком. Но однажды король Амангон изнасиловал одну из фей, и с тех пор они больше не показываются: они затворились в своих владениях и редко их покидают. Кстати, сам Плиний пишет, что «гиперборей по ночам скрываются в пещерах». Итак, описание Плиния — это сказка о феях. Но она имеет определенную связь с верованием,

что мегалитические памятники внутри населены сказочными или божественными существами, которые после распрей с людьми (война между гэлами и Племенами богини Дану) спрятались к себе в холмы и выходят оттуда лишь по определенным поводам, прежде всего в праздник Самайн.

Надо отметить и последний элемент текста Плиния — особое отношение, которое гиперборейи якобы имеют к острову Делос. Благодаря этому вырисовываются основные контуры сакральной географии, позволяющей связать великие аполлоновские святилища Восточного Средиземноморья с другими, более таинственными святилищами Северной Европы. Аполлон — это воистину бог, привнесенный в Грецию. Он имеет гиперборейское происхождение. Но это не Аполлон-Солнце последней стадии греческой мифологии: это бог-покровитель, бог-целитель, бог, владеющий искусствами, Дианкехт ирландской традиции, создатель источника здоровья, который раз в девятнадцать лет приходит возрождаться в Стоунхендж. Как после этого удивляться, что обитатели сида не знают ни болезни, ни смерти, ни слабости, ни боли? Повторим: слово «сид» означает «мир, покой». Но здесь имеется в виду не *вегный покой*, царящий на современных кладбищах. Это *живой покой*, характеризующийся отказом от смерти.

В армориканской Бретани, когда кто-то умирает, часто говорят, что он «поймал вторую половину». Это вполне выражает невозмутимый характер кельтов. Когда они пришли на крайний Запад, число менгиров и дольменов под могильными холмами, надо полагать, было впечатляющим. Кельты их не разрушили. Они включили мегалиты в собственные верования. Они населили холмы теми, кто *поймал вторую половину*, и иногда даже ходили их навещать, когда им удавалось найти *золотую траву*, очень редкую траву, позволяющую безнаказанно пересекать границу, которая отделяет наш мир от королевства фей — подземного царства.

Карнак, несомненно, находится в самом средоточии путей, ведущих в это королевство фей и бывших богов. По крайней мере, так говорят легендарные камни.

Глава II

ГРЕЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Толкования, которые предлагали Карнаку и вообще мегалитическим памятникам в течение нескольких веков, бесчисленны, противоречивы и очень часто полностью игнорируют реальные проблемы. Причина таких, иногда бредовых, толкований — отсутствие точных сведений. Ведь всякая нехватка информации разжигает воображение, особенно когда отчаянно стараешься понять, какую цель могли преследовать те таинственные народы, которые потрудились вывернуть из земли невероятные каменные глыбы, чтобы воздвигнуть их в этих местах, а не в других.

Верное представление о ситуации дает один современный анекдот, хорошо известный в среде археологов. Рассказывают, что в 1944 году, во время освобождения, американцы, впервые увидев аллеи менгиров Карнака, воскликнули: «Ох эти немцы, они никогда не умели возводить противотанковых заграждений!» Это не хуже римских солдат, обращенных святым Корнелием в камень! А с тех пор доводилось слышать еще и не то.

С момента, когда вопросами происхождения мегалитов, пользы от них, их объяснениями начали заниматься «антиквары», возможным стало все. Сначала они были уверены, что эти аллеи менгиров, как и большую часть дольменов под могильными холмами, возвели римляне. Если исходить из постулата, согласно которому до римлян наши предки были варварами в чистом виде, способными жить разве что в деревянных хижинах, очевидно, что любая постройка, требующая какого-то

понимания архитектуры, а тем более приложения значительных технических усилий, могла считаться только римской. Однако так как аутентичных римских образцов найти не удалось, а внешне мегалиты были не слишком похожи на римские памятники, от этой гипотезы очень быстро отказались. Надо было идти дальше, в более отдаленные времена.

В результате возник новый постулат: коль скоро римляне пришли, чтобы дать цивилизацию галлам, а эту территорию до них занимали именно галлы и никакого ясного представления о народах, предшествовавших римлянам, кроме как о галлах, не было, появилась тенденция считать все галльским. Итак, менгиры и дольмены стали галльскими. Но утверждать, что дольмены могли служить жилищами, было трудно¹. Таким образом, от идеи гражданской архитектуры отказались, чтобы пойти в других направлениях. Военная цель? Так вопрос ставился несколько раз. Разве «Холм Цезаря», иначе говоря, курган Тюмиак, не был прекрасным наблюдательным пунктом, позволявшим следить за всем, что происходит в окрестностях? И это не единственный мегалитический памятник, который можно было так оценить. Но поскольку возможности военного использования выглядели весьма скудными, особенно у народов, едва ли поднаторевших в стратегии, перешли к рассмотрению вопроса с религиозной стороны.

Это, впрочем, было не ново: ведь еще из эдикта Карла Великого от начала IX века известно, что в те времена, когда о христианстве уже не спорили и ему ничто не грозило, сельское население все-таки продолжало почитать мегалиты. Император, запретив всякий языческий культ менгиров и дольменов и даже повелев их разрушить, действовал в русле иконоборческих

¹ Однако в разные времена такое действительно бывало: несчастные бездомные поселялись в дольменах, по крайней мере на время. Это показывает пример Плоских Камней в Локмариакере: во время Второй мировой войны один бродяга провел там несколько месяцев. Во время смут религиозных войн и во время Революции многие мегалиты, наполовину находившиеся в земле, на самом деле служили убежищами и тайниками.

идей своего времени. Но это значит, что сельское население все еще помнило: мегалиты — это сакральные камни. С тех пор духовенство постаралось либо христианизировать некоторые менгиры, украсив их крестами, либо уничтожить. А в новые времена над этими обломками древних эпох восторжествовали бульдозеры — экономические потребности, уже не имевшие никакого отношения к Сакральному.

Итак, дольмены, в основном с конца XVIII века, стали «алтарями друидов». И авторы того времени не преминули с невероятным обилием подробностей описать, как друиды умерщвляют своих злосчастных жертв на этих алтарях суеверия. Любопытно, что никому не пришел в голову, казалось бы, очевидный факт: чтобы что-то делать на столах дольменов, друиды должны были отличаться огромным ростом. К тому же все дольмены когда-то были накрыты могильными холмами, что сразу исключает всякое представление о жертвенных алтарях. Но этот образ оказался живучим, и его еще долго можно было встретить на страницах якобы серьезных книг, в том числе учебников по истории для начальных школ.

Объяснение появления менгиров могло быть только иным и даже гораздо более изощренным. Какую пользу могли принести эти стоячие камни, тем более их группы, вообразить было трудно. Одиночный менгир в крайнем случае мог служить межевым столбом, ориентиром или даже религиозным символом, по аналогии с распятиями, которые встречаются на перекрестках дорог или вдоль тех же дорог. Но аллея менгиров вызывала больше любопытства.

Романтики на полнейшем серьезе решили, что эти памятники воздвигли галлы (о кельтах тогда еще не было речи), а поскольку образ друида, найденный в лавке забытой утвари, стал очень популярен, они вообразили, что друиды, становясь напротив менгиров, вбирали в себя таинственную силу земли. Впрочем, другие говорили, что менгиры — настоящие конденсаторы небесной энергии, у подножия менгиров они набирались вдохновения и вступали в контакт с богами. Скептики наперекор всем считали менгиры аллея просто-напросто

могильными камнями: Карнак не более чем гигантское кладбище. Беда в том, что у подножия менгиров так и не нашли ни малейших следов погребений. То, что менгиры — и аллеи менгиров — не имеют никакого надгробного характера, можно утверждать с полной уверенностью.

Но позже заодно придумали еще одну теорию: друиды, становясь на линию менгиров, могли вступать в телепатическую связь друг с другом. В буквальном смысле беспроводная телефонная сеть. Все это выглядит забавной шуткой, но надо уточнить, что в эту чушь верили многие поколения, потому что не имели никакой возможности что бы то ни было проверить. Вполне очевидно, что менгиры расставлены не как попало, и очень возможно, что они возведены в соответствии с теллурическими линиями, идущими по поверхности земли. Возникла также идея, что аллеи менгиров Карнака соответствовали зоне особого возмущения в земной коре и что эти стоячие камни были поставлены там, как мы говорили выше, чтобы отвести и выпрямить теллурические токи. В общем, менгир был аналогом акупунктурной иглы: воткнутый в землю, он активизировал и упорядочивал глубинную энергию, до тех пор не используемую и рассеянную. На этой точке зрения стоит остановиться особо.

Доисторические люди жили в постоянном контакте с природой. Конечно, в их распоряжении не было ни точных научных данных, ни измерительных инструментов. Но они обладали достаточным практическим опытом, чтобы знать, какие части земли благоприятны для выживания и в каких местностях необъяснимые явления нарушают нормальный цикл жизни существ и веществ. К тому же благодаря наблюдениям, впоследствии вошедшим в предание исторических народов, известно, что благодаря симбиозу с природой эти люди приобрели уверенность: человеческое существо является частью единого целого. Объяснить человеческое существо значит в равной мере объяснить и окружающую его среду. Можно сказать, что строители мегалитов были, не зная об этом, экологистами. Их продолжительное знакомство с климатическими процессами,

чередованием времен года, сменой лунных фаз, их наблюдения за прорастанием растений, их размышления о материалах, необходимых для улучшения условий жизни, — все это способствовало накоплению некой «мудрости», которую прежде всего следует рассматривать как понимание рациональных тенденций.

Людям конца неолита не было неизвестно, что человеческая жизнь зависит от качества окружающей среды. Они старались сделать последнюю максимально эффективной, даже если не всегда хорошо понимали, что происходит — не в невидимом мире, а за фасадом вещей. Современная наука родилась из непрерывного столкновения человеческого существа, гордо замкнувшегося в своем сознании, с окружающими его предметами. Когда еще в XX веке некоторые деревенские или загородные дома считались проклятыми, поскольку их обитатели умирали так часто, что это устрашало, — у этого была причина. Люди прошлого это знали, даже если не могли найти этому рационального объяснения и из-за этого делали вывод о вмешательстве вредоносных сверхъестественных сил. В наше время поняли, что у этой «мудрости» было основание: эти так называемые проклятые дома часто стоят на гранитной жиле, содержащей уран в количествах переменных, но достаточных, чтобы вызывать болезни типа рака или лейкемии, потому что радиоактивность здесь сильнее, чем в других местах. Не стоит объявлять старинные обычаи и верования суеверием — это приведет лишь к отрицанию результатов терпеливого и в конечном счете «разумного» наблюдения, продиктовавших некоторые житейские правила и некоторые формы лечения. Меры, принятые благодаря аппаратам вроде радиационного детектора, позволяют оправдать эти «суеверия». «Проклятые» дома вполне были таковыми. Все зависит от того, что понимать под словом «проклятый».

С помощью тех же измерительных приборов можно на удивление просто выяснить, что аллеи менгиров Карнака расположены в зоне, где эта радиоактивность особо высока (гранитные породы с отдельными, но глубокими разломами, наличие

в скалах рассеянного урана). Причем тот факт, что строители мегалитов сознательно выбирали глыбы для установки, иногда отыскивая их очень далеко, говорит, что эти народы имели некоторое представление о *ценности* камней, даже если были неспособны проанализировать их состав. В этом отношении мегалитические *знания* ничуть не уступают лженауке, господствовавшей в течение девятнадцати веков христианства.

На самом деле, почему, например, в Карнаке использовали глыбы именно такого типа, а не другого? Почему, как в Стоунхендже, голубые камни перевозили так издалека, когда их можно было найти поблизости? Почему, как в больших дольменах под могильными холмами Локмариакера, использовали плиты из камня, добываемого из весьма специфической жилы? Мегалитические памятники не искусственные объекты. Они взяты из самой земли. Это камни *движутся*, в том смысле, что они живут собственной, особой жизнью, хотя внешне безжизненны. Поэтому можно предположить, что строители, по крайней мере архитекторы, руководившие возведением мегалитов, обладали если не знаниями, то, по меньшей мере, критическим мышлением, а это уже научный подход. А использовали ли при этом сверхъестественные силы или всего лишь уравнения и графики, ничего не меняет в том факте, что в мегалитическую эпоху люди осознали: все, что их окружает, имеет к ним отношение.

Вот почему теорию об акупунктурных точках нервных или мышечных систем земной поверхности нельзя отбрасывать как дурацкую. Теллурические токи существуют, даже если некоторые так называемые просвещенные умы отвергают их как наследие эпохи суеверий. Радиоактивность существует, и отрицать ее никому в голову не приходит. Присутствие многочисленных менгиров в месте с особо сильным теллуризмом и радиоактивностью во всяком случае показывает, что они оказались там не случайно и должны были играть какую-то роль, разумеется, безо всякой магии.

Можно возразить, что мы забираемся слишком далеко, тогда как ответ очевиден — менгиры, составляющие аллеи

Карнака, не что иное, как *ложные* и *символические* могилы: в мегалитические времена место в Ином Мире резервировали заранее и, чтобы застолбить его, за свой счет возводили менгир в составе большого ансамбля — либо своими руками, либо поручая профессионалам. Этим якобы объясняются исключительные размеры Карнака — места, наиболее богатого теллурическими схождениями и наиболее пригодного для контактов с небесными силами. Достоинство этой теории в ее чрезвычайной простоте: Карнак ни более и ни менее чем памятник мертвым. Но она далеко не убеждает, потому что погребальный характер аллей менгиров ничем не доказан.

Есть сексуальная теория. Никаких сомнений, что менгир имеет фаллический характер. Менгир, введенный в землю женского рода (богиню-мать), имеет довольно ясное сексуальное значение: это сакральное соитие между человеческим и божественным началами, иерогам, устанавливающий контакт между небом и землей. Почему бы нет? Фаллические культы в древности не редкость, и вовсе не исключено, что они существовали и в доисторическую эпоху. Символ фаллического менгира и вагинального дольмена настолько очевиден, что становится банальностью. Это отметил даже Гюстав Флобер в романе «Бувар и Пекюше». В этой «психоаналитической» интерпретации нет ничего абсурдного, и она очень часто воспроизводится. Погребальная камера дольмена бесспорно символизирует матку — матку Богини Холмов, а входной коридор — очевидное влагалище. Когда покойника помещают в эту камеру, в глубину дольмена, это делается затем, чтобы дать ему новую жизнь, загробную, которая может быть обретена только при скрупулезном соблюдении ритуалов. Эта концепция, конечно, не противоречит представлению о *солнечной комнате*, где совершается возрождение существа в присутствии космических сил, пробужденных лучами солнца. И если пещера дольмена имеет характер матки, то менгир — фаллический характер, он вздымается в небо не затем, чтобы улавливать космическую энергию, а затем, чтобы попытаться установить связь с невидимым *горним* миром. Кстати, по многочисленным наблюдениям

известно, что менгиры притягивают молнию: каждый год много камней разбивается и рушится от ударов молний. Но менее известно, что *молния*, вопреки оптической видимости, *не падает: она взмывает в небо*. В таком случае менгир действительно можно рассматривать как фаллос, из которого выбрасывается семя, теряющееся среди звезд. Этот образ может стать эротическим. Тем не менее он остается сакральным и отражает как некое метафизическое построение, так и реальные знания о феномене молнии.

Кстати, сексуальный аспект мегалитических памятников не может не просматриваться и в народных традициях. В армориканской Бретани известны многие менгиры, прежде всего одиночные, вокруг которых по ночам танцуют девушки. Это элемент ритуала плодородия, что очень удивило бы юных танцовщиц, если бы им объяснили точное значение их поведения. Однако в других случаях сексуальный смысл вполне осознается участниками «языческих» литургий, которые христианское духовенство давно искореняет, но окончательно в этом так и не преуспело.

В иных местах, скажем еще раз, менгиры представляют собой объект достаточно специфического «культа». Женщины, отчаявшиеся зачать ребенка, приходят к ним, чтобы потереться о них животом. Иногда для совершения ритуала приходят вместе муж и жена, обнажаясь и даже совокупляясь у подножия менгира. В этих обычаях отражена память о древнем фаллическом культе, но вместе с тем уверенность, что стоячий камень сам по себе — знак счастливого плодородия. По некоторым лежащим менгирам женщины скользят обнаженным телом (и даже «обдирают» его о поверхность). Это, конечно, хорошее средство войти в контакт с таинственными божествами былых времен, что потом отнюдь не препятствует женщинам благочестиво исповедаться, не забыв признаться в этом отступлении от догматов христианской религии. Практика «обдирания кожи» распространена абсолютно во всех местностях, где есть менгиры, и в общем представляет собой элемент обычаев предков.

Но самые ходовые теории, одни из которых научные, другие чисто конъюнктурные, хоть и наукообразные, — это теории, связанные с астрономическими данными (а попутно и с астрологическими, потому что астрономия и астрология некогда были одной и той же дисциплиной). Давно замечено, что аллеи менгиров расположены точно в определенных направлениях, хоть и с некоторыми вариациями, и что в общих чертах, в большинстве случаев, они проложены с востока на запад. То же относится к дольменам, вход в которые очень часто — но не всегда — находится на востоке. И на основе этих констатаций попытались выяснить, из каких астрономических законов — даже тайных и эзотерических — исходили строители мегалитов.

Проблема очень сложна и не имеет простого решения по той причине, что известные нам мегалитические памятники, в частности аллеи менгиров, составляют лишь часть того, что существовало в свое время: в такой ситуации трудно делать понастоящему научные выводы, располагая заведомо неполными данными наблюдений. Но есть совпадения, показывающие, что теории этого рода имеют все шансы приблизиться к истине. Главное — не слишком выходить за пределы установленного, увлекаясь соображениями, связанными с магией, астрологией или герметизмом как таковым. А перешагнуть этот порог нетрудно.

Бесспорно, что некоторые ряды менгиров, не обязательно представляющие собой геометрические прямые (в Карнаке очень часто наблюдается искривление рядов менгиров), как будто расположены систематически и в достаточно ясных направлениях, связанных с календарем: самые распространенные ориентиры — точки восхода солнца в дни солнцестояния и равноденствия. Наблюдения этого рода доступны всем. Но на пути от этой констатации до вывода, что перед нами, по крайней мере в Карнаке, настоящая звездная карта, — не один ров, не один овраг. Однако некоторые авторы — ссылаясь на знаменитые змеевидные изображения на менгире Ле-Манио — просто перешагивают этот овраг и даже воображают длинные

инициационные процессии, ползущие, как змеи, по аллеям менгиров. В зрелищном плане это идея фантастическая. Легко представить целый спектакль, который хороший режиссер, располагая техническими средствами и многочисленной маской, мог бы сделать из этого богослужения.

Некоторые, замахиваясь, правда, на меньшее, то есть рассматривая только петроглифы Нью-Грейнджа, — однако сопоставляя их с ориентацией памятника, — пытались представить этот холм настоящим небесным храмом: авторы, достойные доверия, признали в таинственных знаках, украшающих стены, изображения звезд на небе мегалитической эпохи. Почему бы нет? Но ограничиваться этим — значит забывать, что всю систему символов, кода для проникновения в которую у нас уже нет, можно толковать самыми разными способами.

Правда, в памятнике Стоунхендж увидели настоящую астрономическую обсерваторию, позволяющую предсказывать фазы Луны, солнечные или лунные затмения и движение звезд по небу. Недавние изыскания, проведенные самыми современными методами, при помощи компьютеров, выявили ошеломительные совпадения. Этот опыт интересен в том плане, что дает дополнительные данные о памятнике, который, о чем невозможно спорить, представляет собой солярный храм или по крайней мере святилище, где важную роль играло солнце.

«На самом деле совпадение направленности памятников и расчетных теоретических направлений с астрономическими данными — более чем натяжка, если только его вообще можно оценить, потому что нет ничего более неопределенного и зыбкого, чем понятие центра менгира. Надо признать, что в некоторых случаях совпадение оказывается удивительным, тогда как в других ничего ясного не обнаруживается. Разумеется, надо учитывать изменения астрономических реалий со времен строительства и использования мегалитических систем, изменения природных факторов, маскирующих линию горизонта, в частности, рядов деревьев. Исследователи, очевидно, решили попытаться датировать мегалитические системы на

основе изменения угловых параметров в зависимости от времени»¹.

При всем том нам следует рассмотреть некоторые из этих археоастрономических теорий, которые с 1850 года разрабатывали во Франции и на Британских островах, хоть в отношении памятника Стоунхендж теории такого рода начали появляться с 1740 года. Для Карнака и окрестностей первые попытки датируются началом Третьей республики, но они сводились прежде всего к терпеливым измерениям, не убеждавшим ни в правоте, ни в неправоте теории. Солярная теория, так называемая теория солнцестояний, была публично выдвинута в 1900 году одновременно французом, капитаном Девуаром, флотским офицером и уроженцем Лорьяна, и британцем Норманом Локьером. Были сделаны наблюдения для мегалитов севера и запада Финистера и сопоставлены с данными по ансамблю Карнака. Для этой системы было обнаружено, что отдельные линии менгиров приблизительно ориентированы на восход и закат солнца в некоторые конкретные дни с учетом широты Бретани. Но полученные таким образом данные имели некоторый разброс из-за возможных отклонений в одну и другую сторону. В грубом приближении нашли, что для летнего солнцестояния угол составляет 54° , для зимнего — 126° . Это ничего не доказывает, кроме того, что разные архитекторы, строившие мегалиты, похоже, использовали одни и те же направления.

Однако в межвоенный период результаты этих наблюдений использовал архивист Р. Мерле, дополнив их личными наблюдениями в заливе Морбиан и в районе Карнака. Он применил систему солнцестояний к линиям, соединявшим некоторые мегалитические памятники — прежде всего кромлехи Эр Ланник и Кергонан (остров Монахов), разбитый Большой менгир Локмариакера, менгир Мен Ген в Сарзо, кромлех в Сен-Жильдас-де-Рюис и холм Граньоль в Арзоне. Наличие таких связей

¹ *Giot, Pierre Roland. Préhistoire de la Bretagne. Rennes: Ouest-France, 1979. P. 424.*

подтвердились с большой метрической точностью, и по ним даже удалось рассчитать мегалитический фут — меру длины, использовавшуюся в доисторической и протоисторической Галлии для строительных работ, то есть 0,3175 метра — величину, подтвержденную позднейшими работами. Единственная проблема — не очень понятно, почему в эту систему солнцестояний входят только некоторые мегалиты в зоне, где они особенно многочисленны.

Но эти исследования наглядно выявили роль календаря, которую могли играть некоторые мегалитические ансамбли. Однако любой календарь, особенно в отдаленные времена, был солнечно-лунным. Поэтому начались поиски в этом направлении среди менгиров и дольменов Ирландии и Шотландии. Потом их сферу расширили, включив в нее группы из района Карнака. Выводы были не слишком удовлетворительны с точки зрения возможности дать рациональное объяснение. Самое большее, что удалось сделать на основе этих наблюдений, — уточнить единицу длины в конце неолита, названную мегалитическим ярдом, которая составляет 0,829 метра, и показать, что при постройке больших ансамблей часто использовали соотношение 3–4–5. По крайней мере, математическая точность этих данных создала очень прочную основу для выдвижения совершенно новых гипотез.

Однако все это имело и еще один результат: возникло убеждение, что некоторые мегалитические памятники или ансамбли мегалитических памятников были настоящими астрономическими обсерваториями. Было даже научно доказано, что Стоунхендж служил вычислительной машиной для расчета затмений. Тот же результат был получен для некоторых кромлехов Шотландии и Уэльса. Эту же возможность отнесли и к армориканской Бретани, хотя, в отличие от Британских островов, круги стоячих камней здесь встречаются редко. Были получены некоторые выводы, вызывающие чрезвычайный интерес.

Основным объектом этих наблюдений стал разбитый Большой менгир Локмариакера. Якобы он был основным элементом системы, созданной для предсказания затмений. В таком

случае это объясняло бы внушительный размер, который он имел, когда стоял. Следовательно, этот большой менгир служил визирной маркой или, скорее, мушкой для прицеливания в Луну. Роль прорези для этой мушки якобы играло несколько других менгиров, одиночных и часто очень отдаленных, с помощью которых находили крайние точки лунного склонения. Известно, что этих крайних точек Луна достигает с периодом в 18,6 года — это знаменитый девятнадцатилетний пасхальный цикл кельтских христиан и, конечно, цикл посещений Аполлоном Стоунхенджа на острове Британии, если верить Диодору Сицилийскому. Существует также флуктуация угла наклона лунной орбиты по отношению к эклиптике в период, составляющий 173,3 суток, из-за чего эти крайние точки несколько смещаются. И только в мертвых точках, в восходящем и нисходящем узлах, каждые 9,3 года или около того, человек в состоянии обнаружить проявления малой флуктуации; так вот, согласно этой системе, затмения происходят только в случаях, когда последнее отклонение уже близко или достигло максимума. Значит, чтобы предсказывать затмения, надо было засекаать каждое изменение лунного склонения величиной в угловую минуту или даже меньше, для чего были необходимы маленькие реперы, естественные или нет, но в любом случае отдаленные и ясно видимые на горизонте. Край солнца или луны проходил позади репера, и наблюдатель смещался в сторону, чтобы точно уловить точку совпадения. После фиксации этого положения наблюдение повторялось на следующий день и через день, пока не достигался максимум.

Так вот, большой менгир Локмариакера видно из восьми мест. Каждое из них должно было использоваться для наблюдения за одним из возможных крайних положений Луны. Самыми далекими были менгир Гульвар на Кибероне и местоположение мегалита в Сен-Пьер-Киберон. Остальными местами были холм Тюмиак в Арзоне, Малая Гора в Арзоне, дольмен Треврас в Лармор-Бадене, мегалит Керран и курган Мустуар в Карнаке. Другая идентичная система якобы функционировала на основе менгира Ле-Манио в Карнаке. Таким образом удава-

лось предсказывать лунные и солнечные затмения. Можно было также наблюдать за небом. Потому что, хоть в отношении этих солнечно-лунных теорий и можно проявить некоторую сдержанность, нет никакого сомнения, что отдельные мегалитические памятники служили обсерваториями. Организация мегалитической системы предполагает, что религиозная деятельность была активной. Но в те отдаленные эпохи религия и наука имели одну природу, и хранителями знаний бесспорно были жрецы. К тому же, как во всех архаических религиях, требовались предсказания. Предвидение астрономических явлений составляло часть искусства предсказателей. Значит, можно утверждать, что жрецы мегалитов, так же как друиды, их преемники, были также астрономами и астрологами.

Но было выдвинуто и много гипотез относительно процесса строительства мегалитов. Народная традиция, в отсутствие рационального объяснения, имела возможность сослаться на великанов или на фантастические существа. «Скалы Фей» соседствуют с «Камушками Гаргантюа». Иногда, как в Шан-Долане, говорится о камне, упавшем с неба. С момента, когда начались попытки понять, как люди, по всей видимости лишенные технических средств, могли совершать такие подвиги, было предложено много вариантов решения этого вопроса, в том числе и использование исключительных возможностей психики, позволяющих перемещать огромные глыбы без использования человеческих рук.

Бесспорно, камни иногда транспортировали издалека. Но при изучении некоторых мест создается впечатление, что строители не очень утруждали себя поиском где-то еще материала, который можно было найти на месте. Подавляющее большинство дольменов и менгиров построено из камня, найденного на месте или в ближайших окрестностях. Достаточно было выкопать карьер, особенно в Бретани, где гранита хватает — кроме как на центральном выступе. Впрочем, надо сказать, что в некоторых случаях карьер можно было и не копать: повсюду есть глыбы, отколовшиеся от природной жилы вследствие различных атмосферных воздействий. Достаточно было использовать

их, а работа в основном сводилась к обтесыванию глыб и, при надобности, к приданию им нужной формы. Так, менгир Мен-Марз в Бриньогане (Финистер) был просто-напросто извлечен из исходной скалы, находящейся совсем рядом с ним. Зато менгир Шан-Долан, возвышающийся на сланцевом субстрате, пришлось транспортировать не менее чем на четыре километра.

Однако такая транспортировка, хоть бы и на несколько сотен метров, связана с некоторыми проблемами. Предполагают, что она осуществлялась с помощью катков и выбирался по возможности самый пологий путь. Более десятка лет в попытках открыть секрет строителей мегалитов ставили многочисленные эксперименты. Эти эксперименты показали, что для грузов весом от пяти до десяти тонн самой трудоемкой работой было извлекать использованные катки сзади и снова укладывать их спереди. Разумеется, если хватает людей, чтобы можно было обеспечить коллективную работу. Иногда уверяют, что камни можно было перевозить на чем-то вроде санок во время сильных холодов, когда земля покрыта льдом и снегом. Но для зоны распространения мегалитов суровые зимы не характерны. С другой стороны, при скольжении огромной массы снег или лед неминуемо бы растаял и поклажа быстро бы увязла. Похоже, в эпоху неолита уже были дороги, не мощеные, как в римские времена, а *бревенчатые*, то есть сложенные из тонких стволов деревьев, срезанных по нужной длине и образующих настоящий деревянный настил, по которому легко могли катиться сани и даже ехать повозки с колесами. Такие дороги обнаружили кое-где в болотах Нидерландов и Сомерсета, в Ирландии же, на больших торфяниках центральной области, они применяются и по сей день. Очень возможно, что для перевозки своих огромных каменных глыб строители мегалитов использовали дороги такого типа.

Менгир не устанавливали без подготовки почвы. Сначала надо было выкопать яму. Потом менгир, приподнятый и направленный с помощью соответствующего приспособления, опрокидывали в эту яму. Известно, что на острове Пасхи такой

эксперимент был проведен для колоссальных статуй и не вызвал больших трудностей: двенадцать человек за восемнадцать дней установили на место двадцатипятитонную статую при помощи рычагов и небольших камней, служивших клиньями. В этом нет ничего исключительного — достаточно обладать упорством. По-видимому, у людей мегалитов оно было, потому что работали они на века.

Другим решением могла быть насыпь, служившая аппарелью для сбрасывания менгира в яму. Она должна была иметь довольно значительную длину, чтобы угол наклона был как можно меньше. Когда менгир окончательно заклинивался камнями, подножие уплотняли щебнем и землей, насыпь разрушали, а бревна, вероятно, использовали повторно.

Технология, использовавшаяся при строительстве дольменов, была, должно быть, почти такой же, с той разницей, что возводить насыпи приходилось обязательно ради установки плит — порой огромных, — служивших покрытием. Для постройки дольменов с нависающим сводом надо было выбрать наиболее подходящие камни, при необходимости обтесать их и сложить в кладку. В конечном счете это была всего лишь детская мозаика, которую мог сложить вручную один человек. Когда же дольмен был возведен, начиналась операция покрытия его искусственным холмом из камней, щебня и земли. Но и здесь, вопреки тому, что думали в прошлом веке, камни не бросали как попало: все могильные холмы сложены тщательно, по заранее продуманному архитектурному плану.

Во время раскопок у подножия менгиров, проводившихся очень аккуратно, опасных, потому что глыба могла рухнуть (кстати, так много менгиров теперь лежит именно в результате диких раскопок), обнаружили, что перед установкой глыбы делали ритуальные приношения, из чего можно заключить, что существовала церемония закладки. Эти открытия позволили выдвинуть гипотезу, что некогда в момент возведения менгиров могли в ритуальных целях использовать маленькие деревянные постройки или даже столбики. Чтобы стать реальностью, такая возможность должна быть подтверждена систематиче-

скими — и непростыми — раскопками в ближайших окрестностях менгиров.

Перед дольменами под могильными холмами тоже обнаружены ритуальные приношения, а также конструкции, показывающие, что на входе в мегалит располагались деревянные пристройки, над которыми никогда не было курганов. Точно неизвестно, какой могла быть природа этих пристроек, равно как и их назначение. Полагают только, что это могли быть морги, куда укладывали тела покойников перед церемонией похорон, или же культовые строения, поскольку дольмены в основном запирались после каждого нового погребения.

Во всяком случае, для возведения как дольменов, так и менгиров необходимо участие достаточно большого числа людей, которые осуществляли огромный коллективный труд. Конечно, не надо забывать, что большие могильные холмы возводились не за несколько дней — в течение веков их часто перестраивали, что требовало дополнительного времени, но это ничуть не снимает вопроса о рабочей силе, необходимой для работ, которые можно назвать циклопическими.

Если предположить, что эта тяжелая работа делалась без перерывов, одновременно, можно выдвинуть гипотезу, что на каждого работника, выполнявшего только указанную задачу, должен был приходиться еще один, трудившийся, чтобы его прокормить. Это позволяет оценить минимальное время, которое потребовалось бы сообществу для возведения памятника малых или средних размеров, например, который считают построенным почти единым духом. Обратившись к результатам экспериментов, проведенных на юге Великобритании, численность работников, которых возможно мобилизовать на три месяца в год в общине численностью от пятисот до двух тысяч человек, можно оценить не более чем в двадцать процентов. Для строительства первичного каирна в Барненезе, как полагают, понадобилось 150–200 тысяч рабочих часов при работе двухсот-трехсот человек по десять часов в день.

О моральных и материальных условиях, в которых производились эти коллективные работы, конечно, ничего не известно.

Вероятно, местные вожди, малые или большие, добивались участия населения всеми средствами, включая принуждение, но в этой сфере возможны любые гипотезы, в том числе и предположение о религиозном рвении, как при строительстве средневековых соборов.

Можно упомянуть теорию К. Мендельсона, считающего, что при строительстве как египетских, так и мексиканских пирамид важны были не сами по себе памятники, а факт их возведения. То есть экономической и политической целью этих крупных начинаний было создание очень централизованного общества. Могло ли так быть и у мегалитических народов? Опять-таки мы упираемся в полное отсутствие сведений. Но трудно недооценить (переоценить?) мистическую мотивацию, подвигнувшую эти народы на совершение столь циклопических трудов.

Это подводит нас к постановке вопроса плотности населения. Во времена мезолита его численность в районе Карнака оценивается очень небольшими цифрами — всего в несколько тысяч человек. К началу неолита она могла постепенно вырасти и достичь плотности один житель на квадратный километр, что дало бы для всей Бретани численность от 25 до 50 тысяч, а к концу неолита, то есть к эпохе строительства мегалитов, плотность могла составлять два человека на квадратный километр, иначе говоря, в Бретани жило от 50 до 100 тысяч населения. Плотность в большой мере зависит от конкретного места. Конечно, такие зоны, как побережье Морбиана, должны были заселиться гораздо плотнее, чем внутренние области с огромными, почти непроходимыми лесами. Впрочем, люди, должно быть, жили небольшими общинами в несколько десятков человек, конечно, объединенными с более или менее близкими соседями в более крупные сообщества, периодически собиравшиеся по политическим причинам или по случаю религиозных праздников. Вероятно, солнцестояния давали особый повод для больших собраний, прежде всего в Карнаке, который по исключительной протяженности аллей менгиров является крупнейшим из известных храмов на открытом воздухе.

Распределение населения зависело от источников воды и условий для охоты или рыболовства. Отнюдь не пренебрежимо малое влияние на плотность населения должно было оказывать и земледелие, только недавно возникшее. Ведь для возделывания бесплодной земли безусловно требовались руки: Бретань — край кислых почв, и рассчитывать на получение реального дохода от земледелия можно, лишь основательно удобрив землю. Так вот, похоже, единственным доступным удобрением очень долго были морские водоросли. Из этого можно заключить, что обработанные земли находились на побережье, и это подтверждается тем фактом, что остатки жилищ гораздо чаще находят в этих районах, чем во внутренних.

Судя по новейшим исследованиям, урожайность в земледельческих областях была неплохой. Орудием пахаря служил топор, который в то же время использовался и для корчевки, и для жатвы. Для работы по мягкой древесине полированные каменные топоры почти столь же эффективны, как металлические. Выжигание достаточно расчищенного участка надо было держать под контролем и проводить не спеша, чтобы уничтожить корни сорняков. После посева почву следовало обработать скребком или палкой, даже мотыгой. Но надо было практиковать смену полей (*culture intermittente*), чтобы дать земле время восстановиться, потому что после выжигания она дает удовлетворительный урожай только раз или два. На человека требовалось один-два гектара земли, как обрабатываемой, так и находящейся под паром.

В топорах, изображенных на петроглифах Морбиана, некоторые предпочли видеть земледельческие орудия, «топоры-плуги». В таком случае резьба на плите «Стола Торговцев» изображает нечто вроде плуга, в который запряжено четвероногое животное. Но известно, что самые ранние сохи, датируемые концом века металлов, — деревянные. Тем не менее топоры, найденные в неолитических захоронениях, часто асимметричны и явно рассчитаны на такие же рукоятки, как у тесла или мотыги. Знаменитые посохи, изображенные в дольменах Морбиана, тоже интерпретируют как серпы с длинными рукоятками.

Но они вполне могут быть и разновидностью цепов для молочения зерна.

Таким образом, похоже, что в армориканской Бретани в мегалитическую эпоху земледелие играло существенную роль, хоть и на небольших территориях. Практиковалось скотоводство, а именно разведение крупного рогатого скота. Что касается рыболовства, оно несомненно оставалось главным источником питания, прежде всего сбор раковин, которые в изобилии встречаются в районах Карнака, Киберона и залива Морбиан. Сведений о мореходстве у этих народов нет, но соседство с морем и плотность населения в прибрежных районах наводят на мысль, что мореходство здесь активно развивалось. Не надо забывать, что позже обитатели этих мест, знаменитые венеты, станут непревзойденными навигаторами всех побережий Атлантики и Ла-Манша.

Все виды деятельности, отмеченные у строителей больших дольменов Локмариакера и аллей менгиров Карнака, возможны только в рамках сплоченного и хорошо организованного общества. Чтобы иметь возможность строить большие мегалитические гробницы и обширные поля менгиров, требовалась очень эффективная организация. А известно, что жили эти строители очень давно, и это наводит на мысль, что социальная структура у мегалитических народов, особенно в Морбиане, значительно опередила свое время.

Богатство некоторых морбианских гробниц карнакского типа, имеющих закрытую и, значит, в принципе недоступную камеру, которая одна лишь содержит большую часть украшений, парадных или престижных топоров и драгоценностей, заставляет предположить, что существовал зажиточный класс, и в этой связи можно представить династию князей Арзона, Карнака и Локмариакера, которые и инициировали большие работы в этой местности. Эта княжеская династия могла иметь монополию на торговлю и присвоить себе фантастические права в отношении всего населения. В самом деле, трудно вообразить, чтобы народ и община сами с энтузиазмом бесконечно возводили, ремонтировали, перестраивали эти большие

гробницы, тогда как право на них имела лишь ничтожная часть населения.

Таким образом, мы приходим к представлению о мегалитическом обществе Морбиана как о переходном от эгалитарных племен к централизованному государству как таковому. Можно привести примеры такого рода расслоенных обществ с развитой иерархией, какие еще существуют в Полинезии и какие имели возможность осуществлять значительные проекты. Следовательно, мегалитическое общество Карнака представляется открытым для пришельцев, имеющим очень четкую структуру и основанную на законах. Интеграция пришельцев, должно быть, происходила путем участия в частых церемониях, в сложных ритуалах, для которых требовались постоянные жрецы. Значит, класс жрецов должен был играть в общественной жизни первостепенную роль, наподобие той, какую позже у кельтов играли при царях друиды. Здесь должна была существовать тенденция к специализации, к разделению труда, к появлению различных категорий ремесла. Территории, занятые этими обществами, по-видимому, имели постоянные границы: в одних местах правили мелкие вожди, в других — настоящие князья. Судя по данным археологии, регион Карнака — Локмариакера был, конечно, большим княжеством, богатым и могущественным, о чем говорят как плотность населения, так и его экономическая активность. Большие ансамбли, известные нам, не мог бы построить бедный и дезорганизованный народ.

Это почти все, что можно сказать о социальной жизни строителей мегалитов. Конечно, региональные вариации существовали, но в целом археологические работы, постоянно ведущиеся уже век, все в большей мере выявляют значительное единообразие мегалитического мира — и на континенте, и на Британских островах. Таким образом, можно говорить о мегалитической цивилизации.

Но тогда возникает вопрос — откуда взялась эта цивилизация? Импортировалась ли она — и в таком случае из какого региона, или же самопроизвольно зародилась в областях близ

побережий Атлантики и даже в Морбиане, который, как бы то ни было, выгладит наиболее активной зоной мегалитизма?

С давних времен считалось, что вся цивилизация происходит с Востока, в частности из Эгейского моря. Было выдвинуто немало гипотез, что колыбелью мегалитической цивилизации был Крит, откуда она распространилась по торговым путям, которые впоследствии стали Оловянным путем. Теперь эту точку зрения отстаивают куда менее категорично. Мегалитизм вовсе не обязательно происходит из Восточного Средиземноморья. Напротив, многочисленные открытия на месте все больше укрепляют противоположное мнение: очень вероятно, что мегалитический феномен зародился на берегах Северной Атлантики.

В таком случае это была автохтонная цивилизация, способная оказывать влияние на другие народы мира. В конце концов, большие холмы Нью-Грейнджа и Гавриниса старше египетских пирамид, но постройку этих памятников вдохновлял совершенно один и тот же дух, соответствовавший почти одним и тем метафизическим и религиозным критериям, одной и той же потребности — оставить для будущих поколений самое прочное и самое прекрасное свидетельство того, что на этой земле жили некие люди, любимые богами.

Но цивилизация не рождается сама по себе. Она всегда является результатом медленного вызревания, а порой — жестокого столкновения двух типов прежних цивилизаций. Она всегда чему-то наследует, потому что по сути она не более чем этап великой эпопеи человечества.

Так вот, эта эпопея человечества не представляется нам непрерывной линией. Это ломаная линия, имеющая в одних местах разрывы, в других отклонения, в третьих дорисовки сверху. Если история полна проб и ошибок, катастроф, войн, возвратов назад, то нет никаких сомнений, что доисторическая эпоха, сведения о которой заведомо смутные, пережила не меньше испытаний.

Мегалитизм — атлантическая цивилизация. К тому все сходится. Тогда встает проблема Атлантиды, этого таинственного

исчезнувшего континента — или острова, — о котором точно не известно, существовал ли он на самом деле, но возможность его существования по-прежнему остается бесспорной. Не была ли мегалитическая цивилизация одним из последних обломков той, которая некогда, в безвестные времена, по словам Платона, расцвела где-то на западе мира, в Атлантическом океане, куда греческие мореплаватели упорно отказывались заходить?

И если в этой сфере хватает гипотез, то совпадения, которые можно обнаружить при терпеливом исследовании крайнего Запада, каким он был задолго до появления кельтских народов, а также при изучении жизни самих кельтских обществ, пропитанной наследием автохтонных народов побережий Атлантики, не просто заставляют задуматься. Они заслуживают рассмотрения.

Часть третья

ЗАГАДКА АТЛАНТИДЫ

Глава I

ТАИНСТВЕННАЯ АТЛАНТИДА

У проблемы Атлантиды есть одна абсолютная исходная точка — то, что о ней рассказывает философ Платон якобы на основе египетских преданий. Исходя из этого рассказа, целые поколения искали следы этого таинственного континента. Но вопрос щекотливый, поскольку нет уверенности, что Платон не придумал эту сказку из практических соображений: ему нужен был конкретный пример для развития своих идей о рождении, жизни и смерти цивилизаций, и, возможно, он не нашел ничего лучшего, чем сочинить миф.

Однако миф никогда не возникает на пустом месте. Миф всегда показателен. Если у нас нет никаких реальных доказательств существования этой Атлантиды, то у нас нет и никаких доказательств «подлога» со стороны Платона. Во всяком случае, со времен античности было выдвинуто множество гипотез о том, где находится этот континент, исчезнувший в ходе катаклизма. Поскольку текст Платона блистает географическими неточностями, искателям приходилось блуждать, выбирая противоположные направления и даже противоречия себе самим.

О расположении Атлантиды существует четыре цикла гипотез. Самый древний, начавшийся почти сразу после появления рассказа Платона, помещает исчезнувший континент в зону, огибаемую Гольфстримом, от Западной Африки до Карибского моря. Вторая система, с необходимостью следующая из первой, обычно помещала Атлантиду в разные районы

Северной Африки или Испании. Третья, интересующая нас, кстати, больше всего, располагает Атлантиду на северо-западе Европы, который древние называли Гипербореей, что возвращает нас к Стоунхенджу и к преданиям, рассказанным Диодором Сицилийским и Плинием Старшим. Четвертая предпочла бы разместить Атлантиду на Востоке — либо в Эгейском море, либо в Черном, сделав ее центром Крым, где витают те же легендарных киммерийцев, которых иногда смешивают с кимврами, а иногда с гиперборейями. Один немецкий ученый периода нацизма даже безапелляционно утверждал, что остров Атлантис был колыбелью арийской расы, единственными потомками которой остались, естественно, его соотечественники. Это говорит о том, какие страсти обуревают всех, когда речь заходит о доказательстве существования континента, вызывающего столько любопытства из-за нехватки информации о нем.

Любопытно, что именно геологи, минералоги, ботаники, зоологи и антропологи менее всех сомневаются в существовании Атлантиды. Они воздерживаются от каких-либо суждений о цивилизации атлантов, но полагают, что платоновский миф соответствует реальности, которую можно найти, если систематически исследовать регионы Атлантики.

Действительно, в Атлантике, походов в которую упорно избегали мореплаватели древности, острова, находящиеся на предполагаемом месте этого континента, имеют вулканический характер, что придает правдоподобие вере в оседание окружающей почвы. Проблема в том, чтобы научно доказать, что такое оседание произошло, и уточнить когда. Так вот, в конце прошлого века при прокладке подводного кабеля, когда вели промер глубины в сотне километров к северу от Азорских островов, с океанского дна подняли остроконечные и угловатые куски базальтовой породы. Тогда ученые заявили, что этот камень не мог в такой форме затвердеть под водой и что это затвердение неизбежно должно было происходить на воздухе. С другой стороны, шероховатость, явные изломы фрагментов показывали, что они не подвергались длительному воздействию ни

атмосферной, ни морской эрозии. Значит, на этом месте, где теперь глубина три тысячи метров, найдено доказательство провала почвы, который произошел очень быстро и очень недавно. Была ли это Атлантида?

В другой научной отрасли всегда отмечали, что между фауной Азорских островов, Мадейры, Канарских островов, островов Зеленого Мыса, Антильских островов и Центральной Америки есть аналогии, которые можно объяснить только континентальным единством этих разных территорий в не столь уж давнюю эпоху. Надо отметить, что, если эти территории до относительно недавнего времени были соединены с Америкой, они гораздо раньше отделились от Африки, хотя она совсем рядом. Поэтому полагают, что в так называемый миоценовый период эта ныне исчезнувшая земля существовала, соединяясь на севере с Испанией, на юге с Мавританией и продолжаясь к западу до Бермудских и Антильских островов.

К тому же, судя по тексту Платона, в Атлантиде были слоны. А ведь известно, что слоны возникли в Америке в форме *пиротериевых*, тогда как на старом континенте не было ничего подобного. Чтобы они могли добраться до этого континента и дать в Африке потомство своего семейства, была необходима соединяющая их земля. Такое же наблюдение сделано в отношении лошадей, вся эволюция которых происходила в Новом Свете, после чего они перешли в другое полушарие и в конечном счете полностью исчезли на земле своего происхождения, пока их последних потомков не привез сюда человек.

Ботаники приводят свои доказательства, среди которых самый поразительный пример — это банан. Существование этого довольно парадоксального растения можно объяснить только с помощью гипотезы об Атлантиде. В самом деле, это *трава*, а не дерево, нечто вроде чудовищной лилии, состоящее целиком из листьев, без ствола, и на нем растут гроздья плодов весом по двадцать пять-тридцать килограмм, что противоречит законам природы и предполагает человеческое вмешательство в форме селекции. С другой стороны, если на Дальнем Востоке встречается дикорастущий банан, то при попытках его

разводить он не приносит плодов, а ведь известно, что растения становятся бесплодными в результате долгой селекции, проводимой с целью интенсивной эксплуатации. В общем, преувеличенные черты внешнего облика банана по сравнению с его основой — доказательство человеческого вмешательства. И в этой культурной форме банан существовал в Америке к моменту появления европейцев, тогда как в диком состоянии он в той же Америке нигде не встречается. Значит, он был ввезен. И тогда можно обратиться к гипотезе об Атлантиде: архипелаги Атлантиды, на которых растут культурные бананы, — не что иное, как оставшиеся над водой вершины гор исчезнувшего континента.

Есть что сказать и океанографам. Если рассмотреть атлантические течения на одних и тех же широтах, замечаешь, что они описывают контур подводного гребня, который заканчивается в Саргассовом море — море, заполненном водорослями, о котором упоминало столько мореплавателей древности и для которого, кстати, напрашивается сопоставление с *неподвижным морем*, описанным некоторыми авторами классической античности, даже если они, похоже, располагают его на северо-западе Европы. Кстати, показателен пример угрей: угри современной Европы совершают долгое и опасное путешествие в Саргассово море, чтобы отложить там икру. Как объяснить подобную удаленность рек, где они обычно живут остальное время и куда возвращаются их личинки после утомительного дрейфа, продолжающегося несколько лет? Ответ ясен: эти рыбы происходят от тех, что населяли реки и эстуарии северо-западного побережья исчезнувшей Атлантиды, в частности районы, где сейчас находятся Бермудские острова. Когда Атлантида с западной части начала уходить под воду, угри продолжали посещать прежние места нереста, двигаясь, как делают все мигрирующие виды, по руслу рек, в наше время отчасти оказавшемуся на морском дне. Когда Атлантида исчезла полностью, угри в течение веков откочевали обратно на континент. Но повадки угрей можно объяснить только с учетом этого факта.

Некоторые антропологи доказывают существование Атлантиды даже на основе изучения народа гуанчей, еще жившего на Канарских островах в момент их открытия европейцами и очень скоро истребленного в соответствии с добрыми принципами подданных его католического величества. Судя по тому, что известно, гуанчи были людьми высокого роста, с белой кожей, белокурыми волосами и светлыми глазами, то есть типа, ни в чем не походившего на людей африканских племен, живущих на тех же широтах. Так вот, если изучить их останки, можно заметить, что они очень похожи на останки людей кроманьонского типа — с удлинненным черепом, высоким лбом, коротким и треугольным лицом. Говорили даже, что они пересекли Сахару и достигли Юго-Западной Франции. В самом деле, при раскопках в некоторых местах Хоггара обнаружилось любопытное подтверждение этой гипотезы, прежде всего в месте захоронения таинственной царицы Тин-Хинан, еще почитаемой туарегами в наше время: в частности, рядом с одним женским скелетом среди многочисленных драгоценностей, золотых ожерелий и браслетов нашли статуэтку в чисто ориньякском стиле. Это не может оставить нас равнодушными. Во всяком случае, Пьер Бенуа серьезно изучил документы, прежде чем написать свой знаменитый роман об Атлантиде.

Некоторые лингвисты, опираясь на этимологию, пошли еще дальше. Они задались вопросом об истоках и смысле слова «Атлантида», происходящего от имени Атланта, хорошо известного мифологического персонажа. Похоже, что корень *atl*, необъяснимый с помощью индоевропейских языков, означает «вода» не только у древних ацтеков, но также и у многочисленных индейских племен Юты, Невады и Колорадо, а также Гватемалы и Никарагуа, — кстати, все эти народы приписывают себе общую страну происхождения, мифическое место под названием *Ацтлан*. Понятно, что такое совпадение только усугубляет таинственность. Исходя из этого, многие авторы ударились в фантастические вымыслы, доказывая происхождение из Атлантиды некоторых французских слов и многих топонимов, таких как *Секвана*, *Сена*, в отношении которой, впрочем,

доказано, что это не индоевропейское слово. Правда, с тех пор задачу прояснить тайну Атлантиды взяли на себя философы, прежде всего герметисты и эзотерики, даже ясновидцы и медиумы, а также серьезные радиоэкстрасенсы. Их выводы, которые они всегда преподносят как евангельские истины, а не в форме гипотез, как следовало бы, оставляют желать много лучшего. Но, в конце концов, разве не надо желать лучшего?

Вернемся к теориям, выдвинутым об острове Атлантида в прошлом. Еще в конце XVII века магистерскую диссертацию по проблеме атлантов опубликовал серьезный профессор Упсальского университета в Швеции Олав Рюдбек (1630–1702). Эта диссертация изображала Швецию его времени и только Швецию первоначальной колыбелью культа богов и цивилизации древних народов. Рюдбек дошел до утверждения, что Атлантидой была просто-напросто Швеция, а столица Атлантиды, упоминаемая Платоном, находилась прямо в окрестностях Упсалы. Его дело продолжил его сын, который пошел еще дальше, заявив, что Иафет и его родственники были первобытными жителями Скандинавии, а лапландцы — их потомки.

Намного позже, в 1888 году, доктор Верно в статье для журнала «Ревю съентифик» выдвинул предположение о связи между атлантами и кроманьонцами. По его мнению, все острова Атлантики имеют вулканическое происхождение — что неточно, судя по последним исследованиям, — и Канарские острова в третичный период находились под водой, а поднялись в результате вулканических процессов только в постплиоценовую эпоху. С другой стороны, он утверждает, что доисторическое племя так называемых кроманьонцев, когда-то населявшее долины Везера и Дордони, имело очень много сходства со знаменитыми гуанчами Канарских островов. Так вот, останки представителей этого племени кроманьонцев были найдены также в Испании и Северной Африке, когда производились раскопки в многочисленных дольменах Рокнии. Племя кроманьонцев переселилось с севера на юг в неизвестные времена, пройдя через Испанию в Северную Африку. Возможно, их потомками являются некоторые кабилы, поскольку их предания

утверждают, что неолитический некрополь Рокния, насчитывающий три тысячи могил, построен их предками. С другой стороны, некоторые из этих кабилов якобы имеют те же черты, что и гуанчи, то есть облик древних обитателей Дордони.

Впоследствии доктор Верно внес изменения в этот тезис, отвергнув отождествление Канарских островов с остатками исчезнувшего континента, и стал искать место для последнего в северо-западных регионах, в легендарной Гиперборее древних. Его аргументация проста: если существование больших подводных плато, находящихся на незначительной глубине, можно рассматривать как доказательство, что Старый и Новый Свет когда-то были соединены, то следы этой связи должно быть нетрудно найти на Севере. В самом деле, от пространства между Великобританией и Скандинавией начинается обширное плато, которое без разрывов тянется до Гренландии и Лабрадора. Если Атлантида существует, она, согласно доктору Верно, может находиться только в Северной Атлантике.

Датский ученый Фредерик Клее в своей книге «Потоп», вышедшей в 1842 году и переведенной на французский в 1847 году, выдвигает гипотезу, что Атлантида Платона — просто-напросто современная Европа, а ее обитатели, погибшие во время потопа, — это атланты, или титаны, греческой мифологии. И Клее защищает свою гипотезу, утверждая, что она дает ключ ко многим проблемам не только греческой мифологии, но и скандинавской. В самом деле, скандинавские мифы «имеют намного более прочную основу и обличают намного более тонкое понимание природы, намного более глубокое знание о легендарных временах, чем видит в них поверхностный взгляд и чем расположены считать скептические историки нового времени». Катастрофа Атлантиды имела характер наводнения, но цунами было вызвано в равной мере и вулканической деятельностью. Эту катастрофу предопределило смещение земной оси, и память о ней сохранили не только греческие или американские легенды, но также скандинавские и кельтские.

В самом деле, согласно тому же Клее, друидские предания (которые он знал по кельтоманским изданиям, мало заслужи-

вающим доверия) говорят, что потоп поглотил цветущие города и небольшому количеству людей и животных, спасшихся от потопа, убежищем послужили горы. Тогда разразился огромный лесной пожар, довершивший бедствие. Он распространился от Пиренеев, где зародился (название «Пиренеи» содержит греческое слово *πυρος* — «огонь»), с одной стороны, на Иберию, с другой — на Кельтику и от Севенн к Альпам до самых берегов Эридана. И здесь Клее ссылается на миф о Фазтоне.

Что касается скандинавских преданий, они рассказывают, что катастрофическое наводнение сопровождалось бурными извержениями вулканов и обширным волнением на море, когда под воду ушли многие земли, чтобы подняться снова. Тут Клее ссылается на одну песнь из «Эдды»: «Видит она [вельва]: вздымается снова из моря земля, зеленея, как прежде»¹. Развивая свою аргументацию, Клее упоминает, что египтяне верили: эклиптика, сначала параллельная экватору (что предполагает вечную весну и вечный Эдем), наклонилась в результате прохождения кометы, отчего смешались дни и ночи и перепутались времена года. Очевидно, что тем самым подтверждаются различные мифы об Эдемском саде.

Кроме того, северные мифологии нам показывают, что люди, выжившие в этой катастрофе, не веря, что земля может изменить свое место во вселенной, объясняли в своих рассказах эти перемены потрясениями Солнца и звезд. И он еще раз упоминает миф о Фазтоне: «Если вдуматься, насколько маловероятно, чтобы подобный миф, противоречащий правильно-му порядку вещей, мог возникнуть и существовать без особой причины». Следовательно, можно предположить, что империя атлантов включала Великобританию, Ирландию и соседние острова, а также Скандинавию, Нидерланды, Бельгию, Северную и Западную Францию, часть Германии и Швейцарии. И в заключение Клее говорит, что исчезнувшая Атлантида была чем-то вроде допотопной Британской империи.

¹ *Старшая Эдда* / Пер. А. И. Корсуна. СПб.: Наука, 2005. С. 15.

Тезис, выдвинутый Клее, далеко не абсурден. В самом деле, он опирается на многочисленные мифологические свидетельства, которые, о чем не всегда известно, очень часто хранят точные сведения о самых отдаленных во времени событиях в символической форме, которая, однако, поддается расшифровке. Чем строить гипотезы на основе очень невнятных слухов или мнимых «откровений», лучше отыскать самые древние источники информации и сопоставить их с результатами научных исследований. Только при такой постановке вопроса можно получить представление, чем в действительности была Атлантида.

Именно это попытался сделать один немецкий археолог, пастор Юрген Шпанут, соединив результаты своих исследований на местности со свидетельствами греческих и египетских текстов. Таким образом он определил, что столица Атлантиды не могла находиться в другом месте, кроме Гельголандской бухты, того острова в Северном море, название которого означает «священная земля». К тому же на этом острове возвышается скала с красными, черными и белыми полосами, как описал Платон. И местное предание, равно как старинные морские карты, помещает в районе Гельголанда очень древний храм, поглощенный морем и посвященный Поситу, то есть морскому божеству, аналогичному Посейдону, дорийская форма имени которого — Посит. Аргументация Юргена Шпанута не лишена весомости, и очень возможно, что его предположение — лучшее на нынешний день, если учитывать одновременно археологические и геологические данности и великие мифы, которые сохранила для нас традиция. Во всяком случае, это предположение ничуть не противоречит гипотезе, которая видит один из пережитков цивилизации атлантов в мегалитической цивилизации.

Пропустим другие теории, прогремевшие в свое время: Атлантида в Сахаре, Северной Африке, Азии, Эгейском море (остров Санторин), на равнинах юга России, Северном Ледовитом океане, Каспийском море, Балтийском море (которое возникло в результате недавнего затопления). Мимоходом

отметим гипотезу, выдвинутую в конце прошлого века, согласно которой спасшимися жителями Атлантиды, которая находилась посреди океана, оказываются баски, «в высшей степени таинственное племя», и другую, часто повторяемую, пересматриваемую и подправляемую, в соответствии с которой исчезнувшая Атлантида — это Луна: в результате столкновения Земли с кометой отломился кусок земной коры и улетел в небо, где стал спутником нашей планеты. Эти мнения не более несуразны, чем другие. Но, может быть, пора обратиться к самому источнику «мифа» об Атлантиде, то есть к тексту самого Платона.

Этот текст состоит из двух частей. Одну можно найти в «Тимее», а другую — в «Критии». Речь идет о сведениях, рассказанных Критием Сократу о его предке Солоне, якобы узнавшем многочисленные тайны во время пребывания в Египте благодаря любезности жрецов Саиса.

Начнем с извлечений из «Тимея». Согласно этому рассказу, Солон — мудрец, человек с благими намерениями, но египетский жрец ему доказывает, что тот многого не знает о событиях прошлого и прежде всего не умеет толковать мифы. В самом деле, вот что он сказал:

«Все вы юны умом... ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные, — из-за тысяч других бедствий. Отсюда и распространенное у вас сказание о Фазтоне, сыне Гелиоса, который будто бы некогда запряг отцовскую колесницу, но не смог направить ее по отцовскому пути, а потому спалил все на Земле и сам погиб, испепеленный молнией. Положим, у этого сказания облик мифа, но в нем содержится и правда: в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени все на Земле гибнет от великого пожара. В такие времена обитатели гор и возвышенных либо сухих мест

подвержены более полному истреблению, нежели те, кто живет возле рек или моря; а потому постоянный наш благодетель Нил избавляет нас и от этой беды, разливаясь. Когда же боги, творя над Землей очищение, затопляют ее водами, уцелеть могут волопасы и скотоводы в горах, между тем как обитатели ваших городов оказываются унесены потоками в море, но в нашей стране вода ни в такое время, ни в какое-либо иное не падает на поля сверху, а, напротив, по природе своей поднимается снизу. По этой причине сохраняющиеся у нас предания древнее всех... между тем у вас и прочих народов всякий раз, как успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих»¹.

Здесь из уст саисского жреца звучат два упрека мудрому Солону, хотя тот — представитель особо утонченной цивилизации. Сказано, что египетские храмы, защищенные от катаклизмов, сохранили больше документов о прошлом, чем все остальные храмы во всем мире, потому что следуют этой традиции несколько тысяч лет. Но другой упрек как нельзя более красноречив для того, кто хочет попытаться понять загадку Атлантиды. Не случайно саисский жрец — или сам Платон, как знать? — приводит этот упрек, прежде чем приступить к настоящему рассказу. В самом деле, что он говорит? Взяв в качестве примера сказание о Фаэтоне, он заявляет, что *за мифами скрываются исторические реалии*. Словом, он утверждает, что Миф связан с Историей и что очень часто, когда у нас нет исторических документов, необходимо обращаться к мифологии, то есть к ее расшифровке, которая действительно необходима,

¹ Платон. Тимей / Пер. С. Аверинцева. Все цитаты из Платона приводятся по изданию: Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. с. 426–427. — *Примеч. пер.*

если хочешь вникнуть в традиционную схему¹. Этот упрек справедлив во всяком случае, но особо для случая Атлантиды, о которой Платон в самом деле представит скорее мифологический рассказ, нежели исторический документ.

Платон очень хорошо знал, о чем шла речь. Традиция греческих философов допускает миф и вместе с тем воплощает его в повседневную реальность. В эллинистический период Плутарх, который был дельфийским жрецом, вот что сказал на эту тему: «Божество по природе своей не терпит ущерба и вечно, но под действием судьбы и некоего неотвратимого закона испытывает некоторые превращения. То, воспламенившись, оно преобразует свою природу в огонь и уподобляет все вещества друг другу. То принимает всевозможные формы разного качества и состояния, как в настоящем случае, и тогда оно образует то, что мы называем вселенной... Когда превращения бога приводят к упорядочению мира, *об изменении, которое претерпел бог, мудрецы говорят обиняками, как об исторжении и рассленении*, и рассказывают о неких смертях и исчезновениях божества, а потом о возрождениях и восстановлениях — это мифологические рассказы, изобилующие темными намеками на изменения, о которых я говорил» (О «Е» в Дельфах, 9).

Вот мы и предупреждены. Нам не следует забывать о том, что на самом деле кроется за мифологическими схемами повествования. При такой постановке вопроса Платон в самом деле может, якобы устами саисского жреца, сказать нам об Атлантиде: «Ведь по свидетельству наших записей, государство ваше

¹ Это метод, который всегда предпочитаю я: сопоставлять миф и историю, изначально исходя из того, что История часто возникает из воплощения, актуализации мифа, а Миф часто воспроизводит основную схему событий, которые имели место и которые он обобщает, чтобы лучше передать их потомству. Главное — не впасть ни в избыточный эзотеризм, принимающий все за символы, ни в ловушку рационализма, делающего различие между легендой и реальностью неустрашимым. Тем не менее очень просто было бы показать, что новейшие исторические события очень четко следуют схеме мифов, существовавших ранее.

[Афинское] положило предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря. Через море это в те времена возможно было переправиться...»¹

Текст восхитительно ясен. Записные апологеты Атлантиды, претендующие в наши дни на звание хранителей *мудрости атлантов* (как они говорят) и обычно аттестующие себя как сторонники ненасилия, поглощенные единственно наукой и философией, хорошо бы сделали, если бы почаще заглядывали в этот текст: атланты здесь выглядят народом откровенно агрессивным, желающим утвердить свое господство над средиземноморским миром. В общем их можно было бы сравнить с викингами раннего средневековья. Но, как и викинги, они должны были представлять какую-то цивилизацию, что не значит — обладать *мудростью*.

Притом наиболее важная деталь в этом отрывке — сообщение, что в то время можно было переправиться через Атлантический океан. Это доказывает, что к западу от Геркулесовых столпов лежала земля, не обязательно континент, занимавший всю Атлантику, — греки и египтяне не знали ее размеров, и им было неизвестно, что за ней есть еще континент, — но один или несколько островов, которые, во всяком случае, располагались не в Средиземном море. Эпоху Платон уточняет: за девять тысяч лет до времен Солона, то есть 9500–10000 год до н. э. Тем, кто верит (и старается всеми средствами всех в этом убедить), что Атлантида — это знаменитый (и туманный) континент Му, якобы находившийся в Атлантике в доисторические времена и соединявший Африку с Америкой, тоже было бы хорошо заглянуть в текст Платона. Событие отнесено для Востока к началу неолита, а для Запада к концу мезолита. Это утверждение, которое игнорировать не следует.

Изложив таким образом мотивы, Платон, по-прежнему устами саисского жреца, принимается описывать остров Атлантиду: «...еще существовал остров, лежавший перед тем проливом,

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 429.

который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые¹, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противоположащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такого названия (ведь море по эту сторону упомянутого пролива является всего лишь заливом с узким проходом в него, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком)»².

Сторонники Атлантиды, находящейся где угодно, кроме Атлантики, тоже прекрасно бы поступили, обратившись к этому рассказу Платона. Местоположение указано, может быть, не очень точно, но находится этот таинственный остров однозначно в Атлантическом океане. На этот счет не может быть никакой дискуссии.

Платон продолжает: «На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении»³. Жаль, что Платон не привел других подробностей о владениях атлантов на европейском континенте, но очень похоже, что эти владения соответствовали зоне распространения мегалитов — от Тирренского моря до Ирландии. Из этого параграфа, во всяком случае, следует, что остров Атлантида был сильным и могущественным государством, при нужде — агрессивным.

¹ Не надо обманываться: во времена Платона Ливией называлась узкая прибрежная полоса в Северной Африке, а под Азией подразумевалась только Малая Азия. Атлантида изображена не как колоссальный материк, а как большой остров, окруженный более мелкими островами.

² Судя по контексту, эта земля, окружающая пролив, — Европа. — Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 429.

³ Там же. С. 429.

В самом деле, атланты ринулись на завоевание остального Средиземноморья. «И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом свергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: всех превосходя твердостью духа и опытноостью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, но из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработен, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными»¹.

Во всем этом есть одна вопиющая несообразность: за десять тысяч лет до нашей эры Афин не существовало, и эллины еще не покинули колыбель первых индоевропейцев. Либо Платон все путает, либо намеренно сбивает с толку. Может быть, он смешал Афины с народом, который в свое время организовал борьбу против захватчиков. Или же эпоху этой войны следует отнести к концу бронзового века, то есть к 900–700 годам до н. э., когда первые эллины, которых называют ахейцами, поселились на Греческом полуострове. Преимуществом последнего варианта было бы то, что он придавал бы Атлантиде почти историческое измерение; но если бы это было так, нет никаких сомнений, что у греков, ахейцев или дорийцев, все-таки осталась бы какая-то память об этом. Тем не менее остается фактом, что атланты вошли в историю актом откровенной агрессии против народов Восточного Средиземноморья.

Далее следует очень сжатый рассказ о катаклизме, уничтожившем Атлантиду: «Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину.

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 429–430.

После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров»¹.

Очевидно, что на основе географических объяснений Платона остров Атлантиду вполне можно локализовать и напротив Гибралтарского пролива, и гораздо севернее — в районе Ирландии, или вообще в Северном море, у Гельгоlanda. Но из этого текста следует, что катаклизм — описанный очень хорошо, с землетрясениями и цунами — захватил и Грецию, поскольку, по словам саисского жреца, все афинские воины погибли. Разве что речь идет об афинских войсках — то есть войсках города, предшествовавшего Афинам, — которые бросились в погоню за атлантами и поэтому могли оказаться на атлантическом побережье Европы. С другой стороны, катаклизм был страшным и внезапным: *за одни ужасные сутки*. Понятно, что исчезновение острова Атлантиды повлекло за собой серьезные потрясения и что толчки ощутили даже в Восточном Средиземноморье.

При этом в тексте Платона есть одно любопытное указание — на море, ставшее несудоходным из-за ила, собравшегося в результате исчезновения острова Атлантиды. Платон вернется к этому вопросу в «Критии»: «[Остров] превратился в непроходимый ил, заграждающий путь мореходам, которые попытались бы плыть от нас в открытое море, и делающий плавание невыносимым»². Очевидно, это наталкивает на мысль о Саргассовом море. Но упоминания об этом непроходимом море мы встретим еще, и не только в средиземноморских преданиях. «Кудрун», скандинавская поэма, в двенадцатой песни описывает гору у пределов Запада, стоящую *посреди неподвижного моря*: имеется ли в виду замерзшее море в окрестностях таинственной Туле, или это память о непроходимом море Атлантиды?

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 429–430. С. 430.

² Там же. С. 503.

Есть и еще кое-что. Латинский историк Тацит, который благодаря своему тестю Агриколе прекрасно знал предания Великобритании и Северной Европы, приводит такие любопытные сведения: «Утверждают, что море там [в районе Шотландии] неподвижное и очень плотное, вследствие чего трудно грести; да и ветры не поднимают на нем волнения, полагаю, из-за того, что равнины и горы, в которых причина и происхождение бурь, здесь очень редки; к тому же и громада глубокого и безграничного моря медленно и с трудом раскачивается и приходит в движение» (*Жизнеописание Юлия Агриколы*, 10)¹. Описание достаточно яркое и согласуется с текстом Платона, и это неподвижное море запросто можно поместить в Северное море, между Шотландией и Данией, а значит, недалеко от Гельго-ланда. Однако в «Германии» Тацит предпринимает еще одну попытку описать море, которое он располагает на севере, за землей свионов, германского племени: «За свионами еще одно море — спокойное и почти недвижимое, которым, как считают, опоясывается и замыкается земной круг, и достоверность этого подтверждается тем, что последнее сияние заходящего солнца не гаснет вплоть до его восхода и яркость его такова, что им затмеваются звезды, да и воображение добавляет к этому, будто при всплытии солнца слышится шум расступающейся пред ним пучины и видны очертания коней и лучезарная голова» (*О происхождении германцев и месторасположении Германии*, 45)². Речь идет о том же море, но здесь интересно упоминание бога, поднимающегося из волн. Соблазнительно видеть в этом память о знаменитом храме, посвященном богу морей и находившемся в море близ Гельголанда. Кстати, этот «морской» бог, которым мог быть Посейдон, — еще и светозарный бог. В «Критии» Платон скажет, что основал Атлантиду сам Посейдон, но предупредит, что греческими именами он передает имена чужеземные. Следовало бы выяснить, кто скрывается под именем «Посейдон».

¹ Тацит, Публий Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История*. М.: Ладомир. 2001. С. 430–431.

² Там же. С. 481.

Здесь можно было бы вспомнить гиперборейского Аполлона, нисходящего раз в девятнадцать лет в Стоунхендж.

Во всяком случае, это неподвижное море возбудило любопытство античных хронистов. Грек Полибий, в основном автор осторожный и серьезный, в связи с этим обрушивается с нападками на фокейского мореплавателя Пифея, остающегося самым известным среди тех, кто поставлял сведения этим хронистам. Вот что он пишет: «Сей последний [Пифей] обманул многих. <...> К этому он присоединяет известия о Туле и соседних с нею странах, где будто бы не было ни земли в отдельном существовании, не было ни моря, ни воздуха, но была какая-то смесь из всего этого, похожая на морское легкое; по его словам, в этой смеси земля, море и вся совокупность предметов находились в висячем положении, эта смесь есть как бы связь всего мира, не переходимая ни посуху, ни по воде»¹ (Полибий, XXXIV, 5). Даже если Полибий в это не верит, это очень любопытная подробность. О чем речь идет на самом деле? Трудно сказать. Не преминул затронуть эту тему и Плиний Старший. В самом деле, он пишет об «острове, где весной волны выбрасывают на берег янтарь. В северном океане, который Гекатей называет Амальхейским морем там, где этот океан омывает Скифию, это название на языке местных народов означает „застывший“. Филемон утверждает, что кимвры называют это море *marimaruse*, то есть „мертвое море“» (Естественная история, IV, 27). Упоминание о янтаре могло бы навести на мысль, что это «мертвое море» находится в Балтийском море, но это крайне маловероятно. В самом деле, слово «Скифия» вносит путаницу в греко-латинскую терминологию, потому что иногда означает Ирландию (Скотия, страна скоттов, слово, каким позже будут называть уже Шотландию). То же относится к слову «кимвры»: некоторые античные авторы так называют кельтов. Кстати, слово *marimaruse* — бесспорно кельтское и действительно означает «мертвое море».

¹ Цит. по: Полибий Всеобщая история / Пер. Ф. Мищенко. М.: АСТ, 2004. Т. 2. С. 403.

Из всего этого следует, что где-то недалеко от Британских островов, либо в районе Ирландии, либо между Шотландией и Ютландией, произошла природная катастрофа, вызвавшая, может быть — на ограниченное время, образование моря, заполненного илом и несудоходного. О нем упоминают греческие и латинские авторы. Память о нем, как мы увидим, сохранили и кельты, оно вновь появится в их легендах — в истории города Ис и других сказаниях того же типа, возникших в Ирландии и Великобритании. На самом ли деле речь здесь идет об Атлантиде?

Вернемся к Платону — самому полному и самому древнему нашему источнику. В «Критии» он с готовностью распространяется обо всем, что касается Атлантиды. К сожалению, рукопись, где содержится «Критий», неполна, она не имеет окончания, и поэтому то, что Критий рассказывает Сократу со слов Солона, прерывается. Итак, Критий начинает: «Прежде всего вкратце припомним, что, согласно преданию, девять тысяч лет тому назад была война между теми народами, которые обитали по ту сторону Геракловых столпов, и всеми теми, кто жил по сию сторону. <...> Сообщается, что во главе последних вело войну, доведя ее до самого конца, наше государство [Афины], а во главе первых — цари острова Атлантиды...»¹

Это подтверждение сведений из «Тимея». Но, если мы правильно понимаем, атланты эту войну вели не одни, коль скоро они стояли «во главе» других народов. Возможно, они привели с собой народы, которые уже покорили. Подобная практика часто наблюдалась веками. Далее Критий подтверждает и другие данные: «Как мы уже упоминали, это некогда был остров, превышавший величиной Ливию и Азию, ныне же он провалился вследствие землетрясений и превратился в непроходимый ил, заграждающий путь мореходам, которые попытались бы плыть от нас в открытое море, и делающий плавание невысказанным»². Следуют рассуждения о положении в Афинах в

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 503.

² Там же. С. 503.

то время и мифологическое повествование о том, как великие боги делили землю: «Сделали они это без распрей: ведь неправильно было бы вообразить, будто боги не знают, что подобает каждому из них»¹. Пропустим рассказ о *мифическом* основании города Афины и сразу перейдем к описанию Атлантиды.

Прежде всего Критий делает замечание первостепенной важности: «Но рассказу моему нужно предпослать еще одно краткое пояснение, чтобы вам не пришлось удивляться, часто слыша эллинские имена в приложении к варварам. Причина этому такова. Как только Солону явилась мысль воспользоваться этим рассказом для своей поэмы, он полюбопытствовал о значении имен и услышал в ответ, что египтяне, записывая имена родоначальников этого народа, переводили их на свой язык, потому и сам Солон, выясняя значение имени, записывал его уже на нашем языке. Записи эти находились у моего деда и до сей поры находятся у меня, и я прилежно прочитал их еще ребенком. А потому, когда вы услышите от меня имена, похожие на наши, пусть для вас не будет в этом ничего странного — вы знаете, в чем дело»². Надо запомнить это утверждение о преобразовании варварских имен в греческие: Критий очень на этом настаивает, не только чтобы заранее оправдаться от обвинения, которое могли ему предъявить, но и потому, что описание, которое он намерен привести, рискует оказаться искаженным, *пройдя через два языка* — египетский и греческий. Незачем говорить, что такой подход в античности был распространенным: Цезарь, перечисляя галльских богов, одаривает их латинскими именами. Таким образом, Критий — не простачок, попавшийся на обман: он использует греческие имена действующих лиц просто ради удобства, а также потому, что он — равно как и Солон — не знал их подлинных атлантских имен. Это еще и предостережение, поскольку описание, которое будет предложено грекам, сделано в греческом духе, точно так же как Солон услышал его в египетском толковании. Значит, нельзя

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 503.

² Там же. С. 507.

ничего воспринимать буквально и при необходимости следует корректировать услышанное, зная, что все кажущееся греческим — не более чем преобразование. Это предварительное замечание Крития следует отметить особо, потому что и до сих пор Атлантиду изображают страной с чрезвычайно изысканной архитектурой, которую создала цивилизация, очень похожая на греческую. Не будем забывать, что этот рассказ был написан так, чтобы его могли понять афиняне IV века до н. э., и что эти люди не имели ни малейшего понятия об аутентичном воссоздании элементов отдаленной истории.

Итак, Критий принимается за долгое и обстоятельное описание Атлантиды: «Сообразно со сказанным раньше, боги по жребию разделили всю землю на владения — одни побольше, другие поменьше — и учреждали для себя святилища и жертвоприношения. Так и Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины...»¹

Заметно, что привычки богов не меняются тысячелетиями: все они начинают с того, что велят строить себе святилища и учреждать жертвоприношения. Так, немало современных городов было основано Девой Марией или каким-нибудь святым, который во время своего предполагаемого появления потребовал, чтобы в его честь возвели храм: так было в Лурде, так было в Лизье, так было в Паре-ле-Мониаль, так было в Сент-Анн-д'Оре и, конечно, в Фатиме. Переложим это прозой: при основании государства или административной структуры на какой-то территории класс духовенства немедленно дает о себе знать и обеспечивает себе значительные доходы. При всем том Посейдон, которому досталась Атлантида, остается фигурой очень загадочной. Если египтяне, а потом греки изобразили его Посейдоном, значит, он имел какое-то отношение к морю и мореплаванию. В самом деле, мы увидим, что атланты — смелые мореплаватели. Но это не значит, что упомянутый бог атлантов обладал всеми чертами Посейдона. Атланты, насколько

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 507.

можно судить, не были индоевропейцами. Что делать хорошо известному богу индоевропейской традиции у народа, который мало того, что не был индоевропейским, да еще и якобы жил на берегах Атлантики почти за девять тысяч лет до прихода индоевропейцев? Значит, этого Посейдона атлантов надо оценивать крайне осторожно, хоть и признавая за ним функцию, связанную с мореплаванием — и бурями (греческий Посейдон, не забудем, был также богом бурь и гроз, богоравному Одиссею об этом кое-что известно!).

Продолжим рассказ Крития: «От моря и до середины острова простиралась равнина... красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая. На этой горе жил один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землею, по имени Евенор, и с ним жена Левкиппа; их единственная дочь звалась Клейто. Когда девушка уже достигла брачного возраста, а мать и отец ее скончались, Посейдон, воспылав вожделием, соединяется с ней...»¹

Очень интересно вот что. Евенор и Левкиппа — дети, произведенные на свет землей. Значит, это *теллурические* божества, связанные с почвой, которой они управляют и которую занимают. Появляется чужак, Посейдон, который не принадлежит к тому же племени, потому что он — уранид, небесный бог. Значит, чтобы обеспечить легитимность своей власти над Атлантидой, он обязательно должен вступить в брак с представительницей прежней теллурической власти. В таком случае их дети будут законными наследниками. Можно отметить, что перед нами миф об основании страны, явно идентичный мифу об основании Галлии Гераклом-Гаргантюа, который женился на юной Галатее, дочери царя Алезии, и имел от нее сына по имени Галат, ставшего родоначальником галлов. А если рассмотреть все в более символическом плане, имеется в виду особый союз Неба и Земли, создание общества, обладающего как свет-

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 507–508.

ской, так и духовной организацией, со своими производящими классами и своими классами интеллектуалов и духовенства. Мифы, оформляясь в виде исторического рассказа, всегда отражают состояние общества в зависимости от конкретной эпохи.

«Тот холм, на котором она обитала, он укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, а водных — три) все большего диаметра, проведенными словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга. Это ограждение было для людей непреодолимым, ибо судов и судоходства тогда еще не существовало. А островок в середине Посейдон без труда, как то и подобает богу, привел в благоустроенный вид, источил из земли два родника — один теплый, а другой холодный — и заставил землю давать разнообразное и достаточное для жизни пропитание. Произведя на свет пять раз по чете близнецов мужского пола, Посейдон взрастил их...»¹

Что здесь поражает, так это спешка, с какой Посейдон укрыл юную Клейто в центре острова в неприступной крепости с тремя кольцами ограды. Описанная таким образом крепость немного напоминает большие мегалитические святилища, какие встречаются в Бретани (Гавринис, Диссиньяк и Барненез) и в Ирландии (Нью-Грейндж). Во всяком случае, эта крепость была построена не по греческому и не по египетскому образцу. Конечно, факт изоляции Клейто во дворце с четкими пределами отражает определенное стремление к элитарности: правящие и подданные не должны смешиваться. Но это может также означать, что Посейдон, узурпировав власть, вызвал к себе враждебное отношение со стороны населения. Укрыв Клейто в крепости, он укрылся туда и сам. И главное, он сделал из Клейто символическую владычицу, *мать* сообщества, которое он создавал. Это представления, которые позже будут встречаться и у других народов, в частности у кельтов. Что касается деяния Посейдона, источившего из земли два родника, это хорошо известный фольклорный и агиографический сюжет: в бретонских

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 508.

легендах очень редкий святой основатель, явившись на новую землю, не источил бы из нее родник, ударив посохом. Схема истории, рассказываемой Критием, соответствует всем канонам жанра.

Однако надо задуматься о союзе Посейдона и Клейто. Не ученый ли это дублет союза Посейдона и Амфитриты? Известно, что этот бог влюбился в nereиду Амфитриту, но та, желая остаться девственной, постоянно убегала от него. В разных версиях легенды в действие вступает либо дельфин, либо человек по имени Дельфин, отправляющийся на «розыски» Амфитриты. Во всяком случае, дельфин или Дельфин доставляет Амфитриту Посейдону, дав тому возможность жениться на ней. У них рождается сын по имени Тритон. Эта легенда вызывает любопытство постольку, поскольку толком не ясно, какое божественное существо скрывается в облике дельфина. Известно, что дельфин — один из спутников Аполлона. Известно также, что в Дельфах, пока Аполлон не убил змея Пифона, отправляли культ как Матери-Земли, так и Посейдона. А еще известно, что название «Дельфы» происходит от слова «дельфин». В таком случае не был ли Дельфином сам Аполлон? Во всяком случае, между Аполлоном и Посейдоном существует связь, почти сообщничество, которую можно соотнести с загадочным Аполлоном, спускающимся раз в девятнадцать лет в соляное святилище Стоунхендж.

После своего поселения на острове Атлантиде и после того как Клейто родила близнецов, Посейдон «поделил весь остров Атлантиду на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения как наибольшую и наилучшую долю и поставил его царем над остальными, а этих остальных — архонтами, каждому из которых он дал власть над многолюдным народом и обширной страной. Имена же им всем он нарек вот какие: старшему и царю — то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто первым получил тогда царство, было Атлант. Близнецу, родившемуся сразу после него и получившему в удел крайние земли острова со

стороны Геракловых столпов вплоть до нынешней страны гадиритов, называемой по тому уделу, было дано имя, которое можно было бы передать по-эллинически как Евмел, а на туземном наречии — как Гадир»¹.

Все это требует размышления. Прежде всего имя Атлант, данное старшему сыну, очень удобно для объяснения названия острова. Но надо вспомнить, что в греческом мифологическом сказании Амфитрита, скрываясь от Посейдона — и дельфина, — нашла убежище в горах Атланта; там-то гонец — и сообщник — Дельфин нашел ее и наконец уговорил согласиться на брак с богом. Далее, примечательно, что первая чета в лице Посейдона и Клейто производит на свет близнецов. Нельзя не вспомнить о Диоскурах, то есть о Касторе и Поллуксе, которые в Индии (под именем Ашвинов) представляют скорее третью функцию, в кельтских странах — вторую, у греков и латинян — это покровители мореходов. Так вот, любопытно отметить, что после римского завоевания культ Диоскуров был неизвестен романизованным галлам, *кроме жителей атлантического побережья Арморики*, иначе говоря, венетов, которые очень их почитали и утверждали, что *они прибыли сюда по морю* (Диодор Сицилийский, IV, 56).

Однако «от Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в котором старейший всегда был царем и передавал царский сан старейшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду, и они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было все необходимое, приготовляемое как в городе, так и по всей стране. Многие ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, и в их числе то, что ныне известно лишь по названию, а тогда существовало на деле: самородный орихалк, извлекавшийся из недр земли в различных местах острова и по

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 508.

ценности своей уступавший тогда только золоту. Лес в изобилии доставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населяющих болота, озера и реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее, все благоволия, которые ныне питает земля, будь то в корнях, в травах, в древесине, в сочащихся смолах, в цветах или в плодах, — все это она рождала там и отлично взращивала. Притом же и всякий нежный плод и злак, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, и разного рода овощи, а равно и всякое дерево, приносящее яства, напитки или умещения, например, непригодный для хранения и служащий для забавы и лакомства древесный плод, а также тот, что мы предлагаем на закуску пресытившемуся обедом, — все это тогда под воздействием солнца священный остров порождал прекрасным, изумительным и изобильным»¹.

Вот это уже полная чепуха. Очевидно, что все это описание взято из мифологических рассказов о «Счастливых островах», чтобы не сказать — о мифическом острове Авалоне или Эмайн Аблах, одной из составных частей Иного Мира у кельтов. Атлантида имеет совершенно райский облик, и это, несомненно, потому, что Платон хочет подчеркнуть, как легко здесь было жить и что жители не всегда пользовались этим себе во благо: из-за мифолога уже выглядывает моралист. Но если это идиллическое описание можно рассматривать как пересказ всего, что было написано о Счастливых островах, то намного интересней продолжение, где речь идет о деятельности обитателей Атлантиды и о странных занятиях, которым они предавались:

«Прежде всего они перебросили мосты через водные кольца, окружавшие древнюю метрополию, построив путь из столицы и обратно в нее. Дворец они с самого начала выстроили

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 508–509.

там, где стояло обиталище бога и их предков, и затем, принимая его в наследство, один за другим все более его украшали, всякий раз сясь превзойти предшественника, пока в конце концов не создали поразительное по величине и красоте сооружение»¹.

Это значит, что династию, основанную Посейдоном, теперь признали: между царским жилищем и остальной страной возникла связь, и более не было изолированной крепости в центре острова, где бог ревниво охранял законную наследницу царской власти. Теперь власть царя не оспаривается, и он может править народом, деятельность которого, похоже, была направлена на море.

«От моря они провели канал в три плетра шириной и сто футов глубиной, а в длину на пятьдесят стадиев вплоть до крайнего из водных колец: так они создали доступ с моря в это кольцо, словно в гавань, приготовив достаточный проход даже для самых больших судов. Что касается земляных колец, разделявших водные, то вблизи мостов они прорыли каналы такой ширины, чтобы от одного водного кольца к другому могла пройти одна триера; сверху же они настлали перекрытия, под которыми должно было совершаться плавание: высота земляных колец над поверхностью моря была для этого достаточной. Самое большое по окружности водное кольцо, с которым непосредственно соединялось море, имело в ширину три стадия, и следовавшее за ним земляное кольцо было равно ему по ширине; из двух следующих колец водное было в два стадия шириной и земляное опять-таки было равно водному; наконец, водное кольцо, опоясывавшее находившийся в середине остров, было в стадий шириной. Остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев в диаметре...»².

Достоинство этого описания в том, что оно показывает: остров Атлантида был достаточно мал, и о континенте речь идти не могла ни в коем случае. Здесь удивляет явно выраженное

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 509.

² Там же. С. 509–510.

желание укрепить остров концентрическими стенами и также укрыть корабли — как от открытого моря, так и от солнца. По каким таинственным причинам? Правду сказать, не очень понятно, к какой цели здесь стремились, кроме создания крайне сложных оборонительных сооружений. Надо отметить, что подобные укрепленные острова встречаются в ирландских преданиях, например, в рассказе «Плавание Мэлдуина», где герой и его спутники причаливают к острову, разделенному на четыре части четырьмя стенами: золотой, серебряной, бронзовой и хрустальной. Там их принимает таинственная женщина — фея или богиня — и преподносит им чудесный напиток, от которого они забывают обо всем.

Но это не все: «Этот остров, а также земляные кольца и мост шириной в плетр цари обвели круговыми каменными стенами и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова и в недрах внешнего и внутреннего земляных колец, а в каменоломнях, где с двух сторон оставались углубления, перекрытые сверху тем же камнем, они устраивали стоянки для кораблей. Если некоторые свои постройки они делали простыми, то в других они забавы ради искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть; также и стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности обделали в медь, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком, испускавшим огнистое блистание»¹.

Если воспринимать этот рассказ буквально, то это набор нелепостей. Прежде всего в предполагаемую эпоху, то есть более чем за девять тысяч лет до Солона, был еще каменный век и металлов, тем более меди, не знали. К тому же невозможно поверить в реальность столь исполинских работ: речь идет, конечно, о сакральной архитектуре, о месте, которое было в то же время и святилищем, одновременно земным и морским, поскольку отмечается, что проникнуть с моря на земли

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 510.

невозможно. Разве что это в образной и вычурной форме рассказывается о землях, отвоеванных людьми у моря, освоенных наподобие полейдеров и дренированных при помощи соответствующих каналов. Об этом надо будет вспомнить, рассматривая бретонскую легенду о городе Ис, который также, похоже, занимал сложное положение между землей и морем. Надо также вспомнить, что постоянно путали два народа: венетов Морбиана и венецианцев Венеции. Так вот, эти два народа действительно назывались одинаково и были непревзойденными мореплавателями. Это не может не вызывать вопросов.

Однако этот остров со столь странной архитектурой сам по себе не является храмом: «В самом средоточии стоял недоступный святой храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной, и это было то самое место, где они некогда зачали и породили поколение десяти царевичей; в честь этого ежегодно каждому из них изо всех десяти уделов доставляли сюда жертвенные начатки. Был и храм, посвященный одному Посейдону, который имел стадий в длину, три плетра в ширину и соответственную этому высоту; *в облике же постройки было нечто варварское*. Всю внешнюю поверхность храма, кроме акротериев, они выложили серебром, акротерии же — золотом; внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь изукрашенный золотом, серебром и орихалком, а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями и головой достающий до потолка, вокруг него — сто Нереид на дельфинах (ибо люди в те времена представляли себе их число таким), а также и много статуй, пожертвованных частными лицами»¹.

Тут очевидное противоречие: такое богатство и такое количество украшений не соответствуют варварскому облику храма. Похоже, саисские жрецы, первоисточники информации, и сам Критий, пересказавший ее в греческом духе, дополнили

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 510–511.

кое-что от себя. Весьма распространено мнение, что все греки — лжецы или, скорей, фантазеры. Очень хорошо известно, что о знаменитом «отступлении [Анабасисе] десяти тысяч» Ксенофонт рассказал с большими преувеличениями: тропами, какие описал философ-хронист, провести десять тысяч человек невозможно. Известно также, что Павсаний, рассказывая о так называемом взятии Дельф галлами Бренна, лишь перелагает рассказ о штурме этого святилища персами. Впрочем, прежде чем живописать историю Атлантиды, Критий не забыл сказать, что будет излагать ее в греческой манере.

При такой постановке вопроса достаточно удалить прикрасы, чтобы выявить основную схему. Речь идет об укрепленном острове, по которому можно было двигаться при помощи каналов. Таким образом, жил на нем народ мореплавателей. В центре находится храм, что совершенно нормально. Во французских деревнях центр поселения всегда составляет церковь. Но этот храм, особенно в предполагаемую эпоху истории атлантов, мог быть только *варварским*. Тогда напрашивается лишь один образ: *святилище наподобие Стоунхенджа или Карнака*. Если убрать золото, серебро и весь металл, если убрать завитушки, остается главное: гигантская статуя бога в центре и вокруг бесчисленные статуи, в том числе и пожертвованные частными лицами. Не были ли эти статуи, если опять-таки удалить прикрасы, просто-напросто столбами, более или менее обтесанными (мы ведь даже не в неолите), более напоминающими менгиры, чем шедевры греческого классического искусства? Все это описание, если его избавить от излишеств, неоспоримо напоминает большие мегалитические ансамбли Ирландии, Великобритании и Франции, особенно Стоунхендж и Карнак. Главное — уточнить: мы не хотим сказать, что храм Атлантиды был построен по образцу Стоунхенджа и Карнака, — мы предполагаем, что Стоунхендж и Карнак могли в какой-то мере быть возведены по образцу, который когда-то существовал на исчезнувшем острове Атлантиде.

Все остальное восторженное описание Крития сделано в той же манере. В священных рощах — холодный и горячий источ-

ники, от которых отведены каналы и которые дают воду для всех нужд города, питают царские купальни, купальни горожан, в других местах — купальни для женщин, а еще в других — для лошадей. Эти струящиеся воды становятся настоящими реками, впадающими в гавани тройного порта, которые наполнены готовыми к отплытию триерами, лодками и торговыми судами, пришедшими со всех концов света и защищенными от моря широкой стеной. Опять-таки нельзя не вспомнить о городе Ис, который был защищен от моря монументальной дамбой. Не была ли легенда об Исе воспоминанием об Атлантиде?

Роскошь Атлантиды, описанная таким образом Платоном на основе предания, изложенного Солоном, вызвала к жизни немало комментариев и столь же много вздора. Философ Рудольф Штейнер, у которого все-таки бывали удивительные догадки и который очень часто выказывал немалую мудрость, даже написал в 1918 году, что во времена Атлантиды «растения выращивались не только затем, чтобы служить пищей, но и затем, чтобы дремлющую в них энергию можно было использовать на транспорте и в промышленности. Так, у атлантов были установки, позволявшие преобразовывать ядерную энергию, заключенную в семенах растений, в энергию, допускающую техническое применение. Таким образом приводились в движение летательные экипажи атлантов, двигавшиеся на небольшой высоте». В конце концов, почему у атлантов не могло быть собственной энергии? Беда в том, *это ничего этого нет в тексте Платона*, которому часто приписывают все измышления эзотериков новых времен. Оценить эти вымыслы по достоинству можно просто при помощи здравого смысла: если в трех гаванях острова Атлантиды действительно стояли суда со всего света, особые технические изобретения атлантов были бы если не переняты другими народами, то по меньшей мере известны им и о них неизбежно сохранилась бы память. Одно из двух: либо Атлантиды никогда не существовало, а Платон — мифотворец, либо Атлантида была страной, как другие, может быть, немного богаче благодаря мореплаванию,

которым активно занимались ее жители, и существовавшей в последнюю стадию мезолита. Что до «мудрости атлантов», она выглядит весьма заурядной: будь атланты мудрецами, философами и учеными всякого рода, зачем бы они так заботились о постройке циклопических укреплений и защите кораблей настоящими тоннелями?

Однако Критий, ненасытный до подробностей, продолжает описание острова: «Было сказано, что весь этот край лежал очень высоко и круто обрывался к морю, но вся равнина, окружавшая город и сама окруженная горами, которые тянулись до самого моря, являла собой ровную гладь...»¹ Эта равнина в изобилии производила все, что пожелаешь. Урожай с нее даже снимали дважды в год, «зимой получая орошение от Зевса, а летом отводя из каналов воды, источаемые землей»²: имеются в виду каналы, которые атланты прокопали для ирригации своих земель. Все это опять-таки напоминает описания Чудесного Острова или Маг-Мелл, Долину Фей из ирландских преданий, однако с рационалистическим оттенком, коль скоро речь заходит об ирригации.

Разумеется, согласно тексту Платона, политическая и общественная жизнь организована по образцу окружающих стран: «Каждый из десяти царей в своей области и в своем государстве имел власть над людьми и над большей частью законов, так что мог карать и казнить любого, кого пожелает; но их отношения друг к другу в деле правления устроились сообразно с Посейдоновыми предписаниями, как велел закон, записанный первыми царями на орихалковой стеле, которая стояла в средоточии острова — внутри храма Посейдона. В этом храме они собирались то на пятый, то на шестой год, попеременно отмеривая то четное, то нечетное число, чтобы совещаться об общих заботах, разбирать, не допустил ли кто-нибудь из них какого-либо нарушения, и творить суд»³.

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 512.

² Там же. С. 513.

³ Там же. С. 513–514.

Конечно, это теократическая система: верховный бог-основатель правит через посредство своих потомков и является высшим гарантом закона. Впрочем, прежде чем выносить решения, десять царей совершали сложные ритуалы, в состав которых входили принесение в жертву быков, коллективные молитвы и торжественные клятвы; «когда... наступала темнота и жертвенный огонь остывал, все облачались в прекраснейшие иссиня-черные стóлы, усаживались на землю при клятвенном огневище и ночью, погасив в храме все огни, творили суд и подвергались суду, если кто-либо из них нарушил закон; окончив суд, они с наступлением дня записывали приговоры на золотой скрижали и вместе со стóлами посвящали богу как памятное приношение»¹.

Здесь на первый взгляд — вопиющее противоречие: с одной стороны — утонченная цивилизация, невероятные богатства, технология строительства, которая кажется фантастической для того времени, и, согласно некоторым толкователям, неведомые энергии, с другой — цари сидят на земле, рядом с жертвенными кострами, совершая ритуалы, которые выглядят скорей примитивными. В самом деле, культ у атлантов — варварский культ, мало соотносящийся с греческой утонченностью, сквозящей в остальном рассказе. Этот культ, похоже, намного ближе к тому, что мы знаем о доисторических обрядах, таких как обряды мегалитических народов, чем к сложным священнодействиям греков.

Но Платон точно знает, к чему ведет: «Столь великую и необычайную мощь, пребывавшую некогда в тех странах, бог устроил там и направил против наших земель, согласно преданию, по следующей причине. В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью,

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 1994. С. 514.

презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ»¹.

Да, есть над чем посмеяться. Те, у кого в изобилии золота, всяческих богатств, яств и напитков, лучше всех говорят о добродетели и о презрении к благам мира сего. Как получается, что моралистами всегда оказываются те, кому не надо думать о выживании? Притом как бы мог народ атлантов, о котором говорится, что они жили в чудесной стране, где урожаем собирают дважды в год, куда приходят суда со всего света, жить в таком презрении к богатствам, почитая их за бремя? Либо Платон над всеми издевается, либо рассказывает что-то несуразное. Но ведь на этом вздоре серьезные комментаторы построили теорию о «мудрости атлантов», которой нам прожужжали все уши.

Хуже того. «Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладавал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила»².

Полная несообразность. Безудержная жадность и сила закипели в атлантах уже давно, потому что без этого они не дали бы себе труда завоевать страны атлантической Европы, которые, согласно тексту самого Платона, они подчинили еще в начале своей истории. Что значит этот внезапный приступ принципиальности? Из мифолога Платон становится моралистом, а это не та роль, которая дается ему лучше всего.

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 1994. С. 514–515.

² Там же. С. 515.

Тем не менее цель остается вполне ясной. Между моралистом и палачом мало разницы. Между теократией и инквизицией существует преемственность. «Книга Бытия» приводит нам известные примеры этого в эпизодах Содома и Гоморры, а также потопа. Может быть, аристократический класс и властвует над обществом за счет вооруженной силы, которую он представляет, но он ни на что не способен без согласия и поддержки класса духовенства: тот во всех обществах оставляет за собой последнее слово. Это ясно и четко видно в христианском средневековье. Это очень ясно видно в кельтском обществе, где царь не может говорить на собрании раньше друида. Это еще в большей мере приобрело характер догмата в индийской мифологии, которая воспроизводит в этом глубинную ментальную структуру индоевропейцев: Митра и Варуна составляют нераздельную и необходимую пару. В силу самой своей функции поддержания связи между Небом и Землей — по крайней мере ссылаясь на это в оправдание своих действий, — класс духовенства берет на себя право судить виновных и призывать на них, хотя бы на тех, кого оно считает таковыми, самые суровые кары божества, от имени которого выступает.

Это и произошло в отношении Атлантиды. «И вот Зевс, бог богов, блюдуший законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из их обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...»¹

Поскольку рукопись «Крития» здесь обрывается, мы никогда не узнаем содержания речи Зевса перед олимпийцами. Но об этом нетрудно догадаться: «Караем сих дерзких атлантов, которые возомнили себя господами мира и решили презреть богов...» Речи такого рода хорошо известны и тысячелетиями

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль. 1994. Т. 3. С. 515.

повторяются без изменений. Тогда понятно, почему «за одни ужасные сутки... Атлантида исчезла». Землетрясения, цунами, поражающие людей без разбору, не могут быть не чем иным, кроме как выражением божьей кары. На жителей Атлантиды обрушились бичи божии, потому что те решили завоевать мир. В конце концов, строители Вавилонской башни были наказаны смешением языков за то, что решили завоевать небо, и то же произошло с охотником Нимродом, чье трагическое вознесение так великолепно описал в «Конце Сатаны» Виктор Гюго. Очень хорошо известно, что замыслы Бога глубоки и таинственны; беда в том, что целый класс духовенства претендует на роль толкователей божьей воли и на то, чтобы подменять Бога, наказывая строптивых. Инквизиция сжигала еретиков или тех, кого она так называла. Класс духовенства во все времена использовал природные катаклизмы, чтобы укрепить свою власть над массами.

Тем не менее даже из рядов этого духовенства раздавались голоса, призывавшие прекратить узурпацию полномочий и не объяснять эти природные катаклизмы высшим божьим планом, в который включены и люди, хотя бы они этого или нет. Разве не это говорил Плутарх, дельфийский жрец, рассуждая о пожарах и потопах, которые отображают метаморфозы божества? А уже в XVII веке отец Кристоф де Вега излагал все это в терминах одновременно философских и мистических: «В начале сотворил Бог небо и землю (Иоакима и Анну). Земля же была безвидна и пуста (Анна была бесплодна), и тьма (печаль и смущение) над бездной (на лице Анны); и Дух Божий носился над водою (над слезами Анны, чтобы ее утешить). И сказал Бог: да будет свет (да будет Мария). <...> а собрание вод назвал *maria*, „морями“ (или Марией)». Курьезный текст, очень хорошо иллюстрирующий это намерение.

На самом ли деле существовала Атлантида? Не придумал ли ее Платон целиком, чтобы выступить в качестве моралиста? Конечно, нет. Он использовал более или менее путанные обрывки преданий, чтобы лучше изобразить образцовую страну. Проблема в том, что неизвестно, где лежит граница между

реальностью и вымыслом. Однако эта кара, которой Зевс подверг обитателей Атлантиды, виновных в забвении добродетели, заставляет вспомнить другую легенду — о городе Ис, также исчезнувшем под водой, потому что его жители забыли христианскую религию, впад в языческие заблуждения. Есть мифы, которые живут долго.

Глава II

АТЛАНТИДА И ГОРОД ИС

Из всех легенд армориканской Бретани история о городе Ис, его короле Градлоне и его принцессе Дауд или Аэс наиболее широко известна, но поскольку это произошло благодаря романтическому переложению Эмиля Сувестра, перенасыщенному модными литературными приемами, то эта история и менее всего понятна. Одним словом, это история города, поглощенного приливной волной по воле Бога, который пожелал покарать его обитателей за грехи. Но с учетом того, что эта легенда излагалась в христианской среде, такого подхода и следовало ожидать, и достаточно выявить христианские элементы и удалить их, чтобы, можно сказать, на поверхности вновь появились архаические сюжеты. Кстати, в Бретани распространено верование, что этот город только *уснул* под волнами и однажды он может пробудиться. Тогда, добавляет легенда, поглощен будет Париж, потому что Париж представляет собой антитезу Ису: название «Париж» (Paris), опять-таки по бытующим в народе мнениям, значит «par-Is», то есть подобный Ису, равный Ису.

Оставим игры словами и народные этимологии. Конечно, можно было бы толковать миф об Исе как миф о гинекократическом обществе — городом управляет принцесса Дауд, — противопоставленном обществу андрократическому, очевидный символ которого — Париж. Не будем поминать и египетскую Исиду, на которую то и дело ссылаются, когда разговор заходит об Исе или о Париже. Слово «is» на бретонском — произ-

водное от старинного слова, от которого произошло прилагательное *izel*, «низкий». Город Ис, *Ker-Is*, — это «Низкий Город». И некоторые тексты, описывающие этот город, изображают его построенным в низине и огражденным от ярости моря высокой дамбой. Это положение могло бы показаться странным, но тексты объясняют его наличием большого порта, разделенного на несколько гаваней, вероятно, с каналами, которые соединяют эти гавани с океаном. Там и находят укрытие корабли со всего света. Можно понять, что речь идет о городе, который построен вокруг своего порта и экономическая деятельность которого целиком основана на морской торговле.

Легенда, все-таки очень популярная, дошла до нас в отрывках, каждый эпизод которых иногда рассматривали как самостоятельный сюжет, в устных сказаниях, фольклорных песнях, некоторых агиографических текстах, хрониках, как хроника Пьера Ле Бо, историографа Анны Бретонской, а также в виде драмы XVI века на бретонском языке, имеющей дидактический характер, — «Мистерии святого Гвеноле», дошедшей до нас в двух версиях. При помощи всех этих элементов можно реконструировать нечто вроде *саги*, довольно странной и несколько «варварской», центральная фигура которой — король Градлон, вероятно, король Корнуэйля в IV или V веке. Этот Градлон-Мер, или Градлон Великий, имеет дочь по имени Дауд, которая как будто находится в конфликте с отцом по религиозным причинам: легенда ее изображает колдуньей, то есть ревнительницей старой религии, вероятно — друидизма, тогда как Градлон — христианин и старается вместе со своим племянником Гвеноле из Ландевеннека и своим другом Корантемом, епископом Кемперским, всюду проповедовать Евангелие. Имя «Дауд» происходит от галльского *Dagosoitís*, что значит «добрая колдунья». Иногда ее называют Аэс, смешивая с одним мифологическим персонажем из центра полуострова, на самом деле великаном по имени Оэс Бородатый Старик, известным по любопытной героической песни под названием «Песнь об Аквине». Имя Аэс можно встретить в традиционном названии римских дорог в Бретани — *an hent Ahès*, «дорога

Аэс», как на севере Франции есть «дороги Брунгильды», а на окситанском Юге — «дороги Брюннссан». Во всяком случае, если Градлон олицетворяет победоносное христианство, Дауд-Аэс — бесспорно символ языческого сопротивления. А в легенде Дауд — бесспорная правительница города Ис¹.

«Король Градлон насовсем покинул город Кемпер, который он оставил Корантену, и перенес свой двор в большой город, расположенный на берегу моря, между мысом Фонтене (коса Ле-Раз) и косой Крозон (мыс Ла-Шевр), где сейчас находится залив и бухта Дуарненез. И назывался этот город — Ис.

Оттуда он часто наезжал в Ландевеннек повидаться с Гвеноле, которому отдал свой замок Тевенок² в приходе Арголь со всеми угодьями и соседним лесом. В этом городе на морском берегу, который еще сохранял название Ис при короле Градлоне, втором бретонском короле Арморики, было известно искусство мореплавания через приливную волну. Купцы, ехавшие на ярмарки, в большом количестве выгружали здесь товары. Поэтому в городе бывало столько гостей и жило столько народу, поэтому он был столь велик и имел такую славу, что если галльские историки утверждали, что Парижу его название дано в честь Париса, сына троянского царя Приама, или в честь богини Исиды, которую там некогда почитали, то корисопиты³ хвалились, что данное ему название Париж означает „подобный Ису“».

Конечно, хотя дана точная географическая ссылка и указано время действия, налицо разительные аналогии между описанием города Ис и тем, что Платон рассказывает об Атлантиде, при сохранении всех соотношений и с учетом цивилиза-

¹ Легенду в целом по всем текстам и всем эпизодам, которые могут иметь к ней отношение, я попытался воссоздать под заголовком «Saga о Градлоне Великом» в книге: *Markale, Jean. La Tradition celtique en Bretagne armoricaine. 4e éd. P.: Payot, 1984. P. 60–108.*

² Речь идет о месте, где будет воздвигнут Ландевеннекский монастырь, один из центров кельтского христианства в армориканской Бретани.

³ Галльский народ в Корнуэйле, то есть в Южном Финистере.

ционного контекста. В последующих событиях сходство, связанное гораздо больше с духом, чем с буквой, становится еще более явным. В самом деле, город Ис якобы отвергает христианство, воодушевленный примером своей принцессы, и, главное, его жители не хотят следовать стезей добродетели, предпочитая удовольствия, которые приносит богатство. Поэтому «Гвеноле часто навещал короля Градлона в надменном городе Ис и весьма громогласно обличал мерзости, творившиеся в этом великом городе, который весь погряз в роскошестве, разврате и суетности. Но жители закоснели в своих грехах».

Эта их репутация развратников со временем только укреплялась. Иногда путники спрашивали: «Что нового в городе Ис, в то время как молодежь его так безумна, в то время как над гулом волн слышится звук гобоя и волынки?» И получали ответ: «Нет ничего нового в городе Ис: такие игры идут там каждый день. Нет ничего необыкновенного в городе Ис: такие игры идут там каждую ночь. Перед запертыми воротами церковью выросли кусты ежевики, а на плачущих бедняков натравливают собак. Дауд, дочь короля Градлона, с адским огнем в сердце, первая стремится к хаосу и увлекает за собой к гибели весь город». Тон задан. Если верить «Мистерии о святом Гвеноле», бесчинства все множились. Следует описание нескольких *проблемных* персонажей: юной испорченной служанки Мархарид, горожан Дурвы и Пике, священника-рenegата Мантара. Гвеноле, когда является проповедовать, едва избегает их ярости.

«Однажды, когда Гвеноле навестил короля, тот привел его на большую площадь города Ис. И Градлон обратился к толпе: „Дети мои, прошу вас хранить молчание! Мой племянник Гвеноле будет говорить перед вами“. И Гвеноле стал посреди враждебных групп и заговорил: „О народ, покинутый Творцом Небесным! Я пришел обратить вас, услышьте мои слова: просите прощения за ваши грехи, покайтесь от всего сердца! Не кичитесь изобилием богатств, ибо в них причина ваших преступлений! С вашим добром и всей вашей суетностью вы отреклись от Бога по причине ваших пороков, вашей похотливости, вы готовите себе место в адских колодцах!.. Увы! Если вас однажды

приговорят к адским мукам, вам придется страдать от кар в проклятом огне. Вашим напитком станет сера и расплавленный свинец, вашими спутниками будут все бесы¹. Вам надо изменить свою жизнь, вы еще можете это сделать, хоть времени осталось совсем немного. Попросите от всего сердца прощения у Бога и скажите Ему, что отрекаетесь от своей предосудительной жизни».

Подобная речь пришла не по вкусу обитателям Иса. «Гляньте-ка на этого человека, который портит нам веселье, — вскричал Пике, — а я вот заявляю, что мы не изменим своей жизни, и, наоборот, во всеуслышанье клянусь, что и дальше буду насиловать, буду красть и резать ближнего!» Юная Мархарид пошла еще дальше: «К чему думать о раскаянии? Сегодня мы живы; завтра, может быть, будем мертвы. Мы видим, что жители Иса умирают каждый день, и когда они больны, жить им остается недолго!» Что до священника Мантара, то он обрушился на Гвеноле: «А те, кто умирает, отправляются во Дворец Общества². И мы после смерти пойдем туда же. Значит, надо утешаться и получать удовольствие, ибо наше веселье в Ином Мире не будет иметь границ!» Гвеноле кинул реплику: «Как пастырь, присягнувший Богу, мог телом и душой предаться дьяволу?» Мантар расхохотался: «Как, бедный дурень, ты все еще веришь, что мы дети, готовые тебя слушаться? Я, так же как и ты, уверен, что нет чертей, чтобы мучить людей после смерти! Те, кого называют чертями, живут в этом мире: это те, кто дурно обращается с рабами, вынужденными зарабатывать себе на хлеб!»³

¹ Все это по духу соответствует некоторым фрескам бретонских церквей, в частности в Кернаскледене (Морбиан). В XVI и XVII веках проповедники возили с собой театральные труппы, изображавшие устрашающие картины ада, чтобы более впечатлять публику и иллюстрировать проповеди.

² На кладбище. Слова священника Мантара показывают, что он верит в загробную жизнь, но не в соответствии с догмами христианства.

³ Довольно любопытное заявление для Бретани XVI века: как будто слушаешь профсоюзного делегата XX века.

Жители продолжают поносить Гвеноле: «Возвращайся-ка проповедовать на свой амвон, аббат. Ты поднимаешь слишком много шума. Граждане Иса едва ли тебя уважают. Твои слова оскорбительны, и говоришь ты чересчур много!» Другой сказал: «Ты затем и пришел, чтобы ломать перед нами эту комедию? А мы любим девушек, ты нас не интересуешь. Мне незачем знать твои молитвы на ваннском наречии¹. Позор тому, кто тебя послушается!» Одна женщина сказала: «Я не хочу ни смиряться, ни стыдиться того, что обнимаю любовника. Каким бы ты желчным и суровым ни был, я буду пускать его к себе в гнездо, чтобы всякий раз, когда он приходит ко мне под бок, он находил это гнездо и крепко и нещадно бил, моя нежная любовь, ласковая и учтивая. Что до тебя, Гвеноле, то поди и повесься!» А другая женщина добавила: «Я пришла красиво, изящно одетой. Меня многие высоко оценят. Я лягу с какой угодно птицей, я буду резвиться с сыном его отца, я не откажу в добром обществе никакому мужчине и удовлетворю его желание, покорившись ему». Что касается Дурвы, он выразился предельно ясно: «Несмотря на твои слова, мерзкая язва, мы будем развлекаться и жить в удовольствии. Я буду танцевать, пить, бросать кости, ласкать девушек и тасовать карты». Жители хотят расправиться с Гвеноле, и Градлону с величайшим трудом удается спасти его от ярости толпы.

Оставшись наедине с королем, Гвеноле ему сказал: «Видишь, дядя, ни мужчины, ни женщины не придают значения моим словам. И поскольку я не могу их обратить, я покидаю тебя и оставляю здесь, с ними. Но, дядя, ты останешься с ними всего на трое суток: ибо на третью ночь все, что будет находиться здесь, в городе Ис, поглотит пучина. Бог свершит правосудие. И прежде чем покинуть тебя, дядя, хочу тебя предупредить: хорошенько прислушивайся, когда запоет петух. Он запоет в десять, и ты начинай готовиться. В одиннадцать будет вторая песня, и торопись покинуть город. На третьей песне

¹ Текст написан на корнуэйльском диалекте, а жители Корнуэйля с трудом понимают жителей Ванна.

тебе надо гнать коня галопом по горам и долам, не оглядываясь назад. А если тебе что-то помешает, я приду, чтобы пособить тебе при крайней нужде».

Итак, проклятие городу произнесено, почти как Атлантиде на собрании богов под председательством Зевса. На третий вечер священник Мантар, Пике и Дурва сидят в обществе Мархарид в таверне и пируют.

«Но снаружи пошел дождь и задул ветер. Мархарид сказала: „Что означает этот шум, от которого трясется весь дом? Сердце прыгает у меня в груди, я чувствую, что моя кровь кипит!“ — „Это ничего, — сказал Пике, — это ночной ветер, который принялся за старое. А я не боюсь ничего, когда в руке у меня бокал!“ — „Продолжим игру, — сказал Мантар. — Слышать шум ветра, гром, видеть молнии — что в этом необычного!“ — „В самом деле, — сказал Дурва, — гроза так часто гремит у нас над головами!“ И они вновь принялись за игру.

Этим вечером Дауд в обществе своих поклонников давала бал у себя во дворце. В золоте и жемчугах Дауд сияла точно солнце. „Радости вам в этом дворце, ласковые девы и галантные юноши! Радости вам и веселой ночи!“ — сказал, входя, некий принц. На принце было красное одеяние. Бороду он носил черную и длинную. Руки и ноги его были крепкими, а оба глаза — горящими.

„Добро пожаловать, чужестранец, — сказала Дауд с похотливым выражением, — да, добро пожаловать, если ты более всего искушен во зле!“ — „Тогда я встречу хороший прием, — ответил неизвестный, — потому что я так же искушен во зле, как и тот, кто его создал!“»

В христианском контексте этой легенды очевидно, что миссия покарать протклятый город могла быть возложена только на Дьявола или на одного из его верных слуг. Все происходит так, словно Бог, решив наказать жителей Иса, передает их «мирской руке», как говорили в свое время, когда инквизиция не хотела пачкать рук в крови осужденных. Оставленный Богом, город Ис отныне переходит под власть Дьявола, которому, впрочем, он отдал себя и ранее, творя зло.

Одна из версий легенды даже заходит намного дальше в описании настоящего шабаша, произошедшего тогда. Потанцевав с Дауд, красный принц сказал: «„Вы ничего не знаете, люди города Ис! Принесите мне священные сосуды из церкви, принесите мне крест Распятия, принесите мне освященную облатку, и вы увидите!“ Дауд ответила: „Это найдут в церкви моего отца, ибо мой отец верит в обманщика из Назарета!“ Туда сразу поспешили три человека. Они перевернули алтарь и взяли священные предметы в свои проклятые руки. Красный принц, увидев их, рассмеялся про себя и сказал: „Радости вам в этом жилище!“ Сначала он растоптал, разбив на тысячу кусков, сосуды, потом попрал ногами Распятие и плюнул на облатку. Далее, запев „Проклятие Кресту!“, он стал вращать всех остальных в танце на семь разных манеров — в танцах семи смертных грехов. И дворец затрясся, и грянул гром, и взгляды их исказились, ибо их поразил бледный огонь молний».

Вот прекрасный образец черной мессы. Эта версия текста относится к XIX веку, но имеет народное происхождение, то есть содержит архаические структуры, воспроизведенные во вкусе времени. Поскольку легенда неизбежно изложена в христианском контексте, кощунство в ней совершенно на своем месте: черная, а значит, проклятая месса знаменует окончательный разрыв с Богом. Таким образом Дьявол берет во владение принцессу и город, в котором она абсолютная владычица, а в конечном счете принцесса лишается власти в пользу сатанинских сил. Ничего другого не имеет в виду и Платон в своем рассказе, обращая внимание на то, что атланты отреклись от богов, забыли их или отвергли божественные заповеди, когда-то составлявшие их силу. Впрочем, во всех версиях легенды сохранилась интересная подробность:

«Когда святотатство было завершено, посланник злых духов остался один во дворце. Он приблизился к Дауд: „Моя милая ласковая крошка, — сказал он, — дочь Градлона, лучшая возлюбленная моего сердца, — не мог бы я как-нибудь взглянуть на ключ от шлюзов города Ис?“ — „Золотой ключ, — ответила она, — носит на шее мой отец, повесив на цепочку. Отец

теперь спит, и я не могу получить ключ“. Тогда он бросился к ее ногам, поцеловал ее прекрасную белую ручку и очаровал ее взорами, полными огня и слез».

Легенды все-таки всегда считаются с некоторыми реалиями. Конечно, можно было бы задействовать бурю и природный катаклизм. Но это, вероятно, уменьшило бы суровость наказания. Захват ключа, открывающего шлюзы, которые защищают город от океана, — знаменательный жест: игру действительно ведут дьявольские силы, не позволяющие городу, как обычно, отгородиться дамбой. И потом, тем самым подчеркивается хрупкий характер безопасности Иса: находясь ниже уровня моря, город некоторым образом отобран у моря покровительствующими ему силами и оказывается во власти стихии, как только эти силы перестают ему покровительствовать. К тому же значение символики ключа очевидно. Как пишет агиограф XVII века Альберт Великий, «эта история убеждает, что она [принцесса] взяла у отца ключ, который он носил на шее, как символ королевской власти». Ибо «королевская власть» значит «покровительство»: Градлон, храня этот ключ при себе, даже во сне, выступает в качестве Покровителя города, для которого является легитимным сувереном. А поскольку он представляет христианское общество, то последнему и вверен ключ. Но Дауд, представительница языческого — или так называемого языческого — общества, только что потерявшая верховную власть, доставшуюся «посланнику адских сил», стремится, таким образом, похитить символ, на который не имеет права.

«Не зная, что происходит, недалеко оттуда старый король уснул ночью в своем дворце. В голой комнате Градлона не было ничего, кроме распятия, принесенного очень дорогим другом — Корантеном, епископом Кемперским, ничего, кроме Евангелия, другого подарка святого человека — подарка Гвеноле, сделанного в знак приязни. Во сне старик был красив как ангел. Король Бретани спал, и седые волосы лежали у него на лбу, как корона. Тогда Дауд, злая принцесса, словно ослепнув от помутнения разума, вошла в комнату, не боясь Бога, чтобы

украсть ключ. Она прошла на цыпочках, молча, подошла к отцу и тихо, улыбаясь, сняла у него с шеи цепочку».

Что произошло дальше? Этого не говорит ни одна из версий легенды. Но вполне можно предположить, что Дауд передала ключ красному принцу, и тот поспешил открыть шлюзы города, которые согласно, по правде сказать, несколько сомнительному варианту, могли быть открыты, «если город попадет в руки врагов, чтобы впустить море и чтобы победители и побежденные погибли одной смертью». Нельзя удержаться от того, чтобы не сопоставить эти данности со сложной структурой Атлантиды, насквозь изрезанной каналами и защищенной от океана подобием огромной дамбы, которую следовало открывать, только чтобы пропускать корабли.

Жребий теперь брошен, и судьба наносит удар. «К десяти часам в первый раз запел петух. Король Градлон проснулся и позвал священника, который остался ему верен и которого звали Именео. „Увы! — сказал он. — Я слышу, поет десятичасовой петух. Пора нам готовиться, Именео, поспешим“. — „Государь король, я сделал все свои приготовления“. Время шло очень быстро, и Именео сказал: „Слушайте, я слышу — бьет одиннадцать!“ И снова запел петух.

„Это вторая песня, — сказал Градлон, — момент близок. Сядем на коней и побыстрее покинем город, чтобы бушующее море нас не захлестнуло. Нам надо спешить, пока время еще есть!“ А время шло очень быстро. Петух запел в третий раз. Именео сказал: “Во имя Бога, покинем прекрасный город Ис, ибо близится полночь и час расплаты!” Среди ужасного грохота бури пробило полночь».

И тогда город тонет: «Кто-то подъехал верхом на черном иноходце, который в галопе высекал искры из камня мостовой. Это был вестник Божий, посланный в Ис к королю, это был апостол веры, Гвеноле, которого любили бретонцы. Он приблизился с аббатским посохом в левой руке, с золотой епитрахилью на шее, с огненным диском на голове. Он подъехал к воротам дворца, где находился отец принцессы Дауд, и, не слезая с коня, святой человек воззвал в ночи громким голосом:

„Градлон! Градлон! Вставай! Скорей! Вставай, чтобы последовать за Гвеноле! Вставай, чтобы бежать от моря! Шлюзы города Ис открыты!“

Старый король, потрясенный, поспешил из комнаты. „Ко мне, ко мне, мой быстрый конь! — кричал он. — Увы, этот город обречен!“ И тотчас, на коне, он бросился вслед за своим очень дорогим другом. Они слышали, как позади них с ревом катится волна. Священник Исменео вскричал: „О! Я слышу за собой тревожные крики! Я должен увидеть, что вызвало весь этот ужас!“ Он оглянулся, но тотчас застыл и превратился в статую. Все, кто присутствовал при этом, не могли пошевелиться, скованные ужасом. Тогда проклятая принцесса, метавшаяся взад и вперед по городу Ис в поисках исчезнувшего любовника и бегавшая с разметавшимися волосами, услышала цокот копыт двух коней, которые галопом спасались от моря. В свете молний она со страхом узнала отца и святого человека. „Отец, отец! Если ты меня любишь, заberi меня на своем легком коне!“ И, ничего не ответив, нежный отец посадил дочь на круп коня. Но море тогда стало страшным. „Увы! — простонал Градлон. — Мне должно здесь погибнуть! Море настигает меня, а мой конь уже устал. За четверть часа Ис ушел под воду! Земля и дома, люди и животные — все поглощено, и вокруг меня простирается великое море. О Боже, мой создатель, я здесь погибну! На сей раз я низвергнут в середину большого канала!..“ Тогда Гвеноле, трепеща, воскликнул: „Градлон, во имя Бога, поспеши отринуть эту змею!“ Но отец, исполненный тревоги, обнимал грешницу. И святой человек свершил крестное знамение, коснувшись ее своим посохом. Любовница злого духа тотчас скатилась в яростные волны и погибла в той пучине, в которой едва не погубила короля — в том месте, которое сохранило название *Туль-Дауд*¹, или *Туль-Альхуэз*²,

¹ Народная этимология названия Тульдавид или Пульдавид близ Дуарненеза.

² Это можно перевести как *Дыра Аэс* или *Дыра Ключа*. Между именем «Аэс» и словом «ключ» на бретонском языке есть сходство, связанное, конечно, с пониманием символического значения, какое ключ имел для дочери короля.

то есть „Пролив Дауд“, или „Пролив Ключа“. И старый король слышал невдалеке громкий смех в ночи... К восходу солнца святой человек и Градлон поднялись на вершину Мене-Ома, той горы, подножие которой погружено в песок, а вершина вздымается к Дуарненезу. Отсюда король Бретани бросил взгляд назад; но там, где находился Ис с его десятью порталами, он не увидел ничего, кроме моря. „У меня был город из числа самых прекрасных, — сказал он, — но теперь от него ничего не осталось!“ Сердце его разбилось, и глаза наполнились слезами».

Однако город Ис не был уничтожен, если верить народным преданиям. «Говорили, что его остатки еще заметны в море, которое по старинному названию этого города и до сей поры (XVII век) называется Ис». Есть очень много историй о людях, сумевших тем или иным образом проникнуть в затопленный город; они видели там жителей, занятых своими делами, словно ничего не случилось, но те требовали от незваного пришельца монету или предлагали купить какую-то вещь. Если бы он что-то купил, город Ис поднялся бы из волн, такой же прекрасный и богатый, как некогда. Это рассказывали еще в прошлом веке по вечерам в конюшнях, где собирались на посиделки. В наши дни разве что некоторые искатели, археологи или водолазы находят вблизи косы Ван затопленные проезжие дороги, ведущие к руинам на дне моря. Может быть, город Ис здесь, и до него подать рукой? Некоторым хотелось бы в это верить, тем более что римские дороги, ведущие к косе Корнуэйль, в окрестностях бухты Усопших внезапно обрываются. Конечно, в этом месте было что-то, что потом исчезло.

Прибрежная полоса армориканской Бретани в течение веков претерпела изменения, это очевидно. Известно, что залив Морбиан, например, во время венецкой войны, в 56 году до н. э., был не более чем обширной трясинной, в которой прятались, едва поднимаясь над островками, крепости галлов. Почва во всем приморском Морбиане медленно оседает — на несколько сантиметров за век. Но и были и катастрофы, внезапные провалы земли, исчезновение больших территорий, как, например,

произошло с лесом Сисси, на месте которого теперь бухта Мон-Сен-Мишель.

Из документов, рассказывающих об основании аббатства Мон-Сен-Мишель около 708 года, можно понять: на месте, где сегодня находится этот большой залив с песчаным дном, когда-то рос обширный лес, который море сначала постепенно подмывало, а потом уничтожило совсем. Резкого катаклизма, конечно, не было, ни цунами, ни исчезновения, подобного исчезновению Атлантиды «за одни ужасные сутки», — земля постоянно оседала, и это место заливали воды моря. Как разнообразные тексты, так и наличие бывших римских дорог доказывает, что во времена завоевания Галлии суша простиралась до острова Джерси, тогда как вокруг плато Рыбников находились болота, лагуны и «гавани», аналогичные тем, какие существуют сегодня на севере Гранвиля. Еще в VI веке, если верить документам епископства Кутанского, жители одного селения, ныне затопленного, должны были поддерживать в хорошем состоянии, чтобы мог проезжать епископ, перекрытие, служащее мостом через морскую протоку, которая лишь одна отделяла Джерси от материка. Известно также, что в начале XV века остров Ориньи был соединен с Джерси перешейком длиной двадцать километров.

Из этого видно, как Армориканский полуостров изменил очертания с доисторических времен. А поскольку в легенде о городе Ис только сконцентрированы разные события, происходившие в течение тысячелетий доисторической эпохи, и встроены в историю, вполне можно представить, какое невероятное количество различных городов Ис по всему бретонскому побережью поглотила пучина. И народное предание о них не забывает. В Плугерно (Финистер) исчез древний город Толент недалеко от песчаного побережья Лилиа; правда, обстоятельства его исчезновения остаются загадочными, потому что неизвестно, был ли этот город сожжен норманнами или ушел под воду из-за оседания почвы после сильной приливной волны. В Сен-Мишель-ан-Грев, на границе департаментов Кот-дю-Нор и Финистер, есть город, поглощенный не морем, а песча-

ными дюнами, и с ним связана любопытная история о драконе, жившем в пещере, с которым знаменитый король Артур не мог справиться без поддержки местного святого — святого Эффлама. Но над этим краем и в самом деле реет тень святого Михаила. На юге Бретани, по ту сторону Луары, есть город Эрбож, поглощенный водами озера Гранлье. В долине реки Вилены, севернее Редона, есть город, утонувший в болоте, которое называют «Мюренским морем». В Эрки, в департаменте Кот-дю-Нор, под водой залива Сен-Брие в открытом море лежит древний город Насадо. Неясные предания сообщают, что некий великолепный город когда-то находился в окрестностях Карнака, а именно в направлении мыса Сен-Коломбан. Но там как раз песок имеет тенденцию наступать на море — ведь Киберон когда-то был островом, отделенным от материка. И если о городе на дне залива Морбиан не говорят, есть реальное и видимое доказательство его существования — затопление знаменитого кромлеха Эр-Ланник, говорящее о том, что почва действительно опускается.

Конечно, можно было бы вспомнить очень давние геологические события. Во время одной из крупнейших подвижек при всплытии европейского континента, в плиоценовую эпоху, то есть в относительно недавние времена, когда появились туры, слоны и лошади, Франция и Голландия были соединены с Великобританией и с Ирландией: все эти земли составляли обширный западный полуостров, по которому текли на север такие реки, как Рейн, принимавший в себя воды Эльбы, Темзы, Твида и Тея, прежде чем впасть в Северное море напротив Шотландии, и Сена, огромный поток, в который впадали Орн, реки Северной Бретани, в том числе Илль и Ранс, и все реки Южной Англии, прежде чем Сена впадала в Атлантику в виде широкого эстуария, протянувшегося от берегов Северного Финистера до берегов Корнуолла. Эти геологические реалии отчасти объясняют несчетные легенды об исчезнувших островах или городах — пусть даже для региона, до конца средних веков исторически никогда не знавшего настоящего градостроительства, слово *город* следует понимать в очень условном смысле.

Легенда о городе Ис отнюдь не уникальна. Она встречается не только на берегах Армориканского полуострова, но также в Великобритании и Ирландии. Похоже, кельтские легенды очень склонны запоминать природные катастрофы такого типа, часто объясняя их местью божества или сверхъестественного существа.

Так, в Уэльсе, в заливе Кардиган, есть местная легенда, идентичная легенде о городе Ис, — легенда о Гвиддно Гаранхире. Она пересказывается в одной поэме на валлийском языке, сохранившейся в «Черной книге Кармартена», а также в загадочных «Триадах острова Британии», состоящих из трех частей и содержащих впечатляющее количество преданий Уэльса и тех народов, которых называют бриттами, то есть бретонцев, корнуэльйцев и валлийцев. В самом деле, в «Триадах» можно прочесть следующее краткое изложение: «Трое пьяниц в душе Острова Британия. Третьим был Сейтхинин Веддв (Сейтхинин Пьяница), сын Сейтхина Сайди, короля Диведа (юго-запад Уэльса), который в своем опьянении выпустил море на Кантре'р Гаэлод (Низинный край): все земли и дома, что были там, погибли. Ранее там было шестнадцать крепких городов, самых значительных в Кимру (Уэльсе), не считая Каэрллиона на Висге (бывший римский лагерь, ставший одной из резиденций знаменитого короля Артура). Этот Кантре'р Гаэлод входил в состав владений Гвиддно Гаранхира, короля Каэрэдигиавна (Кардигана)». Это произошло при Эмрисе Влетиге (Аврелии Амброзии, первом покровителе Мерлина и дяде Артура, то есть около 480 года н. э.). Люди, избежавшие гибели в волнах, поселились в Ардудви, в краю Арфон, в горах Эрири (Сноудон) и других местах, ранее необитаемых.

Эта курьезная история может быть объяснена только при помощи поэмы, сохранившейся в составе «Черной книги Кармартена». Речь идет об источнике, который охраняет дева. Очевидно, возникает вопрос, почему источник охраняют, но можно понять, что он испускает воду в избытке и его необходимо перекрывать, чтобы вода не переливалась через край. Таким образом, именно эта задача и возложена на деву. Так вот,

однажды пьяный король Сейтхинин, проходя мимо источника, возжелал хранительницу и изнасиловал ее. Не сказано, получила ли дева от этого какое-либо удовольствие, но тем временем источник переполнился и вся местность оказалась под водой, а этот водоем соединился с морем в том месте, где сейчас находится залив Кардиган. И поэма подчеркивает, что было совершено кощунство:

Сейтхинин, поднимись, выйди отсюда и посмотри
На зеленые волны в боевом строю.
Море полностью покрыло земли Гвиддно.
Проклята будь дева,
Которая выпустила, застонав,
Хранительница источника, грозное море.
Проклята будь дева,
Которая выпустила, поборовшись,
Хранительница источника, опустошительное море...

В целом, у девы — хранительницы источника много общего с Дауд из легенды о городе Ис. Обязанностью Дауд — или, по крайней мере, ее отца Градлона — было хранить ключ, открывавший и закрывавший большие шлюзы города Ис. Дева из валлийской поэмы, даже если была изнасилована королем, пренебрегла своей задачей, и катастрофа не заставила себя ждать. Удивительное сходство: катаклизм, который можно было бы считать природным, вызвала женщина, пренебрегшая своими обязанностями. Вот почему в армориканской легенде ее отправляют к дьяволу, а в валлийской открыто проклинают. Нельзя забывать и текст «Разъяснения» из артуровской эпопеи, служащий вступлением ко всему циклу о Граале, где пьяный король Амангон насилует одну из хранительниц Грааля, которые раздают путникам чудесные напитки. Но, что примечательно, в валлийской легенде страну заливают морем, — кстати, название *низкие земли* (значение слова *Кантре'р Газлод*) соотносится с Кер-Ис, «низким городом», — как только источник, за которым женщина больше не следит, переполняется.

Совершенно идентичный сюжет можно найти в ирландской легенде «Появление озера Лох-Ней».

Эта история представляется нам не очень сложной. У одного короля Мунстера было два сына, Риб и Экка. Экка резко демонстрировал независимость по отношению к отцу и в один прекрасный день, «направляемый своей мачехой Эблиу, нанес тяжелую обиду отцу и бежал из Мунстера со всеми своими людьми. Его брат Риб и его мачеха Эблиу пошли вместе с ним». Конечно, нетрудно догадаться, какого рода «обиду» Экка заставил отца испытать. Тот факт, что его мачеха «направляла» его и сопровождала его в побеге, не оставляет никаких сомнений, отношения какого рода могла иметь Эблиу с пасынком. Эблиу была Федрой, не побоявшейся идти до конца.

Короче говоря, беглецы направились на север, и друиды им сказали: нежелательно, чтобы оба брата селились в одном месте. Несомненно, они опасались, что отношения между мачехой и пасынком скажутся на его брате Рибе. Итак, братья разошлись. Риб и его люди встали лагерем на равнине Арбтенн, «и там воды источника хлынули перед ними из земли и затопили их всех». Но то, что произошло с Эккой, выглядит более сложным и более странным. В самом деле, Экка и его люди достигли Бруга-на-Бойне, то есть Нью-Грейнджа — холма, где царствовал Энгус, Мак Ок, сын Дагды. Они там остановились отдохнуть. Энгус вышел к ним и велел незамедлительно покинуть это место. Но они предельно устали и поэтому не послушались его, установив свои шатры перед холмом Бруг. Энгус в ярости сделал так, что за одну ночь все их лошади пали, но на следующее утро, приняв упреки Экки и выразив сострадание, дал им лошадь в полной сбруе, чтобы они могли увезти свою поклажу. Однако Энгус дал Экке очень важный совет: «Следите, чтобы этот большой конь постоянно находился в движении, и не давайте ему ни мгновения отдыха, ибо иначе он станет причиной некой смерти».

Слова Энгуса довольно загадочны. По всей очевидности, данный конь был животным из Иного Мира, наделенным определенными способностями, которых не дано понять челове-

ческим существам. Экка и его отряд выступили вместе с конем и достигли равнины, где решили остановиться. Но когда каждый старался снять с коня свое добро, они забыли, что коня надо погонять. «И в тот момент, когда он остановился, из-под ног его забил магический источник». Экка был очень встревожен этим явлением¹ и, вспомнив предостережение Энгуса, велел построить вокруг источника дом и возвел рядом собственную крепость, чтобы иметь возможность лучше следить за ним. «И он выбрал женщину, чтобы заботилась об источнике, велел ей строго следить, чтобы двери были заперты, кроме как если за водой придут люди из крепости».

Впоследствии Экка получил верховную власть над половиной Ольстера. Вокруг крепости Экки заложили город. У него было две дочери, вероятно, от Эблиу, — Ариу и Либан. Ариу вышла за какого-то полусумасшедшего пророка — Кернана Простака. Этот Кернан повсюду ходил и расточал сетования, предсказывая, что однажды «из-за того, что есть источник, среди них появится озеро и надо срочно строить лодки». Он также предрекал смерть «всех живых существ на этой равнине, за исключением некоего Конанга, Либан и его самого». Он проносил пророческие тирады:

«Я вижу, как поднимается вода, широкий и глубокий поток, я вижу, как волна поглощает нашего вождя и всех его гостей, а также Ариу, мою возлюбленную — увы, я не могу ее спасти! Но Либан на восток и на запад будет долго плыть мимо океанских побережий, близ таинственных берегов и безвестных островков и приплывет в глубокий морской грот».

¹ В другом ирландском тексте (*Revue celtique*, XV, p. 481) та же история у Энгуса случается не с Эккой, а с Рибом. Лошадь ему дает Мидер из Бри Лейт, приемный отец Энгуса. Но этот конь начинает так мочиться, что Риб вынужден построить вокруг него дом. Через тридцать лет дом переполняется, и моча затопляет страну, образовав озеро. Этот рассказ можно сопоставить с многочисленными преданиями о Гаргантюа, который создает озера, когда мочится. В самой ирландской эпосе королева Медб в конце продолжительной битвы мочится так долго, что появляется настоящее озеро, которое с тех пор называется Фуал Медб — «Моча Медб».

Разумеется, как Кассандра в Трое — и как святой Гвеноле в городе Ис, — Кернан не встречал сочувственного внимания к своим словам, как бывало со столькими злополучными пророками, и все смеялись ему в лицо. «Тогда женщина, которой был доверен источник, в одном случае забыла запереть дверь... Вода тут же устремилась на равнину и образовала большое озеро... Экка, вся его семья и все его люди утонули, за исключением его дочери Либан, Кернана Простака и Конанга».

Аналогия с легендами о Кардигане и городе Ис как нельзя более отчетлива. Та же схема, та же история, та же роль играет женщина, которой поручено следить за угрозой, которую представляет вода — будь то море, сдерживаемое дамбами и шлюзами, или источник, который грозит переполниться. И, как в легенде о городе Ис, Либан — которая, несомненно, и есть та женщина, которой было поручено следить за источником, — не погибает, хоть воды и поглощают ее: «Она прожила целый год со своей собачкой в комнате под озером». Это известная тема подводного дворца, которая вновь возникнет в артуровских романах в связи с Вивианой, Дамой Озера. Через год Либан начинает скучать взаперти, что вполне естественно. Тогда она просит и молит Бога превратить ее в лосося, «чтобы она могла вместе с другими плавать в прозрачном и зеленом море. С этими словами она приняла облик лосося; только ее лицо и грудь не изменились». После этого она триста лет плавала, пока святой Конгалл не поймал ее, окрестив и дав ей имя Муирген («рожденная морем»). Будучи окрещена, она тотчас умерла.

Вполне очевидно, что эта Либан-Муирген — один из прототипов *мари-морган*, кельтских русалок, часто посещающих побережья и озера армориканской Бретани, по крайней мере в народных преданиях. Бретонские легенды изобилуют рассказами о встречах людей с принцессой Дауд в облике русалки, которая странствует меж двух вод в надежде, что город Ис вновь всплывет. Многое можно было бы сказать об имени Муирген (*morigena*), изначальном имени феи Морганы, древнего женского божества, жившего на чудесном острове (или в

гроте) в качестве феи вод или богини-матери. Принцессу Дауд и Либан поражает одно и то же проклятие — они незаконно-рожденные и даже плод кровосмешения; их магические способности делают их грозными и неуязвимыми, но у этих особенностей есть обратная сторона. Дауд — хранительница шлюзов города Ис. Либан — хранительница источника. В момент, когда они нарушают свой долг, они вызывают катаклизмы. Потому что как затопление города Ис, так и появление озера Лох-Ней, в точности как и исчезновение Атлантиды, могут происходить только в качестве наказания. Имел место проступок, и совершила его женщина. Жаль, что текст Платона не указывает такого проступка, совершенного жрицей или божеством атлантов. Но не приходится сомневаться, что в первоначальной схеме этого полуисторического, полупоэтического (одного без другого не бывает) рассказа обязательно было что-нибудь в этом роде.

Тем не менее распространенность сюжета об утонувшем городе в кельтских странах показывает, что для кельтов этот сюжет имел особое значение. И может быть, этот феномен небесполезно изучить в историческом, географическом и мифологическом контексте.

Латинский писатель Аммиан Марцеллин, цитируя утраченное произведение грека Тимагена, очень ясно заявляет: «Дракиды (друиды) рассказывают, что часть народа [галлов] действительно была коренным населением, но стеклись также *пришельцы с отдаленных островов* и из зарейнских областей, которые были изгнаны со своей родины частыми войнами и разливами бушующего моря»¹ (Аммиан Марцеллин, XV, 9). Вот два очень важных факта, которые, кстати, согласуются и с ображением греческого географа Страбона: «Ведь нельзя считать, — пишет он, — причиной превращения их [кимвров] в кочевников и разбойников то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным наводнением. <...> В действи-

¹ Цит. по: Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб.: Алетей, 2000. С. 77.

тельности они еще и теперь владеют той же страной, которую занимали раньше...»¹ (Страбон, VII, 2). О кимврах надо составить правильное представление: в эпоху Страбона кимвры действительно занимали территорию своего происхождения, южную часть Ютландии, и были германским народом, говорящим на кельтском языке (само слово *кимвры* имеет кельтское происхождение, сравни с названием Уэльса — *Кимру*, что значит «люди одной и той же страны»). Но до нашей эры и особенно во время, когда часть кимвров устремилась в Галлию и *Provincia Romana*, во времена Мария, неизвестно, что представлял собой этот причудливый народ: большинство авторов того времени отождествляло кимвров с кельтами. Следовательно, соображение Страбона означает, что в самом деле сложилось мнение: кельты пришли на крайний Запад, потому что из мест первоначального проживания их изгнали сокрушительные приливные волны.

В таком случае это придает вес гипотезе, что коренной миф кельтов, то есть миф о поглощении их земли морем, возник на основе исторической реальности — переселения кельтов вследствие катастроф на берегах территорий, где они проживали первоначально. Эти изначальные земли расположены в Центральной Европе, но некоторые кельты действительно на какое-то время осели в Ютландии и на балтийском побережье. А ведь доказано, что к концу бронзового века в Северной Европе происходили великие потрясения. Приблизительно в 1200 году до н. э. отмечается, судя по данным географии и геологии, понижение уровня всех озер, болот и лагун, что является признаком сухого и жаркого климата, установившегося вслед за сырым и холодным периодом. Вероятно, именно этой эпохой датируется постепенное высыхание тюркско-сибирского моря, от которого в наши дни остались только Каспийское и Аральское моря. В самом деле, все постройки, которые можно датировать этой эпохой, удалены от прежних

¹ Цит. по: *Страбон. География* / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир. 1994. С. 268.

береговых линий в направлении воды, присутствие которой всегда составляет необходимое условие проживания. Большие леса Центральной и Северной Европы поределели. В торфяниках Северной Германии и Швеции уровень сухой территории соответствует тому же периоду.

Похоже, это время расцвета так называемой культуры скандинавских проливов, совпадающей во времени с прибытием дорийцев в Грецию, с культурой полей погребальных урн в Западной и Центральной Европе и с армориканской культурой бронзового века, особенно богатой и примечательной.

А ведь после первого гальштаттского периода, то есть к 600 году до н. э., возможно — немного раньше, озерные поселения, как отмечено, были в спешке покинуты их жителями. В Северной Европе вновь быстро распространился влажный и холодный климат: в скандинавских торфяниках над сухим горизонтом находятся новые торфяные отложения. По всем побережьям Северного и Балтийского морей выходят из берегов болота, и вода заливаает прибрежную полосу. Археологические данные показывают перемещение больших масс населения, бегущих из затопленных зон и стремящихся на юг. Именно к этой эпохе следует отнести первую и наиболее значительную миграцию бриттов в Великобританию, отголоски которой слышатся в поздних, но любопытных валлийских преданиях.

Прежде всего это легенда о Ху Гадарне, повествующая о чем-то вроде потопа, устроенного чудовищем под названием *афанг*, возможно — гигантским бобром, который, согласно одной из «Триад», разрушил плотину пруда Ллион («волны»). Ху Гадарн при помощи своих рогатых быков вытащил *афанга* из пруда на сушу, после чего плотину больше не разрушали.

Далее — легенда о людях Галедина: «Третьим вторжением (на остров Британию) было вторжение людей Галедина, прибывших на лодках без мачт, без снастей, на остров Гвейт (*Vectis*, то есть Уайт), когда их страну затопило. Они получили земли народа кимру (валлийцев, но это слово может означать и бриттов до прихода саксов). Они не имели никакого права на остров Британию, но им дали земли и оказали покровительство

в следующих пределах: им выдвинули условие, что они не будут иметь права на привилегии истинных кимру первоначального племени до девятого колена». Это наводит на мысль, что, когда племена бриттов, предки бретонцев, прибыли на Британские острова, там уже существовало весьма значительное автохтонное население. Во всяком случае, бриттам пришлось искать прибежища на острове Британия вследствие катастроф, случившихся в местах, где они жили первоначально, а этими катастрофами бесспорно были оседания почвы на морском берегу вследствие землетрясений или больших приливных волн. Что касается автохтонного населения — должно быть, это были народы, жившие при бронзовом веке, и выжившие потомки народов мегалитов.

В любом случае при рассуждении об этих миграциях возникает вопрос, кого они затронули. Несомненно, кельтов. Но, возможно, не они одни испытали катаклизмы. Может быть, уцелевших жителей Атлантиды? Не совпадают даты. Вполне очевидно, что если бы катастрофа, погубившая Атлантиду, произошла только в 600–500 годах до н. э., Платон бы более ясно высказался на эту тему, да и другие греческие авторы написали бы об этом немало, а то и с точными данными. Но вполне возможно, что бриттские народы, бегущие из родных мест, поглощенных волнами, оказались у народов, которые тоже когда-то поселились здесь потому, что им пришлось бежать с первоначальной территории. Не забудем, что сказал Аммиан Марцелин, ссылаясь на Тимагена: *«пришельцы с отдаленных островов»*. Имеется в виду автохтонное население, которое кельты встретили, когда прибыли с востока и севера, чтобы поселиться в самых западных областях Европы. Но эти туземцы сами пришли *из-за моря*. Не были ли они потомками атлантов?

Этот вопрос заслуживает, чтобы его поставили. Во всяком случае, смешавшись с прибывшими кельтами-бриттами, туземцы образовали великие культурные сообщества с кельтской доминантой. Вот почему сборники кельтских легенд так изобилуют преданиями, говорящими о *природных катастрофах на побережье* и о *море как невероятном ужасе*.

Потому что кельты не моряки. Все они пришли с востока. Все они раньше или позже пересекли Рейн. Это жители сухопутья. И если они стали моряками, то намного позже, чтобы выжить, потому что их прибило к самой западной кромке Европы. Некоторые кельты еще открыто выражают страх перед всем морским. Из ужаса, испытываемого перед морем, вырос настоящий ритуал заклания волн.

Более всего сведений — опять-таки у Страбона: «Не прав также и тот, — пишет он, — кто сообщает, что, упражняясь в бесстрашии, кимвры (=кельты) выступают с оружием против наводнения, а кельты терпеливо позволяют затоплять свои дома и затем снова отстраивают их и что у них, как сообщает Эфор, больше людей погибает от воды, чем из-за войны»¹ (*Страбон*, VII, 2). Страбон обнаруживает изрядный скептицизм. Он ошибается: существование водного ритуала подтверждают другие авторы, например, Аристотель. В самом деле, в «Никомаховой этике» (III, 7) тот заявляет: «Если человек не страшится ничего, даже землетрясения, [даже поднявшихся волн,] как то рассказывают про кельтов...»² А в «Евдемовой этике» (III, 1) он добавляет: «Кельты брали оружие, чтобы идти против волн». Нет никакого сомнения, что речь идет о заклании, направленном на море. И это также явный показатель, что кельты — в том числе автохтонные народы, которые были завоеваны и кельтизированы, — хорошо помнили о выходах океана из берегов. Ничего иного не сообщает и одна любопытная валлийская поэма, приписываемая барду Талиесину:

Когда Амаэтон прибыл из страны Гвиддиона, Сегона к могучим
вратам,
Разразилась буря и длилась четыре ночи в самый разгар прекрасного
времени года.
Люди падали, деревья больше не давали укрытия от ветра с моря.
Мат и Гиведд, владыки волшебной палочки, отпустили стихии на волю.

¹ *Страбон*. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир. 1994. С. 268.

² Цит. по: *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 110.

Тогда Гвиддион и Амаэтон стали держать совет.
Они сделали кольцо, обладавшее таким могуществом,
Что море не могло поглотить их лучшие отряды.

(Поэма XV)

Тот же Талиесин (или тот, кто принял его имя) в загадочной поэме «Кад Годдеу» тоже намекает на катастрофическое наводнение:

Я был в лодке
Вместе с Диланом, Сыном Волны,
На ложе посредине,
Между коленей королей,
Когда воды, как неожиданные копья,
Упали с неба
В самую глубину бездны...

(Поэма VIII)

В Ирландии отголосок того же события тоже слышится во многих рассказах, и упоминается оно как одно из главных в истории человечества. Но, поскольку вся эпическая или мифологическая традиция представляет собой имманентную актуализацию, воплощение мифа, абстрактного и неподвижного, то всякий раз, когда миф обретает выражение, его главным героем становится конкретный персонаж, известный тому обществу, к которому обращаются авторы, и этого персонажа помещают в исторические или псевдоисторические обстоятельства, которые считаются той средой, где воплощается это событие.

В самом деле, знаменитый рассказ «Пир Брикриу» в число испытаний, которые должен выдержать герой Кухулин, чтобы доказать, что он, а не его соратники Лоэгайре и Коналл Кернах, достоин «доли героя», включает ночь бодрствования в крепости Курои мак Дайре. Эта ночь бодрствования состоит из столкновения с морским чудовищем. Морское чудовище — хорошо известное воплощение ярости волн: тараска в нижней долине Роны, хорошо известная по тарасконскому фольклору, представляет собой не что иное, как олицетворение бурных разливов Роны, а смиряет ее святая Марфа, почитаемая в

Авиньоне и в Арле. Итак, «этим вечером чудовище из озера, находящегося близ крепости, вознамерилось проглотить крепость со всем, что в ней находится, людьми и животными... Кухулин услышал, как воды озера вздымаются с великим грохотом, подобным гулу моря, взволнованного бурей. Сколь ни велика была его усталость, он пожелал узнать причину этого ужасного шума. Он увидел на озере чудовище, поднимавшееся над поверхностью озера на тридцать локтей. Чудовище бросилось, подскочило к крепости и раскрыло пасть, достаточно большую, чтобы проглотить все». Вполне очевидно, что это чудовище символизирует большую приливную волну. Надо также отметить, что волна эта поднимается не из моря, а из озера, под которым вовсе не обязательно надо понимать настоящее озеро: это может быть лагуна, болото или бухточка, вдающаяся в сушу, как *eyr* (множественное число от *aber*) Уэльса или армориканской Бретани или же *lochs* Шотландии, с которыми связано столько легенд и суеверий. Здесь нельзя не вспомнить знаменитое чудовище из озера Лох-Несс. Однако, как Гвиддион и Амаэтон, соответственно боги наук и сельского хозяйства в валлийской поэме, приписываемой Талиесину, так и герой Кухулин, сын бога Луга, то есть бога без определенной функции, «искусного во многих ремеслах», находит способ предотвратить катастрофу. Он успешно убивает чудовище, спасает крепость и, очевидно, получает заслуженную благодарность за подвиг. Кстати, известно, что для подвигов такого рода обычно требуются друидские знания: возможно, друид способен вызывать бури, способен он и унимать их. Ведь нет ни хорошего, ни плохого, ни белого, ни черного, а есть существа, наделенные исключительными способностями, которые могут быть поставлены на службу тому или иному полюсу.

Кстати, тот же Кухулин от роли защитника против поглощения перейдет к роли поглотителя, что произойдет в другой ирландской эпосе, дошедшей до нас, к сожалению, в очень неполном и запутанном виде. На этот раз жертвой станет Курои мак Дайре, нечто вроде бога Иного Мира, который находится в неоднозначных отношениях с героем Кухулином,

являясь в некотором роде его черным двойником, то есть зеркальным отражением.

У Курои есть жена — Блатнайт, которую он когда-то отобрал у Кухулина при довольно неясных обстоятельствах, во время похода, предпринятого, чтобы привезти с неизвестного острова котел, который мог быть одним из прототипов Грааля. Кухулин, не потерявший желания отомстить Курои, навещает Блатнайт в отсутствие мужа. Блатнайт благосклонно выслушивает предложения Кухулина, в которого она тайно влюблена, и соглашается предать Курои. В назначенный день, чтобы отвлечь внимание Курои, она моет ему голову в ручье и выливает в поток молоко, подавая условный знак Кухулину. С тех пор, поскольку топонимика всегда в своем праве, упомянутая река стала называться Финглайс, то есть «белое молоко». Однако Кухулин и его отряд вместе с королем Ольстера Конхобаром прибывают в окрестности этого места, и тут прозаический рассказ «Смерть Курои» прерывается четверостишием — несомненно фрагментом старинной поэмы, послужившей основой для самого рассказа:

Вышел к ним Курои мак Дайре.
Убил он сто человек, могучий воин;
Он сразился бы с Конхобаром,
Если бы его не поглотило морское чудовище...

Это, мягко говоря, не очень ясное четверостишие. Что за морское чудовище? Вероятно, то, которое раньше победил сам Кухулин в других обстоятельствах. Однако в прозаическом рассказе дается объяснение: «В тот момент, когда Курои хотел сразиться с Конхобаром, он увидел, что его крепость к северу от моря охвачена пламенем. Тогда он пошел к морю, чтобы ее спасти. Но вода была глубока, и он утонул». Тогда можно предположить, что Курои и его крепость погубила просто-напросто большая приливная волна, нахлынувшая после пожара (крепость в пламени).

Это важная деталь в том смысле, что в большинстве мифологических рассказов сюжет о нахлынувших водах следует

за событиями, где всегда реальную или символическую роль играет огонь. В случае смерти Курои это сочетание наглядно. Возможно, речь идет о чем-то вроде извержения вулкана, которое и вызвало волну. В истории города Ис это появление «красного принца», сатанического персонажа «с горящими глазами», который, обязав Дауд похитить ключ от шлюзов, вызвал затопление города. И так во всемирной традиции эти сюжеты постоянно сталкиваются, даже если, например, в древнееврейской Библии причинная связь между ними как будто исключена.

Речь идет о потопе. О нем говорят тексты всех преданий, описывают его и представляют божьей карой. Но сам по себе потоп невозможен без предшествующего засушливого периода. Это закон природы: за сухим периодом следует влажный и наоборот. Вода не появляется из ниоткуда, и всякое отступление моря означало просто конденсацию воды под воздействием зноя, то есть эта вода некоторым образом накапливалась, но всегда была готова выпасть обратно на землю. Словом, потоп логически объясним, если вспомнить миф о Фазтоне, и, конечно, не случайно Платон в «Тимее» от имени саисского жреца ссылается на этот миф.

В самом деле, сказка о Фазтоне учитывает некоторые потрясения, которые действительно происходили на нашей планете в эпоху, которую трудно датировать, но в которую должно было происходить смещение земной оси. Я вовсе не хочу утверждать, что во время безумного движения колесницы Солнца, плохо управляемой злосчастным Фазтоном, обгорела вся Земля, — воздействию солнечного излучения подвергся ограниченный регион, но это был регион, совсем непривычный к такой жаре: отсюда внезапная засуха и, следовательно, превращение в пустыню.

Напротив, другие регионы, которые были сухими и холодными или обладали умеренным климатом, внезапно перенесли увлажнение и даже испытали сильный холод. Потом тоже был не всемирным и затронул лишь очень ограниченные территории. Кстати, едва ли можно утверждать, что он был единственным:

история земли прекрасно знает многочисленные события такого рода, поскольку под воздействием некоторых комет ось Земли смещалась. Этим объясняются большие и малые оледенения. Этим объясняются некоторые аномалии, а именно тот факт, что в пустынях Гоби и Сахара когда-то были растительность и влага. Это могло бы дать аргументы тем, кто помещает Атлантиду в Сахару, но это ничего не доказывает.

История города Ис в том виде, в каком ее излагает кельтское предание, свидетельствует о реальных фактах, которые, должно быть, происходили в разные эпохи и были объединены в единый сюжет, наиболее показательный и также наиболее символический, приобретя в конечном счете совершенно фантастическое содержание. В самом деле, если исследовать легенду об Исе методом психоанализа, можно обнаружить родовой миф, то есть катастрофу рождения и подсознательное желание вернуться в воды материнской утробы, то, что называется *regressus ad uterum*¹: ведь город Ис не был разрушен, его только покрыли воды, и он готов в любой момент всплыть.

То же относится к Атлантиде. С момента, когда признали, что в тексте Платона содержится некая глубинная реальность, даже если добрая часть ее описания представляет собой миф и выдумку, эта глубинная реальность вошла в подсознание людей, разительное доказательство чего — многочисленность и разнообразие попыток найти, тем или иным способом, этот исчезнувший континент. Какая важность, где располагалась реальная Атлантида: она находится в нас, в нашем подсознании. Как легенда об Исе представляет собой основной миф кельтской традиции, точно так же и легенда об Атлантиде входит в состав человеческого бессознательного и, следовательно, всемирной традиции. События, поражающие воображение, проникают в сознание так глубоко, что последнее не может от них избавиться полностью и очень часто довольствуется тем, что вытесняет их в подсознание. Но, как известно, чем более событие вытесняется, тем более оно стремится дать о себе знать и в

¹ Возвращение в утробу (лат.)

таким случае принимает символическую окраску и форму, не обязательно соответствующие пережитой реальности, тем более если это событие произошло во времена рождения, в *illo tempore*¹, не поддающееся определению, но наделенное элементами, делающими его сакральным.

Нет никаких оснований сомневаться в существовании Атлантиды, как нет никаких оснований сомневаться в существовании одного или нескольких городов Ис в Бретани. Возможно, было даже несколько Атлантид, черты которых очищены, профильтрованы, схематизированы в рассказе Платона. Тогда возникает проблема выяснения, что видимого и осязаемого могло остаться от этих исчезнувших континентов, островов или городов.

Потому что всякое событие оставляет следы. Потому что после всякой катастрофы остаются выжившие. Эти-то выжившие в принципе и рассказывают в качестве очевидцев о том, что произошло. Потому столь же интересно выяснить, выжили ли какие-то атланты при катаклизме и кем они стали, как и узнать точное расположение Атлантиды.

В сфере, где История и Миф так безнадежно перепутались, ничего не известно наверняка и никогда не будет известно с абсолютной достоверностью. Тем не менее не перестают выдвигаться всевозможные гипотезы, какие только можно вообразить. Говорили, что атланты, спасшиеся после катаклизма, бежали в Америку и что это они — предки американских индейцев. Правда, эти теории выдвигались, когда еще верили в существование красной расы. И существовала тенденция рассматривать атлантов со всей их тайной как представителей некой высшей расы, достигших высокого уровня цивилизации, но утративших контроль над своими науками — отсюда их падение, квазиисчезновение и определенная попытка возродиться через посредство цивилизаций Мексики и горной цепи Анд. Ацтеки, тольтеки, майя были потомками атлантов и пытались с помощью своих роскошных памятников, порой возведенных

¹ То время (лат.).

на впечатляющей высоте, восстановить империю Атлантис? Почему бы нет? К сожалению, американские индейцы были людьми желтой расы и выходцами из Азии. И никогда не существовало «красной расы», о которой еще до Второй мировой войны писали в школьных учебниках.

Утверждали, что потомками атлантов были кабилы, а дальними родственниками — древние египтяне, что они принадлежали к некому хамитскому племени, очень непохожему на семитов. Разве египетские храмы не были самыми наглядными свидетельствами архитектурных познаний, которые атланты — блистательные архитекторы, если верить Платону, — оставили в наследство потомкам? Соблазнительная гипотеза, позволявшая объяснить величие египетской цивилизации, тем более что наши знания об Атлантиде, согласно тому же Платону, прошли через предание саисских жрецов. Беда в том, что до пирамид долины Нила существовали мегалитические памятники Нью-Грейнджа, Барненеза и Гавриниса и что это, вероятно, их образы после многочисленных изменений и переработок вдохновили создателей знаменитых пирамид. Тогда, если атланты оставили потомков, их, возможно, надо искать на берегах Атлантики, среди строителей мегалитов.

Говорили, что после катастрофы Атлантиды выжившие рассеялись по всему миру, двинувшись по берегам Средиземного моря, дошли до Индии и вернулись обратно — якобы это и были индоевропейцы, которых кое-кто предпочитал называть арийцами (с явно расистским оттенком) и которые, иногда не слишком сознавая это, передали обрывки культуры атлантов грекам, италийцам, германцам и кельтам. Почему бы нет? Но тогда какой из индоевропейских народов лучше всех сохранил это наследие? Ответы варьируются в зависимости от национальности отвечающего, и здесь объективному исследованию часто мешает пристрастность. Так, можно было услышать, что расой атлантов в чистом виде была германская раса. Могли утверждать, что это друидизм был самым совершенным проявлением атлантской традиции, пришедшей через запад и с величайшим тщанием сохраняемой еще и в наши дни. Однако

прежде чем делать такое категоричное заявление, следовало бы выяснить, что *представлял собой* друидизм.

Бесспорно то, что цивилизация атлантов — если принять постулат, что Атлантида была реальностью, — должна была оставить следы. Но какие следы? И кому она их оставила?

Все эти вопросы рискуют остаться без ответа, пока не будут обнаружены подлинные материальные следы.

Но можно, исходя из разных элементов, которые не всегда принимались в расчет, сформулировать гипотезы ограниченной применимости, исходя из того, что известно и что неизвестно, и стараясь не впадать в лирику и пророчества.

Эти два элемента вот какие: с одной стороны — мегалитические памятники, с другой — таинственный народ венетов. А поскольку самые грандиозные памятники мегалитической цивилизации находятся как раз на территории, где когда-то жил народ венетов, очень возможно, что между этими двумя элементами есть корреляция. В конце концов, то и другое в основном связано с берегами Атлантического океана, и, пока не будет получена более обширная информация, было бы более логичным искать потомков или наследников атлантов на побережье Атлантики, нежели на Урале.

Глава III

ПРОБЛЕМА ВЕНЕТОВ

Большие мегалитические поля Карнака, большие холмы Локмариакера и окрестностей находятся в самом сердце приморского края, некогда населенного галльским народом, который называют венетами, и след этого названия еще в наши дни обнаруживается в названии города Ванн (по-бретонски — *Гвенед*). Венеты когда-то занимали территорию, охватывавшую всю приморскую часть современного департамента Морбиан, полуостров Геранд в департаменте Атлантическая Луара и часть Корнуэйля (Южный Финистер) до реки Оде. По крайней мере, такой была ситуация во время, когда они вступили в историю, — в 56 году до н. э.

Уже два года как Юлий Цезарь во главе своих легионов навязал римскую власть большей части Галлии, включая Армориканский полуостров, населенный тогда, помимо венетов, нантскими *намнетами*, реннскими *редонами*, *курусолитами* Корсея и Динана, *осисмиями* Северного Финистера и *корисопитами* Южного Финистера. Римляне держали Армориканский полуостров под особым контролем, видя в нем стратегическую позицию первостепенной важности и нечто вроде узловой точки, позволяющей контролировать всю навигацию по океану между Испанией и Британскими островами. Вот почему Арморика подвергалась особо интенсивной романизации, была пронизана римскими дорогами, щетинилась военными постами и боевыми рубежами. Это особо тяжелое бремя римской оккупации и стало, несомненно, основной причиной восстания

56 года. Бесспорно, римское присутствие мешало основному народу Арморики — венетам, самым богатым и активным в этом регионе.

Когда Публий Красс, легат Цезаря, поставил седьмой легион на зимние квартиры у анжуйских *андекавов*, он разослал трибунов ко всем соседним народам за зерном. Эти «реквизиции» были не по вкусу галлам. И венеты, осознав общее недовольство, проявившееся в тот момент, воспользовались случаем. Их цель была ясна: организовать нечто вроде крестового похода против римских оккупантов и вернуть независимость, которая одна лишь, по их мнению, могла обеспечить им успех в делах. Венеты задержали как пленников двух римских трибунов, приехавших к ним за зерном, и заявили, что вернут их, только если получат назад своих заложников, которых они, как и все прочие галльские народы, были вынуждены отправить в Рим.

Это было сигналом. Соседние народы вмиг последовали примеру венетов, словно только и ждали этого акта, чтобы перейти в наступление. Между ними быстро возник союз, но, вероятно, согласованность их действий была плохой. Стали укреплять города, копить резервы. Весь флот сосредоточился у венетов, которые действительно выглядели и действовали как вожди этой морской конфедерации. Он вышел из Луары и дошел до Па-де-Кале, и в состав его входили корабли не только народов Армориканского полуострова, но и майеннских *диаблинтов*, *лексовиев* из земли Ож, *менациев* и *моринов* с севера. Помощи и содействия попросили даже у народов островной Британии — братьев и клиентов для народов конфедерации.

Цезарь, которого Красс сразу предупредил, счел ситуацию очень опасной. Не теряя времени, он приказал строить на Луаре военные корабли. Чтобы белги, на верность которых рассчитывать особо не приходилось, не ударили ему в спину, он послал Лабиена контролировать часть Галлии, где они жили. Чтобы помешать аквитанам послать подкрепления армориканцам, на другой берег Луары он спешно отправил Красса, что, кстати, позволило римлянам укрепить свои позиции в этом

регионе, еще очень плохо покоренном. В центр Нормандии он направил Титурия Сабина и разместил гарнизоны у *редонов*, чтобы держать под наблюдением тылы конфедерации. Изолировав таким образом восставших посредством удивительно верных решений, он отправился сам воевать с теми, кто был главной пружиной восстания, то есть с венетами.

Трудностей хватало. Если венеты «превосходили всех остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем»¹ (Цезарь, III, 8), римляне не умели плавать по океану и страшились его, приливы и штормы пугали их и часто приводили в замешательство. Корабли венетов были более плоскодонными, чем римские, и более пригодными не только для того, чтобы плавать на мелководье, но и чтобы выдерживать напор волн. Их паруса делались из кожи, а корпуса — из дуба, столь прочного, что римские тараны против них были неэффективны.

Цезарь действовал осторожно. Он не слишком рассчитывал на морские силы, зная, что венеты чувствуют себя в море очень уверенно. Поэтому он попытался взять свое на суше, нацелившись на города венетов. Но и тут он столкнулся с проблемой: крепости венетов «обыкновенно были расположены на конце косы или на мысу, и к ним нельзя было подойти ни с суши, так как два раза в день, через каждые двенадцать часов, наступал морской прилив, ни с моря, так как при наступлении отлива корабли терпели большие повреждения на мели»² (Цезарь, III, 12). И Цезарь решил ждать подхода новых кораблей, которые распорядился спешно строить на Луаре. Когда эти корабли подошли, венетский флот численностью в [двести] двадцать единиц внезапно вышел из одного порта и в боевом строю встал против римлян.

О месте этого столкновения много спорили. Сначала предполагали Большую Бриеру, потом, поочередно, — устье Ви-

¹ *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне* / Пер. М. М. Покровского. М.: День, 1991. С. 66.

² *Там же*. С. 67.

лены, горло залива Морбиан между Пор-Навало и Керпениром в Локмариакере и даже вход в реку Оре внутри залива Морбиан.

Конечно, в I веке до н. э. Большая Бриера была еще узким морским заливом с многочисленными островами и мелями. В Сандене (Сандунуме) обнаружили развалины кельтской крепости, а неподалеку — настоящий порт, который местами похож на Корбилон и, как считается, был местом высадки Цезаря в Арморике. С другой стороны, территория венетов действительно простиралась до Луары, включая в себя полуостров Геранд, Ле-Крузазик и Сен-Назер, о чем свидетельствуют прежние границы епископства Ваннского и сохранение бретонского языка на Герандском полуострове до самого конца прошлого века. Но более вероятно, что Корбилон был плацдармом Цезаря, а на Бриере, столь близкой к Луаре и в то время служившей ее непосредственным продолжением, строили римские корабли подкрепления.

Об устье Вилены, похоже, речи быть не может: венетский флот, однозначно сообщает Цезарь, с подходом римских кораблей вышел непосредственно из порта. На Вилене же ниже Ла-Рош-Бернара никогда не было порта, а тот находится слишком далеко, чтобы дать возможность непосредственного столкновения.

Все наводит на мысль, что морская битва с венетами произошла в самом сердце венетской земли, то есть на входе в залив Морбиан или в непосредственной близости от него. Устье реки Оре внутри самого залива, очевидно, было бы идеальным местом, если бы территория имела теперешнее состояние, но в эпоху Цезаря залив представлял собой в основном болото, и уровень воды не позволил бы флоту, будь то римский или венетский, свободно маневрировать вне пределов русла реки Оре. В стратегическом и геологическом отношении лучше всего было выбрать горло залива между Пор-Навало и Керпениром, а еще лучше — открытое море напротив скалистых берегов, тянувшихся от входа в залив до оконечности Большой Горы, до Сен-Жильдас-де-Рюис. Это ничуть не мешало венетским

кораблям выйти из порта Локмариакер — который был большим венецким портом — и оказаться прямо перед римскими кораблями, идущими с юга вдоль берега. В равной мере известно, что знаменитый курган Тюмиак в Арзоне, иногда называемый «Холмом Цезаря», вполне мог служить наблюдательным пунктом для проконсула, который бы следил оттуда за перипетиями морского боя. Видимо, Цезарь проложил себе наземную дорогу от Большой Бриеры через венецкие низины до полуострова Рюис, который он должен был рассматривать как идеальное место для сосредоточения войск близ сердца края венецов, прежде всего близ Локмариакера, главного порта и столицы этого народа.

Римский флот шел, очевидно, от Большой Бриеры. Вероятно, он сначала спустился по Луаре, в которую впадали воды Бриеры, обогнул мыс Ле-Круазик, прошел вдоль берегов, избегая слишком приближаться к Уа и Оэдику, где должны были находиться наблюдательные посты венецов, и вышел к побережью Арзона. Венецкому флоту достаточно было покинуть свое укрытие в Локмариакере, чтобы через несколько минут выйти из горла залива в открытое море, получив возможность сразиться с противником.

Так, стоя друг против друга, флоты долго выжидали. Брут, приемный сын Цезаря, будущий участник заговора мартовских ид, который командовал римским флотом, не слишком знал, что ему делать. Он понимал, что его тараны не в состоянии разбить венецкие корабли. Венеты, взобравшиеся на высокие кормы своих кораблей, имели более выгодную позицию: они сверху обрушили на римлян град стрел.

Тут-то и расходятся мнения историков и очевидцев. Цезарь (III, 14) сообщает, что он дал приказ римлянам готовить длинные шести, снабженные серпами. Римляне использовали их, чтобы перерезать снасти, крепившие паруса венецких кораблей. Поэтому венеты утратили возможность передвигаться, так как они ходили только под парусами, в то время как римляне применяли весла. Как ни удивительно, Страбон (IV, 4), также рассказывающий о стратегаеме с серпами на шестах, заявляет,

что венеты обычно крепили свои паруса не веревками, а железными цепями. Непонятно, как серпы, сколь бы острыми они ни были, могли перерезать эти цепи. Страбон, похоже, путается в своих сведениях. Цезарь бесспорно лжет. Все проясняется благодаря Диону Кассию (XXXIX, 40–43), который пересказывает утраченное место из хроники Тита Ливия. В самом деле, Дион Кассий рассказывает, что венеты атаковали Брута, когда тот стоял на якоре, и спасением, а также конечной победой он был обязан совершеннейшей случайности: внезапно стих ветер, и вражеские корабли не смогли продолжить атаку, а после обратиться в бегство, в то время как римские корабли, снабженные веслами, ничуть не нуждались в ветре.

Как бы то ни было, для венетов это стало катастрофой. И поскольку на неподвижных кораблях находились вожди, скоро вся элита народа попала в плен. Цезарь отреагировал очень резко: сенаторов он обрек на смерть (III, 16), а остальных велел продать с торгов. В последующие годы о венетах больше не было слышно.

Вероятно, Цезарь знал, что делал, удаляя таким образом с исторической сцены народ венетов. Конечно, они осмелились бросить вызов его колонизаторской системе в Галлии и поставить ее под угрозу. Конечно, они были активны и опасны. Но проконсул также знал, что венеты представляют собой бесспорную экономическую силу. Торговая активность венетов, их богатство, подтверждаемое находками множества золотых монет, их постоянные связи с другими народами, для которых они в некотором роде были руководителями и духовными учителями, — все это, видимо, немало значило для римлянина, который был хорошим стратегом. Венеты, судя по тому, что писал он сам, полностью подчинили себе мореплавание и морскую торговлю не только на Атлантике, но и на Ла-Манше и в некотором роде монополизировали связи с островом Британий. Следовательно, они представляли собой значительную силу. И среди причин враждебности венетов к римлянам Страбон (IV, 4) упоминает яростное желание первых «помешать

его [Цезаря] высадке в Бретаннии»¹. Они, несомненно, могли бы это сделать. Но это очевидный признак, что венеты были тесно связаны с народами острова Британии и что они занимали в галльском и бриттском обществе того времени особое место, подобно эдуям Бургундии или арвернам Центрального массива на материковой равнине.

Кем же были эти грозные венеты?

Первый ответ напрашивается: моряками.

Конечно, их расселение на южном побережье Армориканского полуострова упрощало им занятия мореплаванием. Но то же самое можно было бы сказать и о других народах северной части полуострова или берегов Нормандии. Странно, что венеты, чьи земли обращены к югу, то есть к Иберийскому полуострову, подчинили себе морскую торговлю на Ла-Манше, то есть с противоположной стороны Арморики, далекой от их баз и от их портов.

Объяснение простое: венеты были не кельтами, а автохтонным народом или пришельцами из другого места, которые кельтизировались, говорили на том же языке, что и другие кельты, имели ту же религию и ту же культуру, но не то же происхождение. Кстати, еще и в наше время жители ваннской области, в принципе — отдаленные потомки венетов, отличаются по внешнему виду от остальных бретонцев: в большинстве своем это люди атлантико-средиземноморского типа, тогда как другие в основном принадлежат к альпийскому типу. И кроме того, жители области Ванна говорят на диалекте, ощутимо отличающемся от языка других бретонцев.

Венеты были моряками, которыми кельты, вопреки расхожему мнению, обычно не были. Это становится очевидным, когда внимательно читаешь историю и мифы кельтов. Кельты пришли на крайний Запад по суше. Они были пастухами и земледельцами, ремесленниками, искусными в обработке металлов. Они были привычны к лесам, в которых устраивали свои

¹ *Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир. 1994. С. 185.*

храмы под открытым небом. И если они стали моряками, особенно начиная со средних веков, это потому, что им ничего другого не оставалось, поскольку их оттеснили к самым западным берегам Европы. В бретонском языке слово «море» (*ar mor*) имеет мужской род, и это показательно для состояния духа бретонцев: действительно, с морем сражаются, как с противником. Все остальное — романтические выдумки или фантазии горожан, проводящих отпуск на пляжах, которых чистокровные кельты даже не посещают.

Все это подтверждается кельтскими мифами. В них нет бога морей, как у греков или латинян. Если у ирландских гэлов есть некий Нехтан, который именем несколько напоминает Нептуну, то это бог-покровитель пресных вод, а не моря. Кстати, современные ирландцы почти не едят морской рыбы, кроме непременно камбалы, которую ловят неподалеку от берега. Им гораздо больше по вкусу лосось или форель — пресноводные рыбы. Было время, когда и в Бретани пойманную морскую рыбу тут же продавали парижанам. У истинных кельтов бесспорно ощутимо презрение к морю, но, впрочем, к этому презрению в немалой степени примешивается страх. Разве не океан виновен в гибели многих членов приморских бретонских семей? Морские прогулки хороши для туристов. Кельты, как пишет Аристотель, который, впрочем, совершенно не понимает сути дела, «грозят вздымающейся волне и отражают ее своим оружием». Имеется в виду ритуал проклятия, или заклятия, в целом очень далекий от знаменитого «благословения моря», которое в Бретани вошло в обычай только под влиянием христианства.

Нам скажут, что мифы и легенды кельтов полны морских эпизодов — в частности, знаменитые ирландские «плавания», герои которых смело выходят в океан на поиски рая или Острова Фей. Но, прежде всего, это символические плавания внутри самого человека. Далее, они имеют очень ясную цель: это мореплавание в Иной Мир, очень конкретные иллюстрации к теме Поиска, где мотив странствия усиливают темы безграничности и неведомых стран. Враги всегда появляются с моря,

в частности фоморы — порождения тени и хаоса. Если райские острова Авалон или Эмайн Аблах находятся где-то в океане, так это потому, что они принадлежат к Иному Миру. Вот почему бог Мананнан, которого называют «сыном Лера», то есть «волн», хоть иногда и рассматривается как морское божество, прежде всего известен тем, что председательствует на пиру бессмертных. И если в легенде о городе Ис, так же как в ее валлийском и ирландском вариантах, чувствуется нечто очень знакомое и они по духу очень «кельтские», так это потому, что они отражают страх перед наводнением. Одна странная сказка из Верхней Бретани, записанная в Комбуре, утверждает, что на дне источника Маргатт лежит белый камень, не позволяющий этому источнику перелиться через край. Если бы неосторожный человек удалил этот камень, вся страна была бы затоплена.

Это может быть всего лишь памятью об отдаленных катастрофах, о которых, несомненно, говорит Аммиан Марцеллин, упоминая «пришельцев с отдаленных островов», приезд которых якобы способствовал заселению Галлии и Британских островов. Как примирить эту информацию — которую Аммиан Марцеллин излагает на основе свидетельства Тимагена — с тем фактом, что кельты бесспорно были пришельцами из Центральной Европы, в частности из области Гарца, то есть из большого Эрцинского леса, о котором они сохранили, конечно, куда более приятные воспоминания, чем воспоминание о бегстве от нахлынувшей воды?

Прежде всего надо констатировать, что кельты, пришедшие из Эрцинского леса, были очень малочисленными. Они составляли интеллектуальную и военную элиту, верховенство которой зиждилось прежде всего на вполне установившейся структуре общества и на их бесспорном техническом искусстве, сочетавшемся с интеллектуальной и духовной мощью. Это кельтское меньшинство, подчинившее себе крайний Запад, должно было вступить в соглашение с местными народностями, которые жили тут веками и даже тысячелетиями. Они смешались с этими народностями, образовав новое обще-

ство, новый этнос, который мы и называем кельтским и который стал результатом колоссального синтеза всего, что было унаследовано от прошлого. Но это слияние с автохтонными элементами не везде происходило одинаково: его итог зависел от доли кельтов в инородной массе. Были регионы, где этот инородный элемент оказывался сильнее, чем кельтский.

Это относится и к краю венетов.

Так кем же были эти венеты, которых Цезарь так испугался, что решил их убрать?

Вот как этот народ описывает сам проконсул: «Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят всех остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые, вдобавок, находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю»¹ (III, 8). Лучше не покажешь, что венеты имели некоторым образом морскую гегемонию над всей Галлией.

Итак, венеты — моряки.

Проблему усложняет тот факт, что венеты есть и в другом месте и что они тоже случайно оказываются умелыми мореплавателями, — это венецианцы, то есть венеты Адриатики, о которых греческий историк Полибий пишет: «Очень древнее племя... в отношении нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым»² (II, 17). Еще более определенно выражается Страбон: «Эти венеты, как я думаю, основали колонию на Адриатическом море»³ (IV, 4).

¹ *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне* / Пер. М. М. Покровского. М.: День, 1991. С. 66.

² *Полибий. Всеобщая история* / Пер. Ф. Мищенко. М.: АСТ, 2004. Т. 1. С. 116.

³ *Страбон. География* / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. С. 186.

Любопытное соображение: Страбон, пересказывая предания, с которыми он познакомился в ходе своих изысканий, считается с реальностью. И для грека, проникнутого сознанием превосходства всего греческого и римского, утверждение, что люди с крайнего Запада основали колонию у ворот Востока, — достаточная редкость, чтобы это утверждение можно было отметить и обратить на него особое внимание. Разве не все и не всегда происходит из Восточного Средиземноморья?

Проблема языка, поставленная Полибием, порождает больше вопросов, чем кажется. Если венеты Адриатики — кельты, они должны были бы говорить на кельтском языке: по всей территории, занятой кельтами, до нашей эры отмечалось абсолютное единство языка, культуры и религии. Не было только политического единства, но это одна из черт кельтского общества. Тогда на каком же языке говорили венеты Адриатики? Этого сказать невозможно. Можно только отметить, что океанские венеты и по сей день говорят на другом бретонском диалекте, чем остальные бретонцы. Есть также гипотеза, что венеты Адриатики могли говорить на гэльском языке (как ирландцы), тогда как другие галльские народы говорили на бриттском языке: известно, что галльский — это действительно бриттский язык. Но такое присутствие гэльских элементов хоть в глубине Адриатики, хоть в заливе Морбиан совершенно необъяснимо. Может быть, стоит рассмотреть такой вариант решения: венеты Адриатики были колонией океанских венетов, но очень рано отделились. Первые усвоили кельтский язык, в данном случае галльский, вторые — неизвестный язык или сохранили собственный. Известно также, что в чисто итальянских пределах современные венецианцы, несмотря ни на что, с лингвистической точки зрения отличаются достаточно существенными особенностями диалекта.

Тем не менее любопытно отметить, что океанские венеты и венеты Адриатики вели сходный образ жизни. *Это были моряки*. Венецианцы вполне доказали это в течение средних веков и Возрождения. Они подчинили себе всю торговлю не только в

Адриатике, но и во всем Средиземном море, а иногда и в других местах. Возможно, это и совпадение, но, надо признать, небезынтересное.

К тому же венеты Адриатики жили на воде: они поселились на болотах и воспользовались особыми свойствами местности, чтобы извлечь из нее максимум выгоды, одновременно дав своим кораблям укрытие в своих каналах и защитив самих себя от всех возможных нападений с материка. Но ведь так же поступали и океанские венеты, если верить Цезарю и античным авторам: их крепости были неприступны, потому что к ним нельзя было ни подойти пешком, ни подвести корабли. Океанские венеты, великие моряки и великие торговцы, поселились в болотистых районах, вблизи океана, защитившись как от возможных нападений с материка, так и от океанских штормов. Это, может быть, тоже совпадение, но чрезвычайно интересное.

Более того, эта очень активная морская торговля, эта практика использования каналов, это смешение земли и воды — разве здесь нет аналогии с Атлантидой в описании Платона? Разве венеты, хоть Адриатики, хоть океанские, не были «пришельцами с отдаленных островов», о каких писал Аммиан Марцеллин со слов Тимагена? Этот вопрос заслуживает постановки, потому что в таком случае можно сформулировать гипотезу: может быть, венеты были спасшимися атлантами или потомками атлантов, сумевших избежать известной катастрофы? И лишь за ней может последовать вторая гипотеза: возможно, мегалитические памятники в Карнаке и его окрестностях, на территории венетов, которая особенно богата монументами такого рода, — остатки сакральной архитектуры, унаследованной от атлантов?

Это не более чем гипотезы. Но достоинство этих гипотез в том, что они уточняют проблему.

Именно на их основе можно приступить к рассмотрению особого аспекта, какой получило само название «венеты». Слово *Veneti* (его латинская форма, самая древняя из известных) можно сопоставить только со словом *Venedotia*, как в римскую

9- Карнак и загадка Атлантиды

эпоху назывался северо-запад Уэльса, что превратилось в *Gwynedd* на валлийском языке. Бесспорна идентичность слов *Gwened* и *Gwynedd* (последнее слово надо произносить «гвенез»). Кстати, словно по случайному стечению обстоятельств, во время последних переселений в Британь, в VI–VII веках, именно пришельцы из Гвинедда в большинстве своем заселили землю Гвенедда, то есть бывшую территорию венетов, образовав область Броварох, нынче называемую Ваннской областью. А ведь Гвинедд, активный центр друидизма до римского завоевания, в частности на острове Мэн (хорошо известно свидетельство Тацита о разрушении святилища и друидской коллегии на *insula Mona*), стал в раннем средневековье сильным королевством, но, похоже, судя по обычаям и мифологическим традициям, испытал сильное воздействие ирландских гэлов, что, впрочем, не исключает и встречного влияния. Но ведь по другую сторону Ирландского моря есть странный народ, полуисторический, полупоэтический, название которого похоже на название венетов и жителей Гвинедда.

Речь идет об ирландских *фиана*, которых некоторые предпочитают называть *фениями* и которые представляли собой очень маргинальную этническую группу, не имевшую определенного местожительства, жившую охотой, нанимавшейся на службу к разным королям Ирландии, прежде всего для сбора дани и податей, и так или иначе связанную с культом оленевых — наследием очень далекого культурного и исторического прошлого. Эту группу возглавлял легендарный король Финн (из которого Макферсон сделал *Фингала*), сын Кумала (бриттогалльского бога, известного под именем Камулос — эпитет Марса), чьего сына звали Ойсин (Оссиан), то есть «оленок», а внука — Оскар, «тот, кто любит оленей».

Фиана и их король Финн, венецианцы Гвинедда, венеты Ванна (Гвенедда), венецианцы Венеции связаны абсолютно общим родовым именем, которое можно опознать и в названии реки Вандеи (*Vendée*), и в имени богини Венеры. Это странная смесь, но любопытно выяснить корень этого слова и его значение.

Оно происходит от древнего кельтского слова *vindo*, первоначальный смысл которого — «белый» или «белокурый», а переносные значения — «красивый», потом «породистый», «хорошего рождения», «сакральный». Известно, что белый был жреческим цветом, который разрешалось носить лишь друидам как «сакральным» лицам. На средневековом бретонском слово *gwen* часто означало «святой». Таким образом, кельтское слово *vindo* — главный компонент названия «венеты»: буквально «венеты» — это «породистый» или «священный» народ. Можно даже добавить значение «красивый», поскольку между «породой» и «красотой» всегда ставят знак равенства. Можно было бы пойти и дальше, вспомнив народ гуанчей, имевший очень белую кожу и светлые волосы. Кстати, надо уточнить, что каноны красоты у кельтов включают белизну кожи и светлый цвет волос. И даже когда галлы не были светловолосыми, они обрабатывали свои волосы известью, чтобы их обесцветить, что породило известное клише: «наши предки были высокими блондинами с голубыми глазами». В самом деле, кельты по преимуществу брюнеты, и надо признать, что понятие белизны — не более чем нравственное определение, ставшее этническим. Самый характерный пример — ирландский герой Финн, король *фиана*: его настоящее имя — Демне, что значит «Лань». И только с момента инициации его прозвали Финном, иначе говоря, «красивым», «белым», «белокурым», «породистым», «священным».

Это кельтское слово должно было входить в индоевропейский лексикон, потому что оно опознается в некоторых очень древних латинских словах, в частности, в именах собственных, как имя Венеры — эквивалента греческой Афродиты. Венера буквально значит Красивая, Белокурая, Породистая, Белая, Священная. Не забудем, что Венера родилась из морской волны, во всей чистоте и красоте света, отраженного в водах. Конечно, не случайно в мифе об основании Атлантиды Посейдон женится на Клейто. Ведь Клейто — это «Великолепная», «Пре-красная». Смысл становится совершенно ясным: это священный брак между Красотой и глубинной силой, олицетворяемой

Посейдоном. Ведь этот бог, из которого латиняне сделали Нептуна, первоначально не был морским богом: это бог ветра, бурь и землетрясений. Он одушевляет глубинную жизнь. И характерно, что Атлантида, основанная богом землетрясений, была разрушена именно катаклизмом, одной из составных частей которого стало землетрясение. Вероятно, Атлантида, в символическом и метафизическом плане, предала свою миссию, состоявшую в том, чтобы распространять Красоту, которую воплощала Клейто и ее потомки. Столь же характерно, что Карнак — это зона землетрясений: не являются ли аллеи менгиров неким подобием заслонов, установленных на земле, чтобы уменьшать или предотвращать землетрясения? Существует связь между Посейдоном и стоячими камнями, между Клейто, теллурической богиней Красоты, и большими мегалитическими холмами. Кстати, Посейдон построил для нее в самом центре острова Атлантида жилище, окруженное тремя рвами и напоминающее один из мегалитических холмов, которые позже кельты сделают обиталищами фей. В мифологических рассказах все увязано, все прозрачно. И они всегда соответствуют реальности, ставшей неощутимой, но сохранившей в самой основе свою силу и величие.

Итак, вены — а значит, и венецианцы, и жители Гвинедда, и ирландские *фиана* — это народы, посвятившие себя красоте и сакральному. От своих предков они сохранили это самое представление о белизне, то есть о чистоте. Не впадая в расизм, который выглядел бы нелепо, скажем, что вены считали себя хранителями вести, идущей из тьмы веков, из времен, когда их *прекрасная* богиня сочеталась браком с *глубинной силой*, воплощенной в Посейдоне. Возможно, бесполезно будет отметить, что длинные волосы, которые в то же время могут быть волнами моря, изображены на петроглифах памятника на Гавринисе, порой напоминают конские гривы. А ведь известно, что Посейдон был также конским богом, укрощавшим земных скакунов, как и морских коней, которые, согласно ирландской поэме, «сверкают летом», то есть бесконечные изгибы океанских волн.

Венеты — это моряки, смелые мореплаватели, какими были атланты. Посейдон, бог глубинных сил, стал богом сил видимых, но тем не менее опасных, — сил моря. Это он управляет приливами, покровительствует мореплавателям в их изнурительном беге по гребням волн, из которых родится Венера, чьи волосы напоминают о храпящих скакунах на бесконечных побережьях. Храм Посейдона, находившийся, как сказано, в центре острова Атлантида, был, несомненно, поглощен океаном, как и город Ис. Но культ бога-покровителя морских народов, защищающего их от натиска моря, сохранился.

На эту тему есть информация, которую не очень часто обнаруживают и которая тем не менее должна привлечь самое пристальное наше внимание. Диодор Сицилийский (IV, 56) сообщает со слов Тимея, жившего в V веке до н. э., что океанские кельты более всех богов почитали Диоскуров. И утверждает, что *этот культ пришел с океана*.

Диоскуры — это сыновья Леды и Зевса. Они защищают путешественников, в частности мореплавателей, помогая им не заблудиться на опасных морских дорогах. Это также боги, которые ведают конскими бегами. От Платона известно, что бега были составной частью культа богов на острове атлантов. А морские волны всегда метафорически изображаются в виде конских грив, как свидетельствует ирландская поэма из «Плавания Брана»:

Бран считает, что это великое чудо —
Ехать в лодке по светлomu морю,
Но я издалека, со своей колесницы, вижу,
Что он скачет по цветущей равнине.
То, что представляется светлым морем
Для корабля Брана с носовой фигурой, —
Золотая цветущая равнина
Для меня на моей двухколесной колеснице...

Странно, что не сохранилось, так сказать, никакого следа культа Диоскуров в Галлии, кроме нескольких монет из Западной

Арморики, района, где почитали *deus Vintius Pollux*¹. Можно отметить, что имя «Винций» близко к названию «венеты»: они происходят от одного и того же корня — *vindo*. Это определение в принципе должно бы означать галльское божество лошадей. Та же равнозначность грив и волн. Та же отсылка к некоторым резным изображениям на мегалитах Морбиана, в частности Гавриниса. К тому же не забудем, что Поллукс — тот из Диоскуров, который смертен. Почему культ Поллукса, а не Кастора? Во всяком случае, культ Диоскуров, как и культ Посейдона, характерен для народа мореплавателей. Если принять во внимание, что доказано: культ Диоскуров, или двух близнецных божеств, аналогичных Кастору и Поллуксу, существовал у некоторых народов армориканского Запада в 300 году до н. э., почему бы не сделать вывод, что это был народ венетов? Почему бы эти люди, которых Цезарь оценил как лучших мореплавателей Атлантики, не могли питать особого почтения к морским божествам, покровителям мореплавания? Если явного доказательства этого у нас нет, то есть предположения, имеющие серьезные основания.

А культ Диоскуров пришел с океана. И часть галлов — пришельцы с отдаленных островов. Сколько совпадений...

В самом деле, невозможно не вспомнить миф об основании Атлантиды, как он изложен в «Критии», — Клейто, заключенную Посейдоном в центре острова внутри храма-крепости и родившую двух близнецов, которые стали первыми царями Атлантиды, организаторами атлантского общества, которые преобразовали остров по очень своеобразному архитектурному плану и содействовали появлению искусства навигации.

Оттуда, где могла находиться Атлантида — вероятно, на северо-западе Европы, может быть, даже близ Гельгоlanda, — атланты, спасшиеся от катаклизма, рассеялись по районам, которые казались им наиболее безопасными, в том числе и по ближайшим к месту их рождения. Зачем им было совершать

¹ Бога Винция Поллукса (лат.).

кругосветное путешествие, если так просто было найти еще малонаселенные территории на побережье Атлантики, которая была *их* морем, и попытаться худо-бедно воссоздать утраченную родину? Предполагать, что выжившие атланты расселились едва ли не по всему миру, — значит либо предполагать, что они были крайне многочисленны, либо что катастрофа не была настолько серьезной и смертоносной, как о ней говорят. По здравой логике выжить должны были очень немногие. Бежав к соседним или близким народам, они просто-напросто ушли в страны, уже принадлежавшие им: судя по тексту Платона, они *уже давно* завоевали часть атлантической Европы. То, что эти атлантические берега ощутили на себе последствия той приливной волны, которая уничтожила Атлантиду, не вызывает сомнений; но после бурь ситуация вновь нормализовалась, и некоторые атланты вполне могли, объединившись с другими выжившими представителями завоеванных народов, образовать с ними новые государства. И, если учесть, что венеты не были кельтами (а следовательно, и жители Гвинедда, и ирландские *фиана*, а также венецианцы), можно вывести рабочую гипотезу: атланты, сохранив память о своей цивилизации, а также о своих прежних занятиях, попытались воссоздать их на землях, на которых отныне жили. Это объяснило бы, почему венеты были так искушены в навигации. Это также объяснило бы появление больших мегалитических ансамблей — не только Карнака, но и Великобритании, Ирландии и даже Испании как реминисценций сакральной архитектуры, которая, похоже, была в чести на острове Атлантида. Небезынтересно отметить разительное сходство плана города атлантов, описанного в тексте Платона, с планом мегалитического памятника Стоунхендж, прекрасно различимым в наши дни.

В самом деле, если буквально следовать описанию, сделанному Критием, надо провести три концентрические окружности, изображающие три окружные стены, а внутри этого тройного круга нарисовать крест, изображающий большие каналы, причем один из этих каналов надо вывести за пределы кругов

и довести до моря. Любопытно, что *полугазается настоящий кельтский крест*. А сообразно восстановленному плану окончателюного и завершеного памятника Стоунхендж (учитывающему три периода строительства) надо точно так же провести три концентрические окружности и внутри этих кругов наметить крест, одна из ветвей которого, сориентирована на северо-восток, в направлении восхода солнца в летнее солнцестояние, образует входную дорогу в святилище. Таким образом опять вырисовывается знаменитый кельтский крест, который, может быть, совсем и не кельтский, а наследие народов, пришедших из другого места, *из-за моря*. Если кресты, которые называют кельтскими и которые можно видеть в Ирландии и Великобритании (но не в армориканской Бретани), — памятники сравнительно новые, датируемые самое раннее VII веком н. э., и в полной мере христианские, это значит, что кельтские христианские народы, чтобы отличаться от других, использовали символ, который еще не забылся и которому они придали новое значение. Таким же может быть объяснение некоторых вписанных в круг крестов, которые появлялись в средние века в регионах, где расцветали так называемые ереси, например, в катарской Окситании. Речь ни в коем случае не идет о влиянии атлантов: это просто значит, что самые архаические символы рано или поздно вновь используются другими религиозными или культурными системами и в дополнение к первоначальному смыслу получают новые значения. В конце концов, хорошо известно, что христианский крест — не христианский: в музеях более чем достаточно золотых крестов, датируемых бронзовым веком, то есть появившихся за тысячу или две тысячи лет до Рождества Христова, это общий солярный символ с четырьмя равными ветвями. И исторического Христа распяли на кресте не такого типа, потому что хорошо известно, что римляне обычно казнили на кресте тау-образной формы. Это первые христиане вновь использовали древний символ креста с четырьмя ветвями, удлинив одну из ветвей (латинский крест), чтобы сделать из него эмблему Христа —

кстати, учтя созвучие имени Христос (помазанник) и латинского слова *сгис*.

Итак, хоть однозначно утверждать что бы то ни было нельзя, в больших мегалитических ансамблях можно увидеть пережиток сакральной архитектуры атлантов, во всяком случае атлантов из рассказа саисских жрецов Солону, несколько пересмотренного и исправленного Платоном.

Но мегалиты — это не кельты. Было выдвинуто несколько теорий, стремившихся отождествить кельтов с древними атлантами, а друидизм представить как сохранившуюся религию атлантов. Изрядный абсурд. Кельты пришли с востока; все они в тот или иной момент первого тысячелетия до нашей эры пересекли Рейн. Кельты — никоим образом не *люди моря*, но на территории, где они поселились, в свою очередь *пришли люди с моря* и смешались с ними. Эти люди с моря принесли с собой *культ Диоскуров*, которого кельты не знали или не отправляли. Это все отмечено в исторических документах, отрицать которых нельзя, разве что огулом отвергнув все, что писали — порой достаточно путано — греческие и латинские авторы о народах крайнего Запада, с которыми они поддерживали более или менее постоянные связи.

Что касается друидизма, то, чтобы увидеть в нем наследие «мудрости атлантов», нужно очень постараться. Прежде всего следует признать, что о друидизме нам известно мало, а о религии, которую исповедовали атланты, и того меньше. Такое отождествление — не более чем домысел. Кстати, из свойств друидизма неизбежно следует, что это была индоевропейская религия — с известной троичностью функций и организацией класса жрецов, — даже если верования и обычаи автохтонных народов, обращенных в друидизм, глубоко изменили его и придали ему откровенно инородные элементы шаманского типа.

Ко всей этой путанице ведет тот факт, что авторы греческой и римской древности, сообщая что-либо о кельтах, почти не понимали ни смысла, ни важности этих реалий, а с другой стороны, чисто кельтская традиция включает в себя архаические

элементы, не кельтские, но отражающие память о далеком прошлом крайнего Запада и реминисценции из него. Показателен один пример — Финна и *фиана*, хоть рассказы об их приключениях — сравнительно поздние. В самом деле, цикл о Финне связан с традицией великих охотников на северных оленей доисторических времен: если имена персонажей кельтские, если некоторые сюжеты, как «Диармаид и Граинне», прототип истории о Тристане и Изольде, включают немало кельтских элементов, если содружество *фиана* в какой-то степени послужило прообразом для знаменитого Круглого стола короля Артура, то основные схемы этого цикла — архаические и докельтские. Откуда они происходят? Тут можно допустить, со всеми оговорками, традицию, унаследованную от Атлантиды. Но это только гипотеза.

Однако есть настораживающие факты. Откуда в кельтской традиции это навязчивое представление о разбушевавшихся волнах? Откуда этот ритуал заклания моря, над которым слегка посмеивается Аристотель? Почему эти люди знали миф о городе Исе, то и дело упорно вспоминая его?

Странные недомолвки встречаются в одной валлийской поэме, приписываемой Талиесину. Ничего точно утверждать нельзя, текст, вероятно, неполон или искажен, но можно понять, что король-чародей Мат, сын Матонви, *из Гвинедда*, «отпустил стихии на волю» при помощи своей знаменитой волшебной палочки, которую другие тексты приписывают ему в качестве атрибута. Тогда «разразилась буря и длилась четыре ночи в самый разгар прекрасного времени года. Люди падали, деревья больше не давали укрытия от ветра с моря». Но волшебник Гвиддион, племянник Мата, обязанный ему своим знанием магии, также герой мифологической эпопеи Гвинедда, загадочный персонаж, олицетворяющий друидизм — или представление о нем, — с таким же правом, как и чародей Мерлин, обладая некоторыми его чертами, держит со своим братом Амаэтоном совет, как справиться с бедствием. Амаэтон, «земледелец», — сын Дон, как и его брат, а Дон — это сестра Мата и

олицетворение богини-матери (ирландская Дану). Оба делают «кольцо, обладавшее таким могуществом, что море не могло поглотить их лучшие отряды»¹.

Этот текст очень насыщен. Тут есть все: власть друидов над стихиями, друидский ветер, защита друидическими методами, осуществленная Гвиддионом, потому что кольцо явно имеет символическое значение и означает ритуалы заклания бури, антагонизм между дядей по матери (Матом) и его племянником — его наследником и преемником по кельтскому обычаю, — сама фигура Мата, имя которого означает «медведь» и который связан с королевской функцией, «знание» Гвиддиона, имя которого связано с деревом и который олицетворяет применение растительной энергии — которая, похоже, была известна друидам², участие Амаэтона, «земледельца», представляющего «людей сухопутья» в отличие от «моряков». Все эти элементы остаются таинственными, но передают состояние духа. В кельтской традиции есть некоторые следы, которые порой трудно понять и трудно определить для них место, но которые принадлежат не к кельтской коллективной памяти. Однако нет сомнения, что друидизм с его шаманскими, если не магическими, компонентами не собирался бороться с бушующими стихиями в память о катастрофическом наводнении, столь глубоко врезавшемся в их традицию.

Есть и бесспорные факты. Венеты — конечно, не кельты, а «пришельцы с отдаленных островов», о которых говорит Тимаген. Это умелые мореплаватели и завоеватели, даже в эпоху Цезаря. Их название говорит о «красивом», «белом» и прежде всего «священном» племени. Они — несомненно, последние потомки народов, имевших очень развитые познания в

¹ *Markale, Jean. Les Grands Bardes gallois. Paris: J. Picollec, 1980. P. 110.*

² Одним из главных мифов у кельтов был миф об *идушем лесе*. Символически все рассказы, имеющие касательство к этому мифу, в том числе якобы исторический эпизод из Тита Ливия, намекают на возможность овладения энергией, содержащейся в растениях, и ее использование друидами.

мореплавании, особый культ богов-близнецов — покровителей этого мореплавания и верование, что они — наследники богини-моря и бога, воплощающего таинственные и глубинные силы, которые одушевляют вселенную. И, главное, на их территории, в окрестностях Карнака и Локмариакера, находятся величайшие из известных мегалитических ансамблей.

Глава IV

КАРНАК — СВЯТИЛИЩЕ В ЦЕНТРЕ МИРА

Рассматривая гигантские аллеи менгиров в Карнаке, невозможно не воспринимать его как храм под открытым небом, рассчитанный на то, чтобы тысячи паломников проводили в нем большие церемонии, солярный характер которых не вызывает ни малейших сомнений. Конечно, Карнак не единственное место, где есть аллеи менгиров. Конечно, общая структура аллей менгиров не всегда выглядит здесь очень ясной и в ней присутствует некий разброс, какого не обнаруживается в других аналогичных памятниках, как Эйвбери или Стоунхендж, кругообразная форма которых дает больше возможности для концентрации энергии. Но надо знать, что Эйвбери и Стоунхендж построены позже, чем Карнак, и что, если другие аллеи менгиров, другие кромлехи, возможно, и *гармоничней*, то для большой территориальной протяженности Карнака, который тянется с востока на запад, должны были существовать весомые причины.

Есть и еще кое-что, не лишенное интереса: Карнак находится почти *в центре территории, поднявшейся из-под воды*. Ее абсолютный геодезический центр расположен на острове Дюме, на траверзе Ла-Тюрбаль, на полпути между мысом Пириак и южной частью Бель-Иля. Но это не очень далеко от Карнака, и строители Карнака в любом случае, несомненно, не имели возможности с необходимой точностью установить реальный центр мира. Они определили его приблизительно. Впрочем, на острове Дюме было бы и невозможно воплотить все, что

сделано в Карнаке: для грандиозного святилища такого рода необходима достаточная площадь, и территория Карнака с бедной почвой, где проглядывают гранитные жилы, особенно подходила для таких масштабных работ.

Это выдвигает на первый план представление об *омфалло-се*, пупе земли. Правду сказать, все народы хотели иметь собственный идеальный центр, который бы одновременно был центром их царства и, что логично, всего мира. Делос и Дельфы в Греции были не только пупами этого пышного цветения греческих городов, объединенных общей культурой, но еще и жизненными центрами, где в магическом и символическом плане производилось соединение видимого и невидимого, где встречались дыхания разных частей мира. В Таре в Ирландии, на этом вдохновенном холме, который столько раз занимали и использовали разные цивилизации, сменявшие друг друга на земле Острова Святых и Героев, также был *омфаллос*, даже если он не точно соответствовал геометрическому центру острова. Известно, что в Таре, именно при кельтах, собирались большие собрания, походившие одновременно на заседания политического органа и на религиозные ритуалы, и что эти собрания в жизни гэльского общества приобрели особое значение; тогда можно представить, что среди мегалитов (которые кельтское общество, по крайней мере отчасти, унаследовало) равнозначные и аналогичные собрания происходили в Карнаке. Не признавать эту возможность, даже квазидостоверный факт, значит отрицать исключительные усилия, затраченные при возведении этих памятников, а также сакральный характер этого места.

Именно в эпоху, когда сакральное и профанное были теснейшим образом связаны, когда не делали принципиального различия между видимым и невидимым, между материальным и тонким, территория Карнака представлялась совершенно исключительно подходящей для такого рода святилищ и такого рода коллективных мероприятий.

В самом деле, не прибегая к мудреным расчетам для построения геометрических фигур, пятиугольников или пентаграмм,

путем соединения сакральных мест в пределах определенного периметра, к методу, который имеет полный успех в некоторых кругах, но не выдерживает мало-мальски серьезного анализа¹, все-таки надо признать специфический характер региона Карнака: зона слабых, но частых сейсмических толчков, то есть нестабилизированной земной коры, соседство центра территории, поднявшейся из-под воды, узел самых плотных и самых частых теллурических токов, невероятная сеть подземных водных потоков, присутствие очень сильной радиоактивности, близость Гольфстрима, особо мягкий микроклимат. Можно лишь констатировать невероятный набор совпадений, и, как превосходно сказал Янн Брекильен, «совершенно потрясает, что их ученые могли точно определить конфигурацию теллурических потоков и горизонты грунтовых вод, о существовании которых, по здравой рационалистической логике, они не должны были даже подозревать. И тем не менее они это сделали. Отдельный менгир, как правило, находится над местом, где подземный поток разветвляется на два-три рукава. В кромлехе центральный менгир находится в точке разветвления, а над каждым потоком — камень круговой ограды. Дольмены тоже возведены над точками расхождения подземных горизонтов: крытая аллея Плоских Камней в Локмариакере точно следует

¹ Согласно братьям Бру (врачу и инженеру), на карте Франции существует пятиконечная звезда, соединяющая важные центры или то, что называют таковыми: Вердон в Провансе, Монсегюр, Вердон в Жиронде, Шартр и Монбельяр (см.: *Atlantis*, N 267). Возникает вопрос: почему именно эти Вердоны и забыт Вердон в Морбиане и Верден, который тоже Вердон? Возникает вопрос: почему забыты такие важнейшие места, как Мон-Сен-Мишель или Ле-Пюи-ан-Веле? Правда, продолжая линии пентаграммы, неизбежно наткнешься на сакральные места — и пройдешь мимо очень многих. «Сакральная география» такого рода не более чем проекция досужих измышлений. Кстати, если такие карты оказывают на многих эффект и вызывают благоговейное восхищение, то не очень понятно, что хотят доказать их авторы. Что есть сакральные места, которыми случайно не воспользовались? Это давно известно и без подобных развлечений школьников, скупающих на уроках математики.

течению ручья, который незримо течет под землей»¹. И Янн Брекильен даже задает вопрос: «Как люди, жившие шесть тысяч лет назад, могли не только знать о существовании подземных вод, но точно определять их течение и даже течение магнитных теллурических потоков?»

Было бы по меньшей мере рискованно и самонадеянно считать, что можешь ответить на этот вопрос. Но факт остается фактом: в Карнаке мы сталкиваемся с принципиально важной реальностью — существованием гигантского святилища, построенного в соответствии с точными данными о магнетизме, теллуризме, потоках подземных вод, сейсмической активности, в общем, обо всем, что имеет отношение к оптимальным условиям для установления контакта между видимыми и невидимыми силами, что является главной функцией какого угодно святилища.

Эти соображения относятся к земле. Но не следовало бы забывать, что аллеи менгиров в Карнаке имеют равное отношение и к небу: это можно доказать, рассмотрев поля стоячих камней. В маленькой книге, посвященной «Скрытому Монсегюру»², Раймонда Резников цитирует одно место из священной книги мандеев, «Книги Адама», известной под названием Назарейского кодекса, где речь идет о «верховном царе света» и «возвышенном обиталище в том мире, что находится над Аквилоном», из коего обиталища исторгается витальное дыхание. «Весь мир окружен, как оболочкой, безмерным океаном, за исключением северной части, где находится живительная вода, источник которой — в том же обиталище света, у подножия Божьего престола». И, процитировав этот гностический текст VIII века н. э., Раймонда Резников дает надлежащий комментарий о научных опытах, проделанных при помощи искусственных спутников, и о результатах, какие дали эти опыты. Так, обнаружилось существование «поясов радиации... исходящих из космического пространства и захваченных силовыми линиями магнитного поля Земли. Эти частицы идут из всего

¹ *Brékilien, Yann. Histoire de la Bretagne. Paris: France-Empire, 1985. P. 32.*

² *Reznikov, Raymonde. Montségur secret. Nice: Béliane, 1987. P. 53–54.*

космоса, но в основном с Солнца, откуда они непрерывно выделяются. Эта бомбардировка частицами была бы смертельной, если бы нас не защищало магнитное поле; однако существует проход, через который этим частицам, обладающим высокой энергией, удается проскальзывать, — близ полюсов».

Так вот, если мы правильно поняли, эти высокие энергии, опасные, если их не отфильтровать, улавливает теллурический магнетизм. И можно предположить, что некоторые святилища были построены специально для улавливания этих энергий. В отношении такого памятника, как Стоунхендж, это кажется очевидным: тот факт, что Аполлон нисходит туда раз в девятнадцать лет, доказывает, что это лунарный символ, действующее существо, которое перезаряжается *в ловителе солнечной энергии*. А если учесть протяженность и расположение аллей менгиров Карнака (совсем непохожих на Стоунхендж, но зрительно ориентированных с востока на запад по определенным схемам), можно не сомневаться, что и здесь то же самое. Со своими менгирами, направленными в небо, положение которых продумано и согласовано, аллеи Карнака, вероятно, служат элементами *ловителя солнечной энергии*, куда паломники приходят в определенные периоды года, чтобы зарядиться. Это более чем гипотеза, это достоверный факт, доказательных предположений хватает — хотя бы внешне бессмысленная величина ансамбля. Карнак, как и внутреннее пространство Нью-Грейнджа, Бруга-на-Бойн из легенды, утром дня зимнего солнцестояния тоже представляет собой *солнечную комнату*, где человеческое существо может регенерироваться.

Но это может происходить только благодаря особому союзу Неба и Земли, настоящему священному браку. Элементы предания, сохранившие память об этом браке, вполне можно выявить.

Вернемся к мифу об основании Карнака — разумеется, это легенда о святом Корнелии, превратившем римских солдат в каменные глыбы. Эта легенда очень христианизирована. Она выглядит совершенно безобидно. Весь вопрос в том, кто кроется за обликом «святого» Корнелия.

Мы уже признали, что за фигурой Корнелия мог скрываться кельтский — но доиндоевропейский — бог, известный под именем Кернунна, *рогатого бога*. Мы уже сказали, что из его первоначальных атрибутов христианский «святой» сохранил рога быка, рядом с которым он всегда изображается.

Рога очень важны для оценки значимости символа. Это знак силы, кстати, часто изображавшийся в петроглифах мегалитических холмов, и не без причины. *Но это еще и знак связи с тем, что находится наверху*. Не имея возможности дать рогов «святому» Корнелию, рядом с ним поместили быка. Но и это не без причины. Ведь местная легенда объясняет его присутствие прежде всего тем фактом, что, когда Корнелия преследовали враги, он находился в колеснице, влекомой двумя быками. Таким образом, изобразить рядом с ним представителя крупного рогатого скота — вполне нормально.

Однако пойдем дальше. Это благочестивое объяснение никого не убедит. Если есть бык, значит, бык что-то означает. И совершенно естественно вспомнить о культуре Митры, солярного бога, который, по преданию, приносил в жертву быка и кропил его кровью своих приверженцев, чтобы возродить их. Следовательно, бык — солярное животное, символизирующее те высокие энергии, что истекают от солнца, которые можно с осторожностью улавливать — это способен делать только бог, как Митра, или любой жрец, который представляет его, — и впоследствии раздавать верующим. С этой точки зрения Корнелий — нечто вроде бога-жреца, аналогичного Митре, который концентрирует в себе энергии, идущие свыше, и использует их, чтобы остановить врагов, превращая их в камни. Раз он это делает, значит, он приобрел грозные способности. Значит, проезжая по земле Карнака, он сумел уловить высшие энергии. Если перевести это в христианские представления, это очевидно было следствием молитвы, которую святой обратил к Богу, и вмешательства Бога в форме чуда.

Но эта метаморфоза римских солдат в стоячие камни вместе с тем сакрализует означенные камни: это застывшие человеческие существа, но тем не менее они сохраняют первоначальное

значение, оккультное, тайное. Корнелий использует энергии свыше, чтобы некоторым образом *распылить* врагов, обездвигать их, заставив замереть во сне, который будет длиться веками. Но уловленной таким образом энергией звезд он мог бы распорядиться совсем иначе. Об этом говорит нам изображение быка рядом с ним: святой Корнелий обладает способностью при помощи рогов быка улавливать эти невидимые силы и, следовательно, способен защищать или разрушать то, что хочет. В этом качестве он — Кернунн, бог, приносящий изобилие, потому что изобилие возможно только, если земля эффективно улавливает все энергии неба, только в случае сакрального брака между небом и землей. Вот почему верующие христиане просят святого Корнелия защитить их рогатый скот — главный источник их доходов. Все логично. В таком случае можно понять, что ни в народных верованиях, ни в религии, которой живет народ, никогда не бывает суеверий, а лишь глубинные реалии в виде образов, иногда наивных, но всегда показательных для того, кто пожелает заглянуть за внешнюю оболочку и мысленно вернуться в более отдаленное время.

Вернемся в более отдаленное время. Если в качестве исходного постулата предположить, что Карнак, находящийся в самом сердце бывшей земли венетов, которые могли быть потомками или наследниками атлантов, — это святилище, возведенное по образцу великого храма Атлантиды, описанного Платоном, значит, надо изучить миф об основании Атлантиды в сопоставлении с мифом об основании Карнака.

О чем идет речь? О некой принцессе по имени Клейто, что значит «великолепная», «примечательная», и которая, согласно изложенному в «Критии» мифу, является богиней-матерью, *божеством бесспорно теллуригеским*, потому что она происходит из племени, порожденного самой Землей. Именно Клейто — законная наследница этого острова, который пока не Атлантида и, стало быть, еще бесформенный, хаотичный, он только что возник из мрака. В более историческом плане Клейто не имеет реальной власти, она бессильна. Она находится в ситуации ожидания, она *девственница*. Она устремляет свои взгляды к

небу, что в более реалистичном и прямом смысле значит, что она подставляет небу свой половой орган, ожидая существа мужского пола, которое ее оплодотворит. Переведем это в более научный язык: Клейто олицетворяет теллурические силы, бессильные дать жизнь, пока они не вступили в контакт с космическими силами, особенно солярными, которые должны прийти с неба.

Тогда появляется Посейдон, или, во всяком случае, тот, кого Критий так называет. Так кто же этот Посейдон? Морской бог? Еще нет, он станет им позже, и особо оговаривается, что в то время искусства мореплавания еще не знали. Это прежде всего *бог вибраций*, и именно поэтому его делают повелителем ветров, бурь и землетрясений. Его делают также покровителем лошадей, и позже, как говорится в тексте «Крития», при отправлении его культа *ему приносят в жертву быков*. Вот и опять бык, так или иначе связанный с мифическим основателем святилища, бык, который, следовательно, олицетворяет сосредоточенные силы, пойманные энергии, впоследствии подлежащие распределению. Посейдон — это бог-жрец, который концентрирует космические энергии и оплодотворяет землю, то есть Клейто. Так рождаются два близнеца, Диоскуры. Так начинается история Атлантиды. И эта Атлантида сводится к построению странного креста, вписанного в три концентрические окружности, в центре которых на троне восседает богиня, уже *соляризованная*, отныне всемогущая женщина-солнце, как та, что будет изображена на петроглифах холмов, а позже появится в облике Граинне в ирландской легенде, в обликах Изольды Белокурой или королевы Геньевры — в артуровских рассказах, последних свидетельствах сохранения древних мифов.

Если эту схему основания Атлантиды переместить в Карнак, надо сделать некоторые замечания, не лишённые курьезности. В самом деле, всегда отмечается фаллический облик менгиров, и на этом аспекте мужской сексуальности стоячего камня, агрессивной по природе, очень настаивают. Но, если подумать, этот мужской характер выражен не совсем ясно: ведь менгиры направлены не вниз, а вверх. Значит, они поднима-

ются не к девственной земле, ждущей оплодотворения. Напротив, они вырастают из земли, то есть женственности, чтобы подняться к небу, которое в принципе представляет собой мужской компонент. Тут видимая нестыковка, если не вопиющее противоречие.

Да нет же. Нет ничего логичней. Ведь менгиры аллей — не мужские фаллосы, а, как выявляет имя Клейто, женские *клиторы* в ожидании прихода мужского начала, которое должно оплодотворить землю. Это рискует шокировать благонравных людей, но такова реальность. В самом деле, известно, что в некоторых традициях, в частности в африканской, а также у семитов, клитор считается мужским фаллосом женщины, которая рождается с двумя компонентами — женским и мужским. Отсюда необходимость его удаления, которое лишает женщину мужского органа и придает ей полностью женский пол. Точно так же в этих традициях крайняя плоть мужчины, также рождающегося с двумя компонентами, неизбежно обретает женский аспект. Отсюда необходимость обрезания, в результате которого мужчина лишается женского органа, в абсолютной мере приобретая мужской пол.

К тому же слово «клитор», прежде чем так назвали определенную часть женского полового органа, означало *драгоценный камень*. Сразу же замечаешь связь клитора с менгиром. Понятно, почему богиня-мать Атлантиды носила имя Клейто: клитор — это не что иное, как *примезательный камень, великолепный камень*, который, поднявшись в небо в очевидном сексуальном ожидании, готов воспринять семя звезд. Земля находится в позе женщины, раскрывшейся и дошедшей до предела сексуального возбуждения, чтобы лучше воспринять и удерживать во чреве вибрационные энергии, которые бог-жрец исторгает из Солнца, чтобы вернее направить к ней и совершить извечную литургию, то есть осуществить сакральный брак Неба и Земли.

Итак, вот что такое Карнак: территория, несомненно наиболее пригодная для символического и материального выражения такого священного брака, благодаря которому на этой

земле возможна жизнь. Притом Карнак можно назвать и астрономической обсерваторией. Тут нет противоречия, потому что весь этот ансамбль нацелен в небо, улавливая малейшие знаки с его стороны. Можно назвать его и гигантским символическим кладбище, где менгиры символизируют души тех, кто умер и ждет в Ином Мире момента воплощения в новую жизнь. Тут нет противоречия, потому что великое святилище Карнака — это место восстановления под действием солярных сил, место, где происходят *возрождения*, будь то духовные, психические или материальные.

Ибо доминирует здесь надо всем идея *солнечной комнаты*. Она здесь главная, и ее великолепно описали и прославили ирландские легенды о сиде Бруг-на-Бойн. Нью-Грейндж открывает дверь для понимания Карнака, где все выглядит менее ясным, может быть, менее четким, но где протяженность святилища позволяет развернуть эту *солнечную комнату*, сделав ее доступной для большого числа людей, собирающихся для единой и одинаковой церемонии. Эта *солнечная комната*, которую передала нам кельтская традиция и которую, что любопытно, каждым летним солнцестоянием можно обнаружить и в замке Монсежур, в контексте катарской традиции, — несомненно самый необыкновенный символ, какой нашел человеческий дух для того, чтобы выразить возрождение благодаря силам, происходящим из космоса. Это поэтический образ великой красоты, которую Тристан в тексте «Безумие Тристана» с восторгом описывает Изольде, которая его не узнает, и Марку, который ничего не понимает. Но этот поэтический образ несет в себе больше силы, чем кажется: он настолько проникает в подсознание, что никто не может его забыть, и все неосознанно ищут его, не слишком зная, куда направиться.

Конечно, к центру мира, будь то реальный центр либо тот, что по воле тех или иных людей объявлен реальным. Именно там на самом деле находится *солнечная комната*, как в Стоунхендже, где луч солнца падает на алтарный камень в сердце памятника, когда ночь позволяет дню проникнуть в области, в обычное время запретные. В Карнаке этот феномен уловить

труднее из-за большой протяженности святилища. Но по своему географическому и мифологическому положению Карнак действительно находится в этом самом центре мира, куда должен идти каждый, чтобы возродиться.

Венеты, как мы сказали, вероятно, были потомками или наследниками последних атлантов, знавших, как строить *солнечную комнату*. Это знание они передали всем народам, строившим мегалиты. Но хорошо известно, что первые по дате — мегалиты Морбиана. Все идет оттуда. Карнак — воистину первичный центр, где может происходить слияние и откуда идет излучение веры, лучи женщины-солнца, питающей своих детей, которые приходят утолить жажду из источника жизни.

Медленный путь через аллеи менгиров Керлескан, Ле-Манио, Кермарио, Ле-Менек и Керзеро — это дорога посвящения, путь на запад, нечто вроде паломничества вместе с солнцем, чтобы наполниться его жаром, чтобы зажечь новую жизнь. При виде каждого менгира хочется воскликнуть, как Шатобриан: «Поднимитесь, желанные грозы!» Но гроза гремит из земли, и символически в этом выражается безумное желание земли быть оплодотворенной небом: нужно, чтобы энергия земли встретилась с энергией неба, чтобы вспыхнула молния, чтобы наконец произошло это слияние, которое сделает землю матерью всех существ.

И во всех холмах, Карнака, Локмариакера и многих других, всеми своими огнями, не обжигая, сверкает лицо женщины-солнца. Единожды оплодотворенная, земля питает всех своих детей и даже принимает их, когда их дыхание пресекается. Потому что она должна дать им новую жизнь. Богиня Начал, Богиня Холмов — это Фея из легенд, которая ждет паломника в конце его странствия через постоянно беременный мир. Несовершенство убивает людей, но каждый знает, что где-то, под земной сенью, Женщина, совершенное воплощение божества, ждет своих верных для священного брака, который может быть совершен только в *солнечной комнате*. Вот в чем парадокс: чтобы подняться над холмами, сначала надо склониться, проползти через тайное отверстие «закрытого дворца королевы», пройти,

сгибаясь, по темным коридорам, где порой пахнет могильной сыростью. Темнота сбивает с толку. Рискнешь заблудиться.

Но в *солнечной комнате* ждет ослепление — то ослепление, которое позволяет видеть сквозь стены. Карнак — одно из тех сакральных мест, где совершались странные ритуалы. Карнак с его бесчисленными камнями нам остается. К несчастью, мы утратили литургии, которые были с ним связаны. И кто сможет вновь их открыть?

*Бьези — Ланво
Монсегюр
1987*

Общая библиография

- Atienza, Juan Garcia.* Les survivants de l'Atlantide. Monaco: Rocher, 1982.
- Brékilien, Yann.* Histoire de la Bretagne. Paris: France-Empire, 1985.
- Brennan, Martin.* The Stars and the Stones: ancient art and astronomy in Ireland. London: Thames and Hudson, 1983.
- Dévigne, Roger.* Un Continent disparu. L'Atlantide, sixième partie du monde. Paris: Oeuvres représentatives, 1931.
- Dossier de l'Atlantide devant la science // *Atlantis*, n° 334.
- Giot, Pierre Roland; L'Helgouac'h, Jean; Monnier, Jean-Laurent.* Pré-histoire de la Bretagne. Rennes: Ouest-France, 1979.
- Gossart, Jacques.* Les Atlantes hier et aujourd'hui. Paris: Laffont, 1986.
- Hawkins, Gerald Stanley.* Stonehenge decoded. London: Souvenir Press, 1966; Glasgow: William Collins Sons & Co Ltd, 1982. (Русский перевод: Хокинс, Джеральд и Уайт, Джон. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1984.)
- Markale, Jean.* La Femme celte. Paris: Payot, 1972.
- Markale, Jean.* La Tradition celtique en Bretagne armoricaine. Paris: Payot, 1975.
- Markale, Jean.* Histoire secrète de la Bretagne. Paris: Albin Michel, 1977.
- Markale, Jean.* Le Druidisme. Paris: Payot, 1985.
- O'Kelly, Michael J.* Newgrange: archaeology, art and legend. London: Thames and Hudson, 1982.

- Poisson, Georges.* L'Atlantide devant la science: étude de préhistoire. Paris: Payot, 1953.
- Péquart, Marthe et Saint-Just; Le Rouzic, Zacharie.* Corpus des signes gravés des monuments mégalithiques du Morbihan. Nancy, Paris: Berger-Levrault, Picard. 1927.
- Spanuth, Jürgen.* Le secret de l'Atlantide. Paris: Copernic, 1977.
- Thom, Alexander.* Megalithic remains in Britain and Brittany. Oxford: Clarendon Press, 1978.
- Wood, John Edwin.* Sun, moon and standing stones. Oxford, New York: Oxford University Press, 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая МЕСТА

Глава I. Путевые заметки одного искателя	7
Глава II. Камни, поднявшиеся из прошлого	39
Глава III. Мегалитические поля	76

Часть вторая ВОПРОСЫ

Глава I. Легендарные камни	117
Глава II. Грезы и реальность	152

Часть третья ЗАГАДКА АТЛАНТИДЫ

Глава I. Таинственная Атлантида	177
Глава II. Атлантида и город Ис	214
Глава III. Проблема венетов	246
Глава IV. Карнак — святилище в центре мира	269
Общая библиография	281

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ
и другие увлекательные произведения

ФИЛИПП ДАРВЕН
ВСЕ СЕКРЕТЫ «АНГЕЛОВ И ДЕМОНОВ»

Хотите узнать, что у ДЭНА БРАУНА правда, а что авторский вымысел?
Существовали ли ИЛЛЮМИНАТЫ? А существуют ли сейчас?
Что такое АНТИВЕЩЕСТВО? Неужели это оружие страшнее атомной бомбы?
Можно ли преодолеть расстояние между США и Европой за ОДИН ЧАС?
Продлите удовольствие, полученное от чтения «Ангелов и демонов».
Читайте Филиппа Дарвена!

РОБЕР АМБЕЛЕН
ИИСУС, ИЛИ СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА ТАМПЛИЕРОВ

Это было запечатлено в архивах РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.
И после КОНСТАНТИНА провели чистку архивов.
Эта тайна была известна ИУДЕЯМ.
И ТРИНАДЦАТЬ ВЕКОВ ГОНЕНИЙ стирали память об этом, уничтожая документальные свидетельства.
Это знали КАТАРЫ.
И ересь была УНИЧТОЖЕНА, вместе с их рукописными документами.
Катары открыли эту тайну ТАМПЛИЕРАМ.
И тогда пришел черед истребить ПОСЛЕДНИХ ХРАНИТЕЛЕЙ.

А ТАКЖЕ

ЖАН-ЖАК БЕДЮ
РЕНН-ЛЕ-ШАТО
Рождение мифа

РОЛАН ЮРО
ИИСУС И МАРИЯ МАГДАЛИНА

НЕ ПРОПУСТИТЕ КНИГИ,
которые помогут разобраться в хитросплетениях сюжетных линий и исторических фактов произведений Дэна Брауна!

ЖАН-ЖАК БЕДЮ
ТАЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ «АНГЕЛОВ И ДЕМОНОВ»

Кто такие ИЛЛЮМИНАТЫ и почему их многие века не было видно?
Правда ли, что их первыми наставниками были РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ?
Замешаны ли ФРАНКМАСОНЫ во всех революциях, и что на самом деле происходит в их ложах?

Воплощает ли вершина пирамиды, изображенной на банкноте в один доллар, МАСОНСКОГО ХРИСТА, которого считают сатанинским?

Откуда явились к нам те ВЫСШИЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ, с которыми якобы общаются медиумы, чтобы поведать нам тайные наставления?

Существуют ли НАСТОЯЩИЕ ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА, имеющие ВЛАСТЬ В МИРЕ?

На все эти вопросы дает ответы Жан-Жак Бедю.

ЖАН-ЖАК БЕДЮ
ТАЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ «КОДА ДА ВИНЧИ»

Каково происхождение ПРИОРАТА СИОНА?

Кто стоит за этой организацией, и каковы ее ЦЕЛИ?

Какова природа таинственного СЕКРЕТА, дошедшего до нас из ТЬМЫ ВЕКОВ?

Погрузитесь в механизмы ПРИОРАТА СИОНА, ФРАНКМАСОНСТВА, ордена ПОЛЯРНОГО БРАТСТВА, синархических течений, ТАМ-ПЛИЕРОВ, ИЛЛЮМИНАТОВ под знаком ГРААЛЯ и РОЗЫ-КРЕСТА.

А ТАКЖЕ

РЕНЕ ШАНДЕЛЬ
ПО ТУ СТОРОНУ «КОДА ДА ВИНЧИ»

Между да Винчи и Люцифером

**РАСКРОЙТЕ ЗАГАДКИ
ТАМПЛИЕРОВ, МАСОНОВ И ТАЙНЫЕ ИСТОРИИ ГРААЛЯ
ВМЕСТЕ С ИЗВЕСТНЫМИ УЧЕНЫМИ**

АЛЛЕН ДЕЗГРИ

двадцать шесть лет кропотливо исследовал самые разнообразные источники, чтобы представить вниманию читателей полное описание знаний тамплиеров в книгах

ЭЗОТЕРИЗМ ТАМПЛИЕРОВ
Книга чудес и откровений

ТАЙНЫЕ ИСТОРИИ ГРААЛЯ

ОРДЕН ТАМПЛИЕРОВ И РЫЦАРСТВО МАСОНОВ

ЖАН МАРКАЛЬ

прослеживает весь путь Грааля сквозь столетия, показывает его влияние на крупнейшие события мировой истории в произведениях

ТАЙНА СВЯТОГО ГРААЛЯ
От Ренн-Ле-Шато до Марии Магдалины

ЖИЗОР И ТАЙНА ТАМПЛИЕРОВ

Научно-популярное издание.

Маркаль Жан
Карнак и загадка Атлантиды

Главный редактор В.В. Чубарь
Ответственный редактор В.Ю. Трофимов
Корректор Н.Э. Тимофеева

Подписано в печать 16.11.07.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 15,12.
С.: Ист. библи. (84). Тираж 2500 экз. Заказ № 5913
С.: ПКДВ (84). Тираж 2500 экз. Заказ № 5914.

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: 235-99-06; 329-05-85
e-mail: eurasia@ymb-service.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

С незапамятных времен загадочные аллеи менгиров Карнака разжигают воображение людей. Такое скопление каменных глыб, возведенных в одном и том же месте с помощью совершенно таинственных технических приемов, действительно способно удивить и озадачить. И многочисленные легенды о них отвечали на различные вопросы: что такое дольмены, менгиры, кромлехи, крытые аллеи — творение богов, осязаемое выражение могущества чудес, всемогущей магии, забытых знаний? Кто их возвел — незримые силы, великаны, гномы, наделенные неведомыми способностями?

Автор предлагает новую гипотезу, смелую, но основанную на текстах и тщательных исследованиях: может быть, памятники Карнака — последние следы цивилизации Атлантиды, утонувшей на заре Истории при необъяснимых обстоятельствах, цивилизации, о существовании и исчезновении которой упоминает только Платон, доверившись египетским документам?

Эта новая гипотеза Жана Маркаля опирается на самые научные основы современной археологии и на сравнительное и систематическое изучение данных истории, антропологии, мифов и легенд. Возможно, загадка Атлантиды обрела свои корни и решение в Карнаке, в огромных мегалитических святилищах вдоль берегов океана?

Историческая библиотека

ISBN 978-5-8071-0266-9

9 785807 102669